ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

РОНАЛЬД НОКС

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ

РОНАЛЬД НОКС

Рональд Нокс — один из ярчайших представителей золотого века английского детектива, автор широко известных «Десяти заповедей детективного романа», ставших кодексом клуба мастеров английского криминального романа — Детективного клуба, основанного им вместе с Агатой Кристи, Гилбертом Честертоном, Дороти Л. Сэйерс и Энтони Беркли.

РОНАЛЬД

НОКС

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н79

Серия «Золотой век английского детектива»

Ronald Knox

STILL DEAD
DOUBLE CROSS PURPOSES

Перевод с английского
В.Н. Соколова («Все еще мертв»),
Е.В. Шукшиной («Фальшивые намерения»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Публикуется с разрешения наследников автора и литературных агентств United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Нокс, Рональд.

Н79 Все еще мертв ; Фальшивые намерения : [романы] / Рональд Нокс ; [пер. с англ. В.Н. Соколова, Е.В. Шукшиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-101097-3

Сбивший ребенка, но оправданный в неумышленном убийстве Колин Ривер отправляется в морской круиз, чтобы развеяться и успокоить голос совести. Но через несколько дней его труп находят на обочине дороги в Шотландии, и Майлз Бридон — следователь страховой компании — должен установить точное время смерти. Однако за двое суток тело успело пропасть, а затем снова появиться, и теперь вопрос выплаты страховки зависит от того, разгадает ли Майлз тайну смерти Ривера.

Кажется, такой союз с самого начала обречен на неудачу. Вернон Летеби, сын пэра, яркий красавец, с экстравагантным вкусом, чье имя не сходит с первых страниц таблоидов и которому отец дает ровно столько карманных денег, сколько нужно, чтобы расплатиться за долги на скачках. И Джо Хендерсон — грубоватый и замкнутый канадец средних лет, бывший контрабандист, среди заслуг которого подозрение в ограблении поезда и незаурядная способность копать.

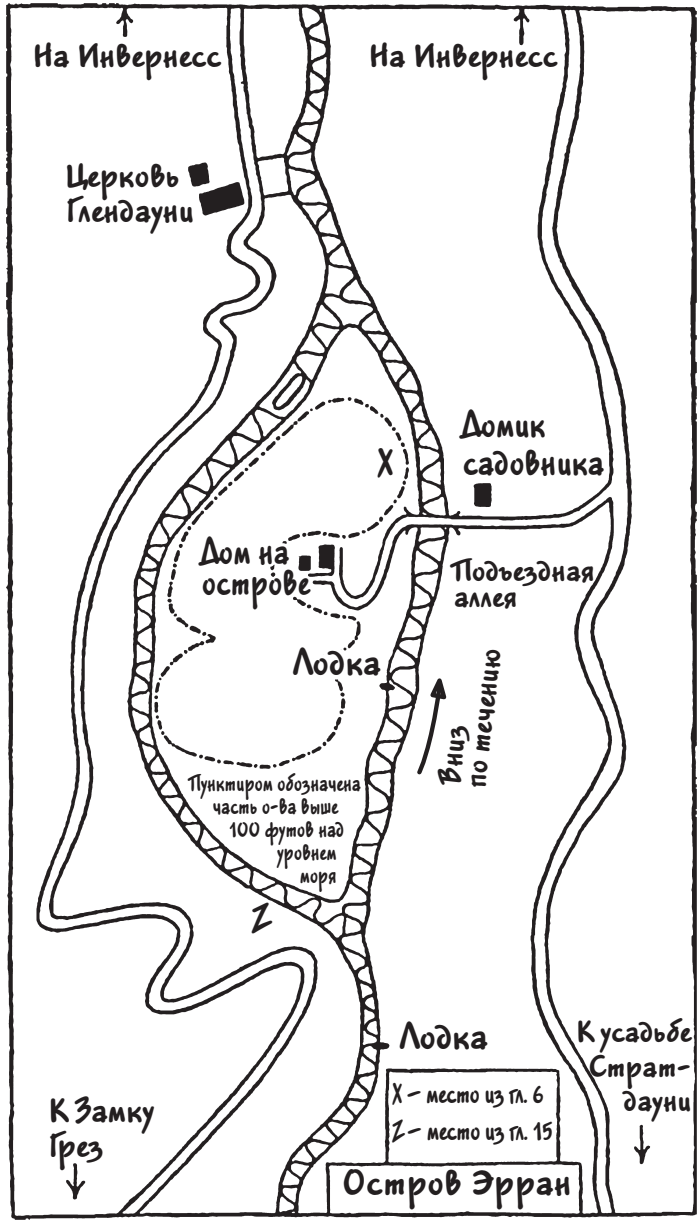
Эта странная парочка отправляется на поиски знаменитого сокровища принца Чарли в Северную Шотландию. По легенде, клад надежно спрятан на острове Эрран, и если верить Летеби, то зашифрованная карта, которую он помнит с детских лет, проведенных в Замке Грёз, выведет их прямиком к тайнику. Осталось всего ничего — договориться с новым владельцем острова и замка сэром Чарлзом Эрдри, и можно приступать к поискам.

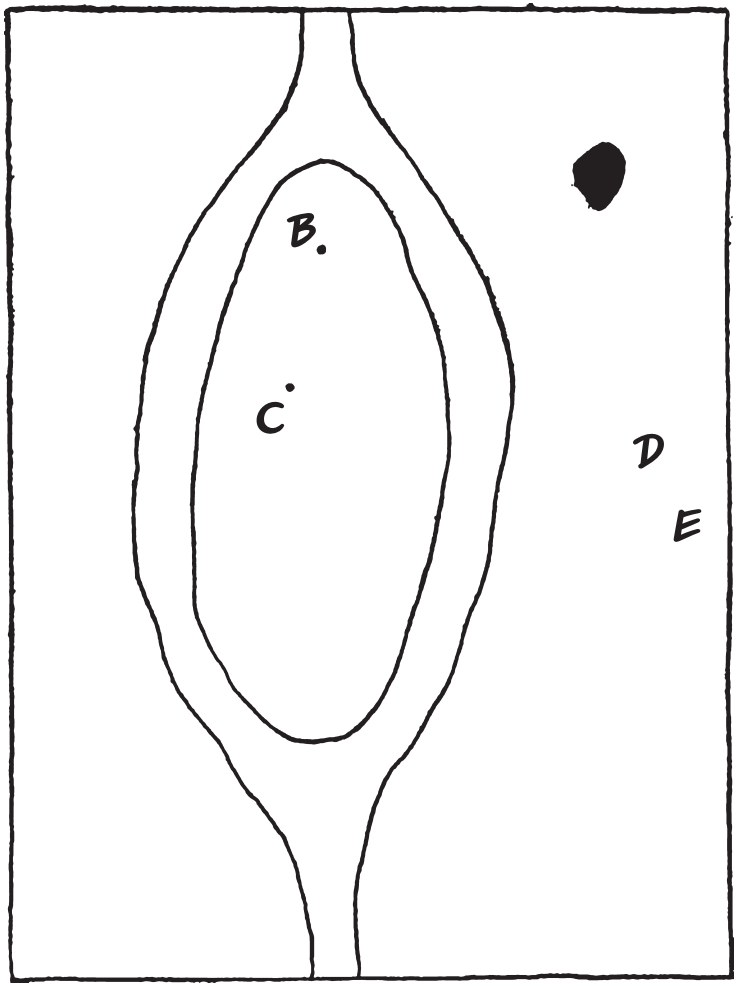
УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Lady Magdalen Asquith, 1934, 1937
© Перевод. В.Н. Соколов, 2018
© Перевод. Е.В. Шукшина, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-101097-3

ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ


На Инвернесс
На Инвернесс
Церковь Глендауни
Домик садовника
X
Дом на острове
Подъездная аллея
Лодка
Вниз по течению
Пунктиром обозначена часть о-ва выше 100 футов над уровнем моря
Z
Лодка
К усадьбе Страт-дауни
X – место из гл. 6
Z – место из гл. 15
Остров Эрран
К Замку Грез



Фотография карты, выполненная Хендерсоном

Глава 1

ПОГОСТ ГЛЕНДАУНИ

— Ну вот и остров.

Казалось, прошла вечность, с тех пор как они свернули с главной дороги.

Все главные дороги, в какой бы части света ни находились, на одно лицо и создают по меньшей мере иллюзию скорости. Глаз выхватывает холмы, реки, селения, дорожные указатели, заправочные станции, занюханные гостиницы — все раскидано на мили вокруг. Ландшафт отпечатывается исключительно в подсознании, а сосредоточены вы на белой ленте дороги и межевых столбах, щелкающих, как костяшки на счетах. Но будьте бдительны, эти мелкие ориентиры чреваты неприятностями, особенно на Шотландском высокогорье, которое при всей своей пустынности не в силах убаюкать вас опиатом монотонности. То вы, подобно курице на насесте, оказываетесь у края крутого обрыва над озером, то, будто в холодную землю, опускаетесь в лиственный мрак, то ныряете под непредвиденные железнодорожные мосты; можно также напороться на отару овец, а то и школьников, из которой, однако, не менее трудно выпутаться и которую в этой уединенной сельской местности еще труднее объяснить. На каждую милю приходится по церкви, на каждые три — по школе, и нет такого имения, что пропустит вас дальше, не представив взору хотя бы три невзрачных строения, возле каждого из которых аккуратная надпись настоятельно рекомендует учитывать привычку хозяина внезапно покидать пре-

делы своих владений. Все дома по обе стороны неизменно обнесены низкой каменной стеной, отчего кажутся то достигшей поздней зрелости нивой, то овцой на крутом вересковом склоне, то застывшим устьем реки, то пихтовыми рощицами, столь беззащитными перед выбравшимися на пикник вандалами.

Последние десять миль оставили ощущение доброй половины всей дороги.

Наконец стало ясно, что низина заканчивается. Природа Высокогорья не расходует свои силы на буйство сродни нашей английской живой изгороди, та не сочетается с традициями более бережливого народа, и природа словно понимает это. Однако вдоль обочины мелькали колокольчики и скабиозы, в полях, виднелись желтые соцветия якобеи, а в лесу возле поваленных деревьев пестрели фонтанчики наперстянки. Но вот и они поредели; в канавы наползли вереск и восковница, ежевичные заросли сменились дроком и ракитником. Они кустились на холме у метки, выше которой не поднималась вода славной речки, снабжающей округу живительной влагой. Лишь редкие фермы с дерзкими пятачками опрометчиво возделанной земли вторгались в природное бесплодие. Леса становились гуще, их мрак — глубже — ведь лес здесь растят не для удовольствия, не для охоты, а как ходкий товар. Через бесчисленные ручьи были переброшены неожиданные мостики с шаткими перилами; справа у дороги журчали источники. По мере того как путники поднимались наверх, воздух, не знавший застойного летнего зноя, становился все свежее.

Вопрос, зачем в этом забытом уголке цивилизации пресвитерианская церковь, ставил разум южан в тупик. Сколько хватало глаз, виднелось четыре-пять разбросанных ферм; если исходить из среднего, обитатели по меньшей мере двух из них по неясным причинам никак не должны были разделять проповедуемую ею специфическую доктрину. И тем не менее вот она, церковь — запертые для посетителей двери из гладкой сосны, застек-

ленные, с готическим уклоном окна, а позади — аккуратный домик пастора и кладбище, по-видимому, старше самой дороги; иначе зачем бы дорога пролегала от церкви к погосту? Погост Глендауни вдали от дороги (именно так называлась забытая Богом деревенька) имел, пожалуй, самое выгодное природное расположение среди всех христианских мест погребения. Он резко обрывался у вершины крутой скалы, нависшей над рекой Дауни, протекавшей на полторы сотни футов ниже. Дорога по касательной проходила мимо крутой излучины реки, так что у путника не было возможности приготовиться к открывавшемуся виду. На повороте, как раз там, где над рекой нависло могильное пристанище, вода вдруг устремлялась вниз. Перепад высоты невелик, однако пороги эти были известны как обитель красоты, созданной приютившими их обглоданными водой скалами. Стоя над обрывом, любуясь рекой, обнажающей земные расселины, прислушиваясь к неумолчному шуму стремнины, вы чувствовали, что могилы позади прекрасно вписываются в общую картину, а древние слова о мертвых, восхищенных на облаках, уже не казались просто туманным образом.

Примерно через четверть мили река разделялась на два рукава, между которыми разместился лесистый остров, на западе почти примыкающий к скалам. Его вознесшуюся почти на двести футов вершину, как и дальнюю часть, отсюда видно не было; обрыв слева был крут, справа — почти головокружителен; в ширину же остров достигал всего нескольких сотен ярдов. Как он тут появился — вопрос к геологам. Основным руслом реки, несомненно, являлось левое, слегка искривленное; правый рукав был почти прям, как будто русло реки — даже не русло, а пропасть, — отгородил огромный оползень или как будто река, раздраженная обходным маневром, нашла природную лазейку, прорубив канал в подходящей для себя скале. Рисунок на воде свидетельствовал, что слева и справа от мыса тянулись отмели, река здесь бурлила над каменной

преградой, поднимая тяжелые рыбацкие лодки. С погоста остров казался необитаемым — не было видно ни одного дома, ни одного моста через дальний рукав реки. Остров расположился в чаше, образованной поднимавшимися по обе стороны отвесными скалами высотой в сто футов, а то и больше, и одним концом касавшейся реки, а другим — вересковой пустоши и холмов.

— Ну вот и остров.

Произнесший эти слова молодой человек, лет тридцати, здоровой комплекции, был красив, хоть и несколько женоподобен. Его силуэт на самой вершине холма казался памятником мастерству английских портных, изумительно точно одевших его для увеселительной поездки в Шотландию. Спутнику, который был куда ближе к среднему возрасту, досталось лицо упорное, черты неподатливые, глаза очень узкие, отлично приспособленные для того, чтобы на все смотреть с подозрением. Костюм отличал его от остальных людей лишь тем, что почти каждая деталь его была чуточку с перебором. Брюки-гольфы чуть мешковаты, куртка слишком явно из домотканого полотна, твид капельку грубоват. Путники остановились на краю плато, возле памятника из чудовищного розового гранита, сообщавшего о недавно усопшем Энгесе Макалистере, скончавшемся в возрасте пятидесяти одного года и глубоко почитаемом всеми, кто его знал. (Шотландцы притязают на то, что их по смерти будут почитать, как англичане тешат себя иллюзиями, что будут любимы.)

— Симпатичный островок, — сказал старший. — А я повидал немало. Но вы говорили, к нему ведет мост. И где он?

— За развилкой, слева. Отсюда не видно. Раньше это была шаткая деревянная уродина, теперь — крепкая бетонная постройка, течением больше не сносит. Дом примерно в четверти пути до вершины, сразу за одной из тех крупных лиственниц, его тоже не видно. Да-а, местечко так и осталось необитаемым.

— Это-то не страшно. А вы, кажется, в восторге от всей этой публичности, газетчиков, которые околачиваются в холле гостиницы и посылают вам воздушные поцелуи на вокзале? Если вам это доставляет удовольствие, валяйте, только не ждите от меня, что я буду якшаться с вашими дружками-журналистами. И чем меньше вы будете приглашать их сюда на выходные, тем больше меня порадуете. За работой предпочитаю заниматься делом, а не тратить время, отвечая на всякие вопросы или докладывая газетам, что я думаю о мировой революции. Особенно когда работа тонкая, без гарантии, что все сработает по плану. Нет, мне вполне подходит большой безлюдный лес. И похоже, все к лучшему, слава богу. А что там за дым справа, видите?

— Где? На этом берегу? Не на острове? А-а, да, вижу... Лудильщики, полагаю. Там нет жилых домов. Чуть подальше Замок Грёз, куда мы, собственно, и направляемся. Его пока не видно.

— А на том берегу, где мост, тоже ничего нет?

— Только домик садовника, у самого моста. Подальше, правда, почти в двух милях, усадьба Стратдауни; ее сдают охотникам, ну, может, и рыбакам. За ней, опять-таки в миле, если не больше, сколько помню, деревня Стратдауни. Господи, где мой старый добрый Лондон? Как здесь уныло! Ни одной хибары, которая не разваливалась бы уже пятнадцать лет назад.

— Рыбакам, говорите? Не люблю ловить рыбу. А как здесь это делается? Сетями, полагаю?

— Боже упаси, нет, конечно. Не в это время года. Тут вы разживетесь лишь парой удочек да каким-нибудь умельцем, который конопатит свою лодку. Нет, я ничего не говорю, может, вам доведется увидеть кого-то и на воде, они тут шныряют, но вообразите английскую реку, какой-нибудь знатный, напыщенный клуб рыболовов, который по субботам после обеда проводит соревнования, запрудив весь берег.

— Значит, все-таки не удастся поработать в саду, чтобы мимо не проплыла компания, например рыбаков, и не

проявила к вам доброжелательный интерес. Впрочем, это меня не касается. Скажу напрямик, Летеби, больше всего на свете я мечтаю о том, чтобы дело сделалось тихо и вы не пристроили нас во все газеты. А то, сдается мне, мы и обернуться не успеем, как здесь уже будут гудеть прогулочные катера.

— Беда в том, Хендерсон, что у вас, в отличие от меня, не безукоризненная совесть. Что же до плавсредств, гляньте вон туда, на цепочку порогов у той оконечности острова, и скажите мне: у кого хватит ума подгрести к ним на какой-нибудь рыбацкой рухляди, не говоря уже о том, чтобы пойти дальше? Нет, есть небольшой участок до острова и еще один, подальше, но в остальном тут слишком бурно, чтобы рыбачить. Придется держать ухо востро, лишь когда у нас будут дела у воды. А потом, нам ведь и надо, чтобы нас видели.

— Это вы так считаете. А я вам вот что доложу: я не собираюсь провести остаток своих дней, выкапывая каштаны на Богом забытом острове вроде этого, если не будет четкого плана. Я немного разбираюсь в видах грунта и скажу вам откровенно: с таким покрытием совсем чуть-чуть — и вы упретесь в скалу. Так что дело не такое безнадежное, как кажется на первый взгляд. И тем не менее мало на свете занятий хуже, чем искать то, чего нет, если вы в точности не знаете, где оно. Нам нужна ваша карта, Летеби, и, если мы намерены осуществить эту затею, нужно потихоньку сделать пару снимков. То есть если мы намерены осуществить ее как следует. Расскажите мне про карту. Где она находится? Какой там свет?

— Откуда я знаю? Повторяю вам, я не был в Замке Грёз тысячу лет, с тех пор он не раз переходил из рук в руки. Не исключено, что проклятую карту продали с остальной ветошью, а значит, чтобы напасть на след, придется обшарить все лавки древностей в Инвернессе. Но даже если нет, где уверенность, что старик Эрдри сохранил все в прежнем виде? Чем дольше я об этом думаю, тем

меньше у меня надежды, что удастся хоть краешком глаза на нее взглянуть. Я помню только, что, когда там жил, в старших классах, она вроде висела в вестибюле или где-то неподалеку, потому что ассоциируется у меня с грудой пальто, шляп и всякого такого. Понимаете, когда я пытаюсь вспомнить, всплывает запах прорезиненной ткани. Загвоздка в том, что это, может, какая-нибудь каморка далеко от входа, где вообще нет света. А тогда ваша идея с фотографированием летит ко всем чертям, и я не представляю, как нам попросить карту, не возбудив у старика подозрений.

— Она была в раме?

— Не помню. А вы что, решили приделать ей ноги? Должен признаться, меня не очень увлекает перспектива сесть за кражу. Нет, старина Хендерсон, нам остается только верить в удачу. В этом вся прелесть затеи. Терпеть не могу определенности.

— В вашем случае это прекрасно. Вы получаете содержание, у вас в городе квартира, вам нечего больше делать, кроме как жить себе да миловаться с хористками. А мне приходится зарабатывать на жизнь. И я отказался от рижского предложения не для того, чтобы сопровождать вас в романтическом путешествии по местам вашей юности и воскрешать запах прорезиненной ткани. Нет, сэр, наш план должен по крайней мере окупить мне дорогу, если уж не больше. Я не испытываю нестерпимого желания превращать вашего Эрдри в миллионера, и если от меня хоть что-то зависит, этого не случится. Пусть пороется в своем старье, больше ничего. Я собираюсь хорошенько рассмотреть карту, если она там. Смотрите, не ошибитесь.

— Знаете, вы возлагаете на нее слишком большие надежды, Хендерсон. Это ведь может быть просто-напросто карта, а цифры на ней могут означать совершеннейшую ерунду.

— Ну что ж, коли мы поставили не на ту лошадь, значит, пойдем другим путем. Но в любом случае, если мы

хотим в половине пятого оказаться в этом Замке Грёз, пора в путь.

— Любуетесь природными красотами? — раздался позади вежливый голос.

Обернувшись, путники увидели веселого румяного человека с седыми усами, который смотрел на них с интересом. Пасторский воротник в неубедительном сочетании с костюмом выдавал в нем хранителя местной обители.

— Простите, что помешал вам, джентльмены, но обычно в это время я запираю ворота, чтобы на кладбище не забредали дурные люди. Отсюда прекрасный вид на остров, не правда ли?

Летеби в знак приветствия снял шляпу.

— Мне это известно уже много лет, — сказал он. — И я приехал именно для того, чтобы еще разок им полюбоваться. Да-а, превзойти это зрелище не так-то просто.

— Скажу вам больше, — продолжил незваный собеседник, — мы тут как-то утром проснулись знаменитыми — вся эта писанина в газетах... Это ведь тот самый остров, куда, как пишут, едут раскапывать сокровища некие английские джентльмены. — Тут в его глазах промелькнула догадка. — Простите меня, сэр, но мне кажется, я имел счастье видеть ваши фотопортреты. Не имею ли чести беседовать с достопочтенным Верноном Летеби?

— Поздравляю вас, сэр, — ответил молодой человек, — до сих пор я не догадывался, что существует возможность проследить сходство между этими фотографиями и оригиналом. Вам следовало бы стать сыщиком. Однако, поскольку я разоблачен, позвольте представить моего, так сказать, сообщника, мистера Хендерсона.

Мистер Хендерсон засвидетельствовал свое удовольствие от встречи с незнакомцем, которое, правда, входило в противоречие с выражением его лица.

— Странно, что мы столкнулись именно сейчас, — сказал пастор. — Знаете, я думал о вас всего минуту на-

зад, когда переходил через дорогу и заметил вашу машину. Так вы верите в историю с сокровищами принца Чарли*, мистер Летеби?

Однако досточтимый джентльмен, прекрасно зная, что в беседе важна инициатива, не предоставил паузы для ответа. Он имел нечто вроде образования и, несомненно, писал историю края. Преимущественно пастор был специалистом по 1745 году** и не собирался за понюшку табаку отказываться от слушателей, которые, надо полагать, в Глендауни были довольно-таки большой редкостью.

— Видите ли, — продолжил он, — в том, что принц Чарли действительно здесь проходил, не может быть ни тени сомнения. Ни тени сомнения. Но вопрос в том, оставил ли он тут что. Вот в чем вопрос-то. Вы, конечно, можете сказать мне, что, вполне вероятно, ему из Франции посылали деньги и, возможно, драгоценности. Но ведь я этого и не отрицаю. А вы мне скажете, что он очень торопился убраться отсюда подобру-поздорову и у него было совсем немного времени, чтобы как следует упаковать багаж, — это в самом деле так. Но тут мне придется вам возразить. Во-первых, необходимо учитывать, что красные мундиры*** так ничего и не нашли. А уж они, будь хоть малейшая возможность, не оставили бы сокровища на произвол судьбы, доложу я вам. А еще семейство Стратспил, владевшее Замком Грёз все те годы. Да вы же им родня, мистер Летеби, и я не скажу о них ни одного дурного слова, но... — Тут пастор доверительно взял молодого человека за отворот куртки. — Стратспилы понимали ценность денег ничуть не хуже всех остальных и не оставили

---

* Карл Эдуард, по прозвищу принц Чарли (1720—1788) — предпоследний представитель дома Стюартов, якобитский претендент на английский и шотландский престолы. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Дата последней попытки реставрации Стюартов на шотландском престоле.

*** Английские правительственные войска.

бы клад на острове Эрран, если бы его можно было раскопать. Так вот, ради бога, отдыхайте на острове, но я не очень верю, что ваша находка окупит расходы. Хотя, возможно, все к лучшему, ведь вы не навлечете на себя проклятие.

— Проклятие? — переспросил Летеби.

— Боже правый, так вам ничего об этом не известно? Да, в этих краях бытует предание, что здесь в самом деле зарыты сокровища, но того, кто их найдет, постигнет несчастье, и он трижды пожалеет, что связался с ними. Да, мистер Летеби, великие богатства могут стать проклятием для любого из нас, но вижу, вижу, вы нервничаете, вам пора ехать. Не стану задерживать вас своей болтовней.

— Может, вас куда-нибудь подбросить? — предложил Летеби, усаживаясь в машину. — Мы направляемся в Замок Грёз.

— Благодарю вас, я пройдусь. Если чуть опоздаете к чаю, просто скажите сэру Чарлзу, что заговорились с пастором из Глендауни. Он-то знает, что это такое. Всего доброго, сэр, всего доброго вам обоим.

Путешественники отъехали, помахав рукой, но стремительность, с какой Хендерсон набрал скорость, можно было приравнять к смачному ругательству.

Мне бы хотелось официально представить читателю двух главных персонажей, тем более что об одном из них, Верноне Летеби, промолчать просто невозможно. С таким же успехом вы можете попытаться укутать завесой молчания отборочные соревнования по крикету или памятник принцу Альберту. Всем, кто читает дешевые газеты — а большинство их читает, — было знакомо имя Летеби. Если спросить, почему оно, собственно, им известно, людям, возможно, будет непросто указать веские причины. Летеби не был спортсменом, вообще никогда не занимался спортом, не перелетал через Атлантику, не участвовал в Бруклендских скачках. Он не заседал в парламенте, не издал ни одной книги, не писал маслом, пусть даже плохо. Он играл в гольф (у него даже имелся какой-то там

гандикап), сносно танцевал и поигрывал в бридж; политические убеждения позволяли причислить его к самым обыкновенным коммунистам, из тех, что модны в Челси. Он ни разу не спас никого из воды, не выиграл на ирландском тотализаторе, не видел привидений, вообще не совершил никаких подвигов, которые на законном основании выделили бы его из собратьев. Множество современников имели экстерьер получше, однако жизнь вели похуже. Едва ли «Таймс» посвятила бы ему и полколонки некролога.

И при всем том он был в новостях. Странное кривое зеркало, дешевая пресса, ради нашего увеселения извращающая мир, обнаружила, что он обладает, или может обладать, публичной ценностью. С сожалением должен признать, это некоторым образом было связано с тем обстоятельством, что он являлся сыном некоего пэра, хотя и младшим. Мы уже давно перестали быть аристократической нацией и угомонились, установив режим всеми признаваемой плутократии. Если отпрыск благородной фамилии изберет одну из тех почтенных профессий, что были открыты для его предков, мы не обратим на него ни малейшего внимания. В палате общин ему сильно повезет, если он пробьется на должность младшего секретаря; в армии он низведен до статуса славного парня, которому, разумеется, и в голову не придет делать тут карьеру; в церкви его игнорируют, поскольку никто уже не помнит, в каком он сане — преподобия или высокопреподобия. Что до досуга, история повторяется: он обязан охотиться, стрелять, посещать скачки — это мы считаем чем-то само собой разумеющимся; однако выделись он где-либо здесь, престижа ему не прибавится. Но коли уж вы угодили в новости, самую заурядную кучу-малу новостей, ваш титул усилит блеск зрелища. «Ограблена графиня» — заголовок посильнее, чем «Украдены бриллианты на 5000 фунтов». Если вам доведется задеть чей-то чепчик, вы угодите в заметку «Пэр попал в аварию». «Сын графа на скамье подсудимых» и «Титулованный лифтер» осве-

жат ощущения у самых пресыщенных читателей; и даже «Приговор баронету» еще не вполне утратил свою привлекательность, хоть и потерял обаяние уникальности. Появиться на свет сыном герцога само по себе еще ничего не значит; куда лучше уродиться четвероногим. Но, будучи сыном герцога, вы тут же попадете в поле зрения публики, если угодите в какую-нибудь неприятность или проявите неслыханную эксцентричность.

Что же такого сделал Вернон Летеби, что публика удостоила его не почтением, нет, однако своего рода добродушным презрением? Он жил среди людей богаче его, больше развлекался сам, нежели развлекал других, общался с людьми умнее его, заимствуя у них эпиграммы и обирая на анекдотах. Его портреты появлялись в иллюстрированных изданиях: он смахивал то на белого медведя в Санкт-Морице, то на ощипанную курицу в Антибах, то танцевал в паре с «бедствующей монархиней», то обедал в пользу «жертв землетрясения»; впрочем, иногда он даже ходил на приемы ради удовольствия. Правда, иллюстрированные издания — еще не в полном смысле публичность, они лишь шаг к ней. Летеби, конечно, танцевал и обедал, но что же такого сделал?

Если разобраться, вина лежит на светских хроникерах. Вернон Летеби, как уже убедился читатель, не принадлежал к той породе людей, которые совершают нечто безумно сенсационное. Тем не менее он всегда был готов совершить что-нибудь слегка сенсационное, пусть речь шла всего-навсего об одолжении приятелю-газетчику, рыскавшему в поисках материала. Он мог держать дома детеныша леопарда, или в сером цилиндре пройти на веслах озеро Серпентайн, или распустить слух о своей помолвке с известной киноактрисой, или пригласить на коктейль пару десятков бродячих актеров — подобные штуки, которые заставят говорить о вас всю Флит-стрит, он умел устраивать в Лондоне лучше всех. Иногда он расширял сферу деятельности, и ему почти удавалось быть забавным. Он мог, к примеру, на спор прискакать в клуб

на верблюде, или от имени хозяйки известного салона разослать приглашения на прием первого апреля двумстам самым ужасным членам лондонского общества, или проехать сотню миль по оживленному шоссе в инвалидном кресле, устраивая заторы или пропуская автомобили — по настроению.

По утверждению его друзей, авантюра, в которой он оказался замешан на сей раз, в виде исключения не была его прихотью. Летеби действительно очутился на мели, поскольку упомянутое выше содержание по сути лишь позволяло выплачивать долги по скачкам, а он не мог отказаться от квартиры в Лондоне и похоронить себя в далеком пертширском поместье, которое уступала ему тетка при строжайшем условии, что Вернон не будет туда никого пускать и не будет его никому сдавать. Как выяснил обладавший генеалогическим чутьем на земляков пастор, тетка эта по материнской линии принадлежала к семейству Стратспил; и ныне запертая усадьба была немногим лучше склепа, приютившего останки якобитов, полученные по наследству вместе с домом. Они тоже были неотчуждаемы и, по совести сказать, особой ценности не имели, а потому, вероятно, мало кого удивит тот факт, что мысли Вернона Летеби обратились на более товарные реликвии, кои, как утверждало предание, покоились во глубине земли на острове Эрран. Его нынешний владелец, сэр Чарлз Эрдри, уроженец Глазго, сколотил состояние на пароходном деле; и, если он сохранил договороспособность, то представлялось разумным, что клад принца Чарли достанется наследнику по линии Стратспилов (хотя и согласно лишь Салическому закону*). Однако подход Летеби к делу, надо сказать, не отличался таинственностью или коварством. Напротив, он поделился своими планами с воскресными газетами; остров Эрран был у всех на

---

* Салический закон (VI в.) — свод обычного права германского племени салических франков. Здесь речь идет о правилах, регулирующих семейные и наследственные отношения.

устах; и, если бы не лишние расходы, молодой человек прихватил бы с собой кинооператора, дабы тот запечатлевал развитие событий.

Такая открытость, как мы убедились, была отнюдь не по вкусу его партнеру по предприятию, выходцу из колоний по имени Хендерсон, которого Летеби подобрал на каком-то боксерском матче и с которым возился вот уже больше месяца с преувеличенной фамильярностью декадентствующих аристократов по отношению к нежелательным друзьям. Джо Хендерсон, получивший прозвище Копатель, не делал тайны из некой авантюрности своего жизненного пути. В самую респектабельную свою пору — если судить по готовности, с какой он рассказывал об этом, — Копатель организовывал оптовые продажи виски в Соединенные Штаты Америки, когда данный продукт проходил там по разряду контрабанды. Пребывание Хендерсона в Канаде инфицировало его речь мелодикой и рядом выражений, ответственность за которые нужно возлагать на северных американцев; однако в целом его манера говорить позволяла предположить и более ранние контакты с антиподами; не пускаясь в излишние подробности, он обычно именовал себя уроженцем всей Британской империи. Хендерсон появился в Лондоне в качестве представителя мексиканского нефтяного концерна. Фирма не поощряла расспросов ни о своем местонахождении, ни о своей истории, и Копатель едва ли мог надеяться почти с ходу, как привелось, быть принятым в лучшее общество Челси. В нашей решительной патриотичности мы пригреваем на груди доминионы, не требуя рекомендательных писем. Заметив иные речевые особенности, забываем спросить, а говорит ли человек так, как должен говорить образованный член общества в тех краях, откуда прибыл приезжий. Мы не требуем диплома какого-либо особого учебного заведения или горячего интереса к вкусам и развлечениям наших праздных классов. Если пришелец хвастается, что застрелил лисицу, мы говорим друг другу, что там

так принято. Иными словами, мы открываем любопытному образчику варварства все двери, и нам не приходит в голову спросить, а не был ли он замечен в стенах тюрьмы.

Собственно говоря, мистер Хендерсон не имел опыта подобного, хотя жизненного опыта он накопил немало. Однако его воспоминания, особенно когда он пребывал в состоянии определенного подпития, позволяли предположить, что его друзьям повезло меньше. Нет нужды говорить, что явный облик авантюриста придавал Хендерсону дополнительный вес в глазах Вернона Летеби, который страсть как любил играть с огнем. Канадец, которого вполголоса можно представить как «понимаете, слегка жулик», ничем не хуже детеныша леопарда. Газетчики нашли мистера Хендерсона довольно сдержанным в отношении его прошлого, да и вообще несклонным проводить с ними время. Они единодушно прибегли к предписанному в подобных случаях приему и наложили на него тавро «человек-тайна» — совершенно безвредное.

Весьма характерно для Вернона Летеби, что он позволил друзьям из журналистских кругов написать о грядущих поисках сокровищ, еще прежде чем получил возможность убедиться, что они в самом деле состоятся. Визит в Замок Грёз подавался — в числе прочего — как деловая беседа, в ходе которой участники обсудят условия аренды. Было нелегко понять, из чего предполагалось оплачивать первоначальные расходы, если только сэр Чарлз Эрдри не проявил бы исключительной уступчивости, что в денежных делах было ему не свойственно. Обоих компаньонов можно было лишь со скрипом назвать платежеспособными; кроме того, Хендерсона не приводила в восторг мысль о создании своего рода синдиката. «Если вам досталась стоящая вещь, — говаривал он, — было бы расточительством подпустить к ней собственного брата». Кто-то, говорил он, должен застраховать затею, оградив их от неудачи. Любому, кто, как Копатель, привык к обширным пространствам Нового Света, было совершенно ясно,

что найти игроков, которые застраховали бы чистой воды авантюру, не составит ни малейшего труда. Вернон Летеби, достаточно равнодушный к деловому аспекту предприятия, в этом сомневался, однако Хендерсону не возражал.

Глава 2

ЗАМОК ГРЁЗ

Как и множество усадебных построек Высокогорья, Замок Грёз представлял собой эклектичное сооружение. Оно появилось на свет около шестисот лет назад, если судить по тому, что сохранилось, — эдакий средневековый небоскреб, огромная башня чуть более сорока футов в основании, ярус за ярусом ползущая вверх — следом за бесчисленными изгибами походившей на штопор лестницы — к традиционному набору фронтонов, усеянных шипами зубчатых наверший. Составителей путеводителя, обмолвившихся об «исторической громаде», вопреки обыкновению посетило вдохновение: это была именно громада, и можно только догадываться, как горцы были привычны к горным прогулкам, если не придавали значения такому пустяку, как семьдесят-восемьдесят ступеней по возвращении домой с изнурительной дневной охоты. Еще мучительнее попытка представить себе, как они после ужина забирались в постель. Так и хочется спросить, а не служил ли замок в ту пору не столько пристанищем, где жили и которое защищали от врагов, сколько ловушкой, куда заманивали этих самых врагов, чтобы избавиться от необходимости от них защищаться. Но так или иначе вот он, приятный глазу замок: плавные очертания, узкие окна; толстая каменная стена с вырезанными амбразурами покрыта устойчивой к времени штукатуркой — эдакий заслон от малярии, которая, судя по всему, была самым страшным врагом.

В краткий период процветания, посетивший Север во времена наших пра- и прапрадедов, эта основа, конечно,

нуждалась в расширении. Излишне говорить, что она и была расширена — в духе барониальной готики — архитектором, который, похоже, простодушно полагал, что достраивает замок в изначальном стиле. К несчастью, то ли по прирожденной неспособности зодчего, то ли поскольку заказчики в погоне за материальными удобствами изменили проект, степень сходства пристроек с первоначальным массивом служила исключительно для привлечения внимания к их недостаткам. Огромные квадратные окна с деревянными средниками разрушали иллюзию Средневековья; это ощущение усиливали бесполезные башенки в самых неожиданных местах и горгульи на концах водостоков. Стены были отделаны скверно обработанным камнем, дабы не привлекать внимания к тому обстоятельству, что за ним скрывается кирпич. И даже штукатурка, словно от неловкости за собственное вторжение, сменила цвет с мертвенно-белого на пригородно-розовый.

Однако владения, по которым ехали путники, имели скорее сельский вид, без претензий. Трудно было с уверенностью сказать, где кончалась дорога и начиналась частная территория. Вдоль дороги, усыпанной ковром из иголок нависающих арками сосен, рос вереск. Конечно, назвать это парком можно было с большой натяжкой, но примет феодализма здесь в самом деле не наблюдалось. Только сад за серыми каменными стенами, казалось, отстаивал свое право на уединение. Отсутствие помпезности взбодрило авантюрный дух. Если сэр Чарлз Эрдри не выражает явного желания закрываться от мира, значит, он либо довольно беден и примет почти любые условия аренды невыгодного острова, либо достаточно консервативен и сохранил дом в прежнем виде — со старинной картой острова где-то неподалеку от главного входа.

Сэр Чарлз был здравомыслящим человеком; он не пытался понизить свой статус короля торговли Глазго до ненатурального положения вождя местного племени: не носил килт, не поднимал себе обед на лифте, не изучал гэльский язык. Он плохо стрелял и знал это; рыбу удил

намного лучше и любил это занятие; обращался со своими арендаторами самую капельку менее вежливо, чем было здесь принято, и со скромным достоинством заседал в совете графства. Маленький высохший человек, сгорбленный чуть больше, чем позволяли годы (ему было слегка за шестьдесят), смотрел на своих гостей из-под кустистых бровей полухитрым-полуироничным взглядом, что Летеби заметил и на что обиделся, приняв за подозрительность. При всем том хозяин выказал приличествующее случаю гостеприимство и сделал вид, что почтен визитом, который отнюдь не отличался церемониальной торжественностью.

— Проходите, выпьем чаю, — предложил он. — Вы долго были в пути. День хоть и славный, но здесь не те дороги, к которым вы привыкли на Юге. Осторожнее, не ударьтесь головой о притолоку. Ужасно старый дом — частично. Потом я проведу вас. Хотя вам, конечно, здесь все знакомо, мистер Летеби.

В чудовищных пропорций гостиной, от пола до потолка обшитой сосновыми панелями, они были представлены овдовевшей невестке, которая смотрела за домом сэра Чарлза. Она была англичанкой, притом довольно робкой; в своей решимости не говорить за едой о делах леди категорически не заводила речи ни об острове, ни об истории края, ни о соседях, подняв вопросы вымирания сельского населения, Северных встреч*; наконец гости были готовы кричать от нетерпения. Летеби, мотнув головой, дал понять компаньону, что в вестибюле карты не видно.

Однако муки чистилища на том не закончились. Не допили чай, как состоялось вторжение внуков — маленького мальчика, который прыгал на одной ноге и, страшно страдая от смущения, все пытался улизнуть от разговора, и совсем маленькой девочки, которая выжидатель-

---

* Речь идет о череде светских мероприятий, проводимых в Инвернессе в сентябре и особенно известных своими соревнованиями волынщиков.

но смотрела на вас, как будто была убеждена, что сейчас вы непременно скажете что-нибудь смешное. Летеби тут же попытался втереться к детям в доверие, взяв непринужденный приятельский тон пустого человека; Хендерсону же их присутствие было явно неприятно. После довольно продолжительного шепота выяснилось, что «оба малыша идут в ногу со временем. Ален всегда в курсе последних газетных новостей. Вы не поверите, мистер Летеби, они закопали в парке клад и требуют, чтобы мы отправились на поиски. Ты выбрала не тот день, Джанни, у нас в гостях два крупных знатока, у них не займет много времени найти клад, уверяю тебя». Тем не менее процессия отправилась на поиски, но, несмотря на прозрачные подсказки детей, прошло целых полчаса, пока в самом центре поместья из недр не вырыли «клад» — старую коробку. Сэр Чарлз находился в самом шутливом расположении духа, без устали подтрунивая над посетителями, когда они брали ложный след, и утверждая, что нынешние затруднения ничто по сравнению с тем, что ожидает кладоискателей на острове. Было уже сильно после пяти, когда гости остались наедине с хозяином; время их истекало, а свет тускнел — не лучший момент для использования фотоаппарата.

— А знаете, — начал сэр Чарлз, — я нахожусь в непривычном положении. Как правило, сдавая недвижимость, я пою ей дифирамбы, кричу на всех углах, сколько куропаток здесь полегло в прошлом году или сколько выловили лосося. А ежели прошлый год выдался не очень удачным, беру среднее. Макиннону — так зовут моего управляющего, Макиннон, — цены нет. Будь он сейчас здесь, полагаю, рассказал бы вам, что остров просто набит сокровищами, что они там в каждом уголке, в каждой щелочке, вы бы наверняка его взяли. Может быть, это странно, но сегодня я вам ничего такого говорить не буду. Если честно, джентльмены, вы пытаетесь поймать журавля в небе.

Хендерсон бросил на него быстрый взгляд, выражающий явное облегчение.

— Приятно иметь дело с практичными людьми, — заметил он. — Ведь вы хотите сказать, мы выкупаем у вас один шанс на тысячу, что найдем сокровища. Остров, может, и красив, прекрасно, но мы приехали сюда не рисовать; и если продолжать в том же духе, я бы сказал, это не сулит вам золотые горы, тем более что наступает арендный сезон. Но тут в игру вступает холодный здравый смысл. Если мы что-нибудь находим, вы предъявляете на находку свои требования. Если не находим ничего, вы уступаете нам в арендной плате. Мы надеялись, что вы изберете именно такой подход.

— Я вас понимаю, — бесстрастно отозвался хозяин. — Но боюсь, вы не вполне уловили мою мысль. Видите ли, не то чтобы я любой ценой хотел сдать остров в аренду. Вопрос мотивов. Если же допустить, что вы что-нибудь там найдете — а, как я уже сказал, по-моему, это маловероятно, — то находка, за вычетом доли государства, принадлежит мне; и ваша забота заручиться надежным договором, чтобы иметь на нее какие-то права. Если же вы найдете то, что, по моим предположениям, должны найти, то есть ничего, не мое дело утешать вас, отказываясь от части аренды. Я вовсе не хочу вас подзуживать. Понимаете, если бы вы ехали туда писать на пленэре, остров достался бы вам по дешевке; к художникам я питаю слабость. Если бы учились на богословов и искали уединенное место, даже не передать, насколько вы бы остались мной довольны. Но с моей точки зрения, это чистое безрассудство, господа, с которым я по возможности не хочу иметь ничего общего.

Повисла короткая пауза, а затем Летеби, который никогда не умел держать язык за зубами, добавил:

— Пока дело не дойдет до дележа, судя по всему.

— Замечание не кажется мне справедливым, мистер Летеби. Все, что находится на острове, принадлежит мне, и у вас не больше прав забрать оттуда четырехпенсовик, ежели вы таковой откопаете, чем рубить там дрова. И кстати, возникает еще один вопрос: как вы соби-

раетесь искать клад, если не больше моего знаете, где он находится? Или вы намерены по ходу дела распахать всю землю и выкорчевать все деревья? Это, вероятно, надо понимать как «улучшение арендатором нанимаемой недвижимости»?

Компаньоны перебросились короткими репликами, затем Летеби сказал:

— Разумеется, мы будем руководствоваться вероятностью. И конечно же, не рассчитываем, что барахло в аккуратной упаковке ждет нас на пороге. Мы бы хотели просить вас позволить нам копать, и, если нанесем какой-либо ущерб, будет только справедливо, что вы выставите любые условия. Что до дров, мы вряд ли станем этим заниматься. Я бы предложил следующее: если и когда нам покажется, что неплохо бы получить ваше разрешение, мы к вам за ним обратимся. Но это вопросы не первостепенной важности, их мы сможем решить при случае. Вот что бы нам действительно хотелось знать — боюсь, время наше на исходе... Не видите ли вы возможности пойти нам навстречу, предложив не столь суровые условия, поскольку, если мы наткнемся на нефтяную жилу, в выигрыше будете вы, впрочем, и все остальные тоже.

— Что ж, мистер Летеби, буду с вами предельно откровенен. Арендная плата именно такова, как ее обозначил Макиннон, когда вы ему написали, ни больше ни меньше. Я вынужден требовать ее от вас, понимая, что вы превратите остров Эрран в лакомый кусок для дешевых газет и натащите сюда толпы путешественников, а скорее всего, еще и журналистов, которые повредят репутации места и поставят крест на рыбалке. Но я абсолютно честен с вами. Вы вдвоем берете остров для проведения досуга, и я надеюсь, получите удовольствие. До поступления от вас какой-либо информации я исхожу из того, что строго в пределах указанной суммы я от сдачи острова в аренду ничего не теряю и ничего не приобретаю. Поразмыслите об этом, мистер Летеби, и если я услышу, что вы отка-

зались от затеи, ну тогда я изменю свое мнение о вашей проницательности в лучшую сторону.

Какое-то время казалось, что молодой человек сейчас заговорит, воззовет под занавес то ли к разуму, то ли к чувству. Но если он и собирался это сделать, то, по всей видимости, передумал. Встав со стула, Летеби лишь сказал:

— Вы спрашивали, сэр Чарлз, не угодно ли нам будет перед уходом осмотреть дом. Хендерсон прежде здесь не бывал; да и я, признаюсь, хотел бы освежить воспоминания. Боюсь, мы отняли у вас уже порядком времени, но...

— Глупости, молодой человек. Милости просим, обойдемте дом, пока вы не уехали. Поймите, — добавил хозяин, пожав гостю руку с видом искренней доброжелательности, — вы здесь отнюдь не нежеланные гости. Ваша семья по-прежнему у нас в большом почете. Но вот если бы вы приехали сюда по другому поводу...

И хозяин достаточно вежливо показал гостям наиболее старые фрагменты здания, обращая их внимание на то, как узкое окно — случайно или преднамеренно — служит идеальным обрамлением панорамы горной лощины, или объясняя Летеби, с какой целью он произвел те или иные изменения.

— Вы ведь помните времена, когда в башенках еще были комнаты. Поверьте, сегодня прислуга этого бы не потерпела.

Маленькая комнатка с самым, пожалуй, красивым видом располагалась примерно посередине башни. Из-за нескладной формы и размера ее и впрямь сложно было приспособить под жилье, и, похоже, помещение использовали для хранения разного рода архивных документов, хартий, грамот и прочая. У стен стояли сундуки с бумагами, на блестящих черных крышках была указана тематика, к которой относилось содержимое. Один стеклянный ящик был заполнен инкунабулами, представляющими умеренный интерес, а на стене, помимо нескольких цветных карт, где были нанесены границы поместья, висела парочка генеалогических древ. Сердце у Летеби забилось

быстрее, когда он заметил среди карт одну, несомненно, древнее остальных. На ней грубыми линиями был изображен остров посреди реки. Пометки, как он теперь видел, были выполнены не цифрами, а заглавными буквами, слабенько выведенными поблекшими чернилами. Это и была та самая карта, которую они искали. К несчастью, ее поместили рядом с единственным окном и свет на нее практически не падал. Но карта висела на крючке, и, останься Хендерсон на пару минут один, он мог бы снять ее со стены и, прежде чем ему помешают, сфотографировать своим миниатюрным фотоаппаратом.

Хорошим предлогом заставить сэра Чарлза высунуться из окна показался вопрос, а что это там за холм загораживает вид слева. Хендерсону же молодой человек быстрым жестом дал понять, где именно находится объект их поисков. Затем он подошел к генеалогическому древу и, будто бы вспомнив что-то при виде одного имени, с предельно небрежным видом спросил:

— А кстати, сэр Чарлз, могу ли я еще разок взглянуть на ту гравюру, портрет Флоры Макдональд, что висит наверху в коридоре? У меня дома есть очень похожий, я хотел бы получше его запомнить, чтобы сравнить по возвращении. Вам не составит труда подняться и еще раз посмотреть?

Хозяину было сложно отказать, а Летеби, выказав достаточную чуткость, предупредил подозрения, на которые могла навести внезапная просьба, и, выйдя из комнаты, сделал вид, будто это повод, чтобы перебросится с Эрдри парой слов о специфическом компаньоне.

— Знаете, если честно, — начал он, — та гравюра не очень-то мне и нужна. Но если не возражаете, я хотел бы увести вас на минуточку, просто чтобы рассказать про старину Копателя. Насколько я понял, он вам не понравился, он мало у кого вызывает симпатию. Меня Хендерсон крайне забавляет, но в отношении друзей я, как мне, впрочем, давно уже говорили, всеяден. Однако должен вам сказать, он не так уж и дурен. В первом приближе-

нии, конечно, таких при Эдуарде называли невежей. Уверяю вас, не у всех есть деньги; но на самом деле он порядочный человек, я настаиваю. Точнее, не то что настаиваю, поскольку едва ли могу ожидать, что вы со мной согласитесь, не правда ли?.. Я настаиваю вот на чем: мне бы не хотелось, чтобы вы начисто отбросили эту мысль просто потому, что вам не нравится Копатель. Когда мы обсуждали условия сделки, мне пришло в голову, что вы, возможно, несколько недовольны, так как не уверены, что мы вам заплатим, и потому не хотите. А знаете, давайте договор подпишу я один, а Копателя мы просто-напросто отстраним? Поскольку если кому-то из нас двоих и придется искать деньги, то это буду я. Я к чему, ради бога, не заставляйте меня думать, будто вы решили, что связались с жуликом. Совсем не так, далеко не так.

Брови сэра Чарлза, которые в начале тирады демонстрировали признаки зарождающегося удивления, снова встали обычным углом ироничной проницательности.

— Ну, это не повод для ссоры, — ответил он. — Не сомневайтесь, Макиннон неусыпно бдит на страже моих интересов, и если у вашего друга Хендерсона нет постоянного местожительства, что ж, тогда Макиннон проследит за тем, чтобы арендную плату внесли вы. Вот что я вам скажу, мистер Летеби: смотрите внимательно, куда ввязываетесь. Я долгие годы вел дела с множеством самых разных людей, да еще в Глазго, и, полагаю, могу при случае распознать сомнительного типа. Он обведет вас вокруг пальца, этот Хендерсон, потому что слонялся по миру и делал дело, пока вы шатались по Лондону, приискивая себе дело. У него неприятный лоб, и он слишком близко наклоняется к вам, когда говорит. Если вы соблаговолите воспользоваться моим советом, мистер Летеби, доверяйте ему, только пока он у вас на глазах. А если считаете, что я жестко торговался по поводу арендной платы, так это частично потому, что не испытываю большого желания видеть, как вы вдвоем с вашим другом Хендерсоном поселитесь в таком уединенном месте, как мой

остров. А теперь, если не возражаете, вернемся, иначе он начнет беспокоиться.

Последнее соображение сильно грешило против правды. Мистер Хендерсон был полностью погружен в свои занятия в нижней комнате и нельзя сказать, чтобы с нетерпением ожидал, пока его прервут. Дверь не успела закрыться за хозяином и молодым гостем, как он снял со стены искомый экспонат и принялся пристально его рассматривать. Буквы, которые, похоже, вписали другими чернилами позже, чем составили карту, можно было трактовать только как последовательность зашифрованных указаний, чтобы отыскать на острове какой-то определенный объект. Что за объект, как читать шифр — об этом предстояло поразмыслить на досуге. А в первую очередь, разумеется, надо было поместить карту в раме на крышку сундука прямо напротив окна и в угасающем свете летнего вечера установить экспонометр. Не зная точно, как надолго сообщнику удастся задержать сэра Чарлза разговором, Хендерсон не стал дальше изучать карту, и в момент, когда дверь опять открылась, он, казалось, был полностью погружен в созерцание фамильного древа, прослеживавшего генеалогию Стратспилов — по младшей ветви иудейских царей, никак не меньше, — от Адама.

Но даже поглощенный этими штудиями, Копатель испытал некое смущение от внимательного взгляда, которым одарил его сэр Чарлз по возвращении. Сразу чувствовалось, хозяин натренирован в подозрительности. Хендерсон решил, это удачный момент для шутки в колониальном стиле.

— Там, откуда я прибыл, не придают особого значения таким вещам, — сказал он. — Само собой, мы бы не стояли здесь, если бы маленький божок Купидон не резвился посреди древнего люда, на том и порешим.

Мысль, с которой сэр Чарлз, слегка вздрогнув, принужден был согласиться. Он проводил гостей до дверей, посоветовал, как срезать часть пути, чтобы немного сократить дорогу до дома, и помахал рукой с порога — все

такой же учтивый, такой же неумолимый, такой же непроницаемый.

— Что это за номера? Какого черта он задирает цену? — принялся ворчать Хендерсон, когда компаньоны отъехали на приличное расстояние и их уже не было слышно. — Квохчет, будто забытый богом остров — это какой-нибудь погибающий птичий заказник. Что с него взять-то? И не надо говорить мне, что тут богатые места. Конечно, вы можете наковырять мелких несъедобных пичуг, если удастся настрелять. Разрешение на рыбалку продается, разрешение на охоту продается, да этот остров просто себя не окупает. А ведь Эрдри вам не чертов смотритель, посаженный сюда Лигой Наций, чтобы охранять природу, он деловой человек и знает цену деньгам. Каждый дюйм в нем просто кричит об этом. Он и не думает уступать. Поди ж ты, сотню фунтов на бочку за месяц вперед. Да запроси он пятьдесят на обычном рынке, ему придется бегать за арендаторами! С нас он дерет только потому, что знает, что мы ищем большие деньги, и при этом тут же сообщает нам, что никакого клада там нет. Как это понимать? Почему он хочет нас отговорить? Мне было бы крайне любопытно это узнать.

Вернону Летеби, который вел автомобиль, казалось, ничуть не передалось возбуждение компаньона.

— Самое скверное, Копатель, в вас то, что вы начисто лишены воображения. Вы думаете, коли кто шотландец, так только и стремится делать деньги. Человеческая природа — довольно сложная штука, иначе устраивать дела было бы намного проще. Когда Чарлз Эрдри говорит нам, что не хочет, дабы мы арендовали остров, поскольку полагает, что искать там клад — это сорить деньгами, он вовсе не блефует, а говорит чистую правду. Настоящий шотландец просто не может видеть, как деньги бросают на ветер, чужие даже больше, чем свои. Вам разве не известна история о человеке, который благополучно доехал поездом до Эдинбурга, а потом решил взять такси до отеля «Каледония»? Проводник говорит ему: «Да на черта

вам такси? Вон же ваша “Каледония”!» Не обманывайтесь, такие люди сделали Англию, да и Шотландию тоже; к делу у них всегда примешивалось чувство. Конечно, сегодня все изменилось. Но вы, жители доминионов, похоже, никогда не поймете, что чувство все-таки сохранилось. Что для сэра Чарлза пятьдесят фунтов? Решительно ничего, по сравнению с его стремлением педанта помешать парочке чужеземцев выставить себя на посмешище. Черт бы его драл!

— Такой треп годится для ваших лондонских приемов с коктейлями, со мной эти штучки не пройдут. Вы хотите сказать, я не вижу, когда блефуют? Послушайте, старик Эрдри прожил тут кучу лет, остров Эрран все время торчал у него под носом, а ему и в голову не пришло поинтересоваться историями про сокровища. Тут появляетесь вы, со всей вашей газетной шумихой, кинооператорами, бог знает чем еще, старый дурак чешет репу и начинает присматриваться. «Наверно, в этом что-то есть», — говорит он себе. Вы же знаете, по-настоящему история будоражит, только когда про нее написали. Он намерен загребастать все себе; и если не помешает нам, задрав арендную плату, то сделает это как-нибудь иначе — так я его понял.

— Не встречал еще человека, который бы так много знал о мире и так мало о живущих в нем людях. Да черт возьми, он просто хочет содрать с нас сотню вместо пятидесяти или тридцати, что содрал бы с любого другого, — больше оно не стоит. Если он хочет нас остановить, что мешает ему просто отказать нам в аренде? И я уже устал вам повторять: единственный способ убедить людей не принимать вас всерьез — это блеснуть в прессе. Если бы мы, явившись к сэру Чарлзу, попытались заговорить ему зубы насчет того, что хотим исследовать геологию острова, или накопать окаменелостей, или еще с какой-нибудь ахинеей, он бы с пеной у рта потребовал от нас справки о прививках и натравил бы на нас соглядатаев в штатском. А он просто трясется от смеха при мысли о том, что кто-

то надеется нарыть там клад, а может быть, думает, что я всего-навсего хочу произвести шум и мы вообще ничего не собираемся искать. Однако когда на весь Лондон растрезвонили, что мы отправляемся на поиски, он ведь сам не дернул на остров. Что свидетельствует о его смехотворной неоригинальности, не говоря уже о скупердяйстве. Да и что бы у него получилось, без карты-то, а?

— Я не собираюсь водить вокруг этой карты ритуальные хороводы, пока не буду уверен, что можно прочесть шифр. Притом я ничуть не сомневаюсь, это указания на что-то. От всей души надеюсь, старый зануда ничего не заметил. У него зрение, как у кошки.

— Спорим на что угодно, ничего не видел. Я обвел его дважды, понимаете. Сделал вид, будто хочу с ним уединиться, дабы поведать, что вы не такой бандит, каким кажетесь. Вам точно удался снимок? Будет чертовски обидно, если выйдет портрет дверной ручки в тумане.

— Нет, я не промахнулся. Я ее как следует рассмотрел, и, скажу вам, лучше сделать набросок по памяти во избежание случайностей. Хотя фотоснимок полезней; там иногда вылезают вещи, которые не заметить невооруженным глазом. Если вас попросить ее воспроизвести, вы сможете?

— Старина, дорогой мой, я пас. Я ведь только мельком взглянул на нее, если, конечно, не считать счастливое детство и все такое. Понимаете, я даже забыл, что там буквы, думал — цифры. Ну то есть я ее узнаю, конечно, если мне показать; пойму, что это она, когда наткнусь на нее на рекламе мыла для бритья. Но если хорошенько не рассмотреть, подробности у меня в голове не сохранятся, а это, несомненно, навело бы сэра Чарлза на всякие нехорошие мысли. Надеюсь, толк будет — от того, что мы ее таки заполучили, я имею в виду.

— Десять к одному, это просто-напросто пометки, которые нанес какой-нибудь идиот для посадки деревьев. Скорее всего, когда-то давным-давно нужны были дрова, а потом деревья жутко разрослись.

Произнося эти слова, Хендерсон смотрел вокруг: они как раз поднимались на прибрежный холм, ровно напротив острова Эрран, который временами виднелся сквозь деревья. Вечером, на закате, он казался мрачным и жутким; лучи солнца, еще освещавшие противоположный склон, уже не проникали в котловину, где протекала река, и пристанище их клада, — если он там был, — окутали таинственные тени. Компаньоны одолевали подъем под приглушенный шум водопада; наконец открылся вид на Глендауни.

Глава 3

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЗА НИМ СЛЕДИЛИ

— Это как понимать? Ты больше не собираешься полоть? — спросила Анджела.

— Ни за что, — ответил муж. — Когда у нас такой дорогой гость, как Шолто, я просто обязан бросить всякую ерунду и полностью посвятить себя ему. Кстати, тебе не приходило в голову тоже оставить это занятие? Даже смотреть на тебя жарко.

— Странное дело, — задумчиво произнесла Анджела, продолжая выдирать крестовник, — когда ты раскладываешь свои дурацкие пасьянсы, то убеждаешь, будто тебе не мешают мои разговоры, хотя карты, по идее, должны почти полностью занимать то, что за неимением более точного слова мы называем твоей головой. Но когда температура поднимается выше 15 градусов, ты жалуешься, что не можешь думать и одновременно драть сорняки.

— Я могу помочь? — вероломно предложил посетитель, сделав неубедительный жест человека, готового вскочить с шезлонга, если и без того скверная ситуация станет еще хуже.

— Сидите уж, пейте свой джин с тоником. Птичка просто не в духе, ничего страшного. Кроме того, мы не

позволяем чужим выдирать сорняки, потому что никогда точно не знаем, что сажали в прошлом году. Приходится решать на ходу, где сорняк, а где цветок. Анджела, сделай милость, не усугубляй, ты ставишь Шолто в затруднительное положение. Не забудь, он закончил частную школу и все такое.

Анджела раздраженно встала и бросила оценивающий взгляд на неухоженный, заросший сад, в каковом виде они приобрели его у предыдущего владельца, да так и не привели в порядок.

— Делайте что хотите, — сказала она. — По взгляду мистера Шолто сразу видно, у него для тебя работка. Если это означает, что ты оставишь меня в покое недельки на две, может, я и найду время как следует прополоть клумбы. Ну, выкладывайте, мистер Шолто, — добавила Анджела, усевшись на краешек гамака и оттолкнувшись ногой.

Шолто посмотрел в свой стакан и поболтал приятно постукивающие кусочки льда — все молча, как человек, который не уверен, хорошие или плохие новости он принес.

— Боюсь, двумя неделькаами не обойтись, — произнес он наконец. — Скорее всего, придется ждать. Никакой горы трупов, кражи драгоценностей, поджога какой-нибудь усадьбы — пока. Просто Компания не вполне уверена в намерениях одного своего клиента и... ну, короче, хочет, чтобы кто-нибудь на месте убедился, что все чисто. Романтический ландшафт, бодрящий климат, — с надеждой прибавил он.

Опять я чувствую необходимость объясниться. Не то чтобы «Бесподобная страховая» компания больше нуждалась в представлении, чем его преподобие Вернон Летеби. Она разделяла пристрастия молодого человека к газетным заголовкам и тоже высоко оценивала информативность колонок светской хроники. Компания применила к делу страхования принципы новейшего массового производства и гордилась тем, что может застраховать все на свете — от пары очков до жизни южноамериканского дик-

татора. Кинозвезды страховали все свои передние зубы по отдельности; отцы (за вопиюще незначительную сумму) оберегали себя от возможности рождения пятерых близнецов; мужья (по несколько более высоким расценкам) — от ослабления привязанности жен. Шолто являлся сотрудником этой уникальной организации, хотя у меня не было случая понять, какое именно место он занимал в ее сложной иерархии. Положение Бридона, его сегодняшнего хозяина, было куда более любопытным: он был единственным сыщиком, которого регулярно нанимала единственная страховая компания, которая регулярно пользовалась услугами сыщиков.

Бридон — то ли искренне, то ли нет — ненавидел свою работу, особенно когда она заключалась в том, чтобы, нарушая заветы тактичности, добывать информацию об указанном человеке, торчать там, где он торчать не хотел, да и вообще шпионить за людьми — а так обычно и бывало. Беда в том, что он делал все это поразительно хорошо, время от времени с выдающей гения изюминкой неожиданности. К примеру, когда ему приходилось следить за посетителями ночных клубов, он мог переодеться соглядатаем в штатском. На свете существовал единственный человек, который знал, как его окоротить, и — безмерная удача — этим человеком была его жена. Благодаря Провидение за столь удачное решение вопроса, на будущее Бридон просил у Него лишь возможности жить в своем доме, раскладывать пасьянсы и иногда разгадывать какой-нибудь кроссворд. Его жена следила, чтобы, когда Компания в этом нуждалась, его тем не менее можно было согнать с насиженного места. Что не мешало ему заявить сегодня решительный протест, как, впрочем, и всегда.

— Я понимаю, что это значит, — проворчал Бридон. — Компания, черт бы ее драл, хочет засунуть меня в дыру вроде приморского Богнора, уверить, что это не столько работа, сколько отдых, и я еще должен радоваться, что расходы окупятся. Морской воздух ударит по печени — всегда бьет, — а оркестр будет наяривать песню «Ах,

малыш, какой тяжелый день». О, почему я не выбрал более благородную профессию!

— Боюсь, кое-куда подальше Богнора, — откликнулся Шолто, не прерывая своих музыкальных занятий. — Если быть точным, на Шотландское высокогорье. С другой стороны, какое изысканное общество. Если вы когда-нибудь читали газеты, вам, вероятно, попадалось имя Вернона Летеби.

— Ах вот оно что! Нестерпимый пуп земли, который намерен откопать какие-то сказочные сокровища? Хуже не придумаешь. Знаете, я отказываюсь за ним следить. Это лишь потешит его тщеславие; он же только и мечтает о том, чтобы за ним следили. Я так понимаю, ваша безумная дирекция согласилась застраховать его дурацкий клад, даже не дожидаясь, пока он его найдет?

— Странно, что вы так говорите. Не то чтобы дирекции захотелось выдать ему полис, именно Летеби попросил об этом. Заявился со своим дружком по имени Хендерсон — сомнительный тип, выглядит так, будто сидел, — и простодушно эдак спрашивает, дери его за ногу, на каких условиях мы готовы выписать полис, чтобы застраховать их на случай, если выяснится, что никакого клада нет. Или же, как вариант, что он куда скромнее, чем гласит местное предание. Каково?

— И что, дирекция не клюнула? Это как раз в ее духе.

— Дорогой мой, в страховом деле существует такая штука, как закон. А этот ваш клад проходит по разряду азартных игр.

— Неужели дирекция задумалась о том, что ее ждет? Впервые слышу, чтобы она так привередничала. Значит, Летеби отказали?

— Да еще как, уверяю вас. Сказали, самое большее, что можно сделать, это в случае чего покрыть его расходы на арендную плату — он-то совсем не того хотел. Если, конечно, он не готов предоставить хоть малейшее доказательство того, что клад в самом деле существует, и указать его приблизительную стоимость. О, мы были очень лю-

безны. Обратили внимание клиентов на то, что им нужно всего-то создать синдикат, который понесет все риски и явится выгодоприобретателем, но только это не вполне наша сфера деятельности. Они ушли, и мы думать не думали, что еще столкнемся с ними.

— Однако столкнулись?

— Этого жулика Хендерсона мы больше не видели, но Летеби явился на следующее утро — его преподобию все божья роса — с новым предложением, показавшимся нам более разумным. Сказал, что подцепил своего компаньона бог знает где и, в сущности, ничегошеньки о нем не знает. Он, мол, полезен по забавной причине, а именно: здорово умеет копать — в самом буквальном смысле слова. Если желаете перекопать грядки, миссис Бридон, бросьте на них Хендерсона; если верить слухам, он разделается с ними в два счета. Ну такой у него талант, похоже. Он выявил его во время войны и с тех пор шатался по свету, как натасканная на трюфели собака, выкорчевывая то золото, то минойские черепки, да все что угодно, его просили — он копал. Так что, по словам Летеби, гнать его пока не стоит; нелишне иметь в компаньонах землеройку. Плохо только, что в рекомендациях Хендерсона говорится, что он умеет пользоваться лопатой, но нет ни слова о том, что ему неловко клянчить деньги или воровать, если на то возникнет настоятельная необходимость. Вот Летеби и подумал: а почему бы не застраховаться от мошенничества со стороны Хендерсона? Такая история.

— А это вообще законно?

— Абсолютно. Нет никаких оснований человеку не застраховаться от бесчестности или нерадивости нанятого работника. Единственная загвоздка в данной ситуации, что Хендерсон не станет воровать, пока не будет что, собственно, воровать. Летеби, по его словам, в трудном положении, он-де не собирается торчать там недели, а то и месяцы, и оформлять страховку на тот случай, если Копатель даст деру с грошовой лопатой. А вот нельзя ли получить полис, который вступит в силу только в том случае,

если обнаружится клад? В этом и состояло его предложение; и тут, знаете ли, даже можно усмотреть некий смысл.

— Мм, ну да... А все-таки какого объема улов? Если Хендерсон найдет барахлишко и с ним улепетнет, как «Бесподобная» намерена оценить утраченное? Вам придется зафиксировать некую сумму, а тем самым вы оказываетесь просто в шаге от мошенничества. Что мешает Хендерсону слинять на побережье с пустой шляпной коробкой, Летеби тем временем предъявит требования Компании, а потом они поделят добычу? Мне это не нравится. Какие цифры он называет?

— Хочет десять тысяч. История, которой Летеби обосновывает ценность клада, заключается в том, что Карл Эдуард якобы возил с собой деньги, драгоценности и всякое такое, переданные ему важными французскими леди. На первый взгляд история малоубедительная, но другой нет. Однако, если все так, немало шансов, что ценность клада значительно превысит десять тысяч, поскольку он, собственно, не только чего-то стоит, но и обладает музейной редкостью. Но если это просто остатки казны после сражения при Каллодене*, мы, может статься, будем сильно разочарованы. Компания пока не дала окончательного ответа, но, думаю, пойдет на сделку. А значит, ваш выход, сэр.

— Вы хотите сказать, я должен поехать и посмотреть, не творятся ли там темные делишки?

— Ну что-то в этом духе. Килт старого шотландца Бридона, шотландский берет — и в засаде где-нибудь в подлеске вы практически невидимы. Правда ведь, миссис Бридон?

— Пока не выдаст себя храпом. Знаешь, Майлз, а это довольно любопытно. Я слегка подзабыла шотланд-

---

* 16 апреля 1746 г. в окрестностях Каллодена шотландское ополчение под предводительством Карла Эдуарда Стюарта было разбито правительственными британскими войсками. Эта была последняя попытка Стюартов захватить британский престол.

ский диалект за время, что прошло после дела Блэруинни*.

— Боже милостивый, и не вспоминай. Честное слово, когда ты пытаешься говорить по-шотландски, я краснею до корней волос. Но скажите-ка, Шолто, я-то в каком положении? Этот Хендерсон будет знать, что я за ним слежу? Полагаю, нет. А Летеби? Мне что, стать другом семьи или побыть приехавшим в город N незнакомцем, которого Летеби не замечает? Я не увлекаюсь ни рыбалкой, ни охотой; волынка всегда оставляла меня равнодушным. Как, черт подери, мне оправдать присутствие на шотландской лососевой речке? Охота на чудовище вроде лох-несского или что? Если же поездка не из тех, когда надо напяливать клоунский нос, не возникнет ли некоторая неловкость? Особенно поскольку Летеби как раз из тех, от кого я далеко не всегда в восторге. Анджеле он, вероятно, понравится, но у нее отъявленно дурной вкус в отношении мужских особей. Вот убейте меня, если я собираюсь стать ему старшим братом. Как вы себе это представляете?

— Мы думали об этом. В общем, было решено, что лучше с ним близко не сходиться — поначалу, во всяком случае. Видите ли, если бы мы были уверены, что просто защищаем Летеби от Хендерсона, это было бы естественно. Но в том-то и дело, мы не можем в этом быть уверены, и вы тоже это подтверждаете. А вдруг вся история — продуманный мошеннический план, и потом они поделят добычу пополам? Тогда вам намного лучше внезапно вылезти из-за гобелена со словами: «Неосторожные, безрассудные люди, ваши махинации не остались незамеченными теми, кого вы пытаетесь обмануть». Ну или еще что-нибудь, на ваш вкус. Проклятие, почему же вы не рыбачите?! Вот это никому не пришло в голову. Пасьянс на плоском камне выглядит довольно нелепо.

— Давайте-ка лучше поговорим об этом занятном деле, а не о моих пасьянсах. Итак, вы хотите сказать, руко-

---

* Речь идет о романе Р. Нокса «Все еще мертв».

водство готово отправить меня на месячишко на рыбалку? Какая досада. Ненавижу попусту транжирить деньги.

— Деньги, кажется, не понадобятся. Там есть старикан, владелец почти всей округи, по имени сэр Чарлз Эрдри, он хорошо знаком с одним из наших директоров и готов позволить нашему мистеру Бридону месяц поудить рыбу задаром, если тот в свою очередь готов не упускать из виду охотников за сокровищами. Понимаете, это его земля, соответственно, его интерес.

— А который из охотников не понравился сэру Чарлзу?

— Главным образом Хендерсон. Во всяком случае, по его словам, если Летеби в самом деле такой дурак, каким кажется, а Хендерсон в самом деле такой жулик, каким кажется, то быть беде, и ему было бы спокойнее, если бы за ними кто-нибудь присмотрел.

— М-да, он, судя по всему, не пользуется большим успехом, этот мистер Хендерсон. Вы пытались что-то о нем разузнать? Полиция?

— Да, мы навели справки по нашим каналам, и, должен сказать, полиция оказалась более разговорчива, чем обычно. Хендерсон из тех, о ком лишь им кое-что известно, поскольку о таких никогда не соберешь полную информацию. Родом откуда-то из Австралии, имеет какое-то университетское образование, кажется, естественнонаучное. Жизнь его потрепала, хотя не очень понятно, как именно. Был хорошо известен на ярмарках, где за шесть пенсов дергал зубы и торговал часами и авторучками. Приехал в Европу во время войны и обнаружил талант копать землю, работал на каких-то землекопов на Востоке, потом новости, шумиха вокруг Клондайка потянули его в Канаду, но из этого ничего не вышло. Когда ввели сухой закон, был более или менее на мели; затем влился в ряды бутлегеров и неплохо зарабатывал, но вроде бы опять остался ни с чем — полиция полагает, тому виной азартные игры. Еще он какое-то время назад проходил подозреваемым по делу об ограблении поезда, но доказать

ничего не смогли. Заокеанская компания, которую «представляет» Хендерсон, — чистой воды фальшивка, и живет он, по-видимому, своей ловкостью. Так что, как видите, наш вождь горцев не столь уж и далек от истины в своей оценке; а Летеби, желая оформить страховой полис, насколько я понимаю, демонстрирует больше здравомыслия, чем дирекция Компании, которая ему этот полис выпишет. Не знаю, получите ли вы там удовольствие, но сдается, ваш клиент действительно хочет, чтобы за ним присмотрели.

— Беда только в том, что он, похоже, уже привык к тому, что за ним смотрят, а еще лучше — смотрят ему в рот. Однако в малонаселенных краях, как тот, о котором вы говорите, где все наперечет, необходимо иметь какой-нибудь повод для присутствия, иначе о вас будет судачить вся округа. Можно было бы поставить палатку, но сомневаюсь, что туристы забираются так далеко на север; кроме того, в палатке омерзительно неудобно. Нет, если рыбалке за выходные можно выучиться настолько, чтобы местное население не отнеслось к тебе с откровенным презрением, я бы попробовал именно ее.

Анджела, которая все еще тихонько покачивалась на гамаке, вдруг подскочила, воскликнув:

— Майлз, я знаю! Эдвард!

— Эдвард? — переспросил Бридон, нахмурив брови. — Мне доводилось встречать это имя, но, взятое само по себе, оно мне ни о чем не говорит.

— Ну неужели ты не помнишь? Эдвард Палтни!

— Сударыня, если это некая темная личность из вашей прошлой жизни, до того как вы повстречались на моем жизненном пути, то поговорим о нем чуть позже. Пощади чувства нашего гостя.

— Но, Майлз, ты должен помнить этого чудного старикашку в Пулфорде, когда ты потратил столько времени, выясняя, что случилось с бедным Моттрамом*. Школь-

---

* Речь идет о романе Р. Нокса «Три вентиля».

ный учитель, который обычно удит рыбу на местной речке. Поедем втроем на рыбалку в Шотландию, он будет делать все, что нужно, а ты станешь вторым, тем, кто сидит на носу лодки и вот-вот начнет удить рыбу, но что-то никак не начинает.

— Действительно припоминаю, в Чилторпе — не в Пулфорде — был такой пожилой джентльмен, с которым ты пыталась флиртовать. Следует ли мне заключить, что ты состоишь с ним в тайной переписке?

— Если помнишь, он прислал мне открытку на Рождество, и это трудно назвать тайной перепиской, поскольку она лежала у нас на камине, и ты все время отрывал от нее кусочки и совал в трубку, чтобы не шатался мундштук. Не самая располагающая привычка, дорогой мой Майлз.

— Ну конечно, для курильщика открытка что надо. Восхитительной плотности. Но он, разумеется, слишком джентльмен, чтобы оставить на открытке свой адрес, не правда ли? Это было бы хамством.

— Нет, но там изображена школа, где он преподает, и название внизу. Думаю, рассылается родителям как реклама, хотя и сомнительного качества, потому что, кроме изолятора, на ней ничего не видно. Поразительно, школы вечно вбухивают все свои деньги в строительство изоляторов, как будто мальчики только и делают, что болеют. Ну, как бы то ни было, открытка есть и адрес будет. И не надо говорить мне, что Эдвард уже построил планы на каникулы, потому что он почти всегда ездит к своей овдовевшей сестре, предположительно в Богнор. Симпатичное письмецо от меня, и он приедет, я уверена; особенно ради прекрасной возможности бесплатной рыбалки на отличной шотландской реке. Давайте его попросим.

— Ненавижу мирить супругов, — сказал Шолто, — но, знаете, мне думается, миссис Бридон права. По-моему, должно сработать.

— Единственное препятствие я вижу в том, что если меня — пинками — еще можно уговорить поселиться в палатке, а Анджела, так та уверяет, что даже любит это

дело, то лицо Палтни под брезентом не видится мне сияющим от счастья, насколько я его помню. А этот местный магнат, наверно, не готов пойти так далеко, чтобы предоставить в наше распоряжение малюсенький замок.

— Мы все продумали, — отозвался Шолто («Бесподобная» всегда все продумывает). — Мы предполагали, что вы не захотите поселиться абы где. Смешно, но рыбаки, приезжающие туда (не местные), обычно останавливаются в домике садовника, как раз напротив острова, где будут шуровать Летеби и компания. Правда, на самом острове тоже есть дом, но относящийся к нему сад расположен на берегу, прямо у моста; шотландцы по неведомой причине любят разбивать сад на некотором отдалении от жилища. В согласии с хорошо известным принципом ubi hortus ibi hortator*, садовник тоже живет на берегу — и сдает пару комнатенок, — с женой, которая, как утверждают, лучше всех на много миль кругом готовит здоровые местные блюда. Идея сэра Чарлза состоит в том, что вы будете жить в этом домике, где обычно останавливаются рыбаки; и хотя ваш друг мистер Палтни в смете не предусмотрен, могу себе представить, что для него тоже найдется комната. А это значит, вы будете жить вплотную к острову. Да вообще-то в радиусе мили это единственное пристанище.

— Звучит неплохо, — ворчливо отозвался Бридон. — А где там, кстати, ближайшее поле для гольфа?

— Господи, да откуда мне знать? В Нэрне, наверно. Но трудно ожидать от несчастного Карла Эдуарда, чтобы он депонировал свою скудную наличность под восемнадцатой лункой в Сент-Эндрюсе. Это работа, дорогой мой, работа.

Когда сидели за ужином — Шолто остался на выходные, — возникла новая проблема. Анджела, которая демонстрировала в отношении поездки печальное легкомыслие (например, предположив, что ее муж, если только

---

* Где огород, там и огородник (*лат.*).

поставит себя на место Карла Эдуарда, пожалуй, сможет умыкнуть клад, прежде чем это сделает кто-нибудь другой), вдруг стала серьезнее.

— Я вот не вполне понимаю и даже не уверена, что это имеет к нам отношение. Вы говорите, Компания готова уплатить десять тысяч, если Хендерсон найдет сокровища и усвистит с ними, а Летеби не удастся его остановить. Понятно, должна быть круглая сумма, поскольку в таковом случае невозможно будет оценить клад задним числом. Но предположим, ситуация будет развиваться несколько иначе. Предположим, они нашли клад сегодня, а Хендерсон драпанул завтра. Предполагается ли, что кто-то бросит мимолетный взгляд на сокровища в промежутке между двумя этими событиями и попытается понять, сколько они действительно стоят? А если красная цена им шестьдесят шесть фунтов шесть шиллингов и восемь пенсов, Компания, когда они исчезнут, тоже выплатит десять тысяч?

— Вы абсолютно правы, миссис Бридон, я забыл сказать: Компания проинструктирует хозяина одной лавки древностей в Инвернессе, который собаку съел на этой эпохе. А вашему мужу придется подловить момент, когда хоть что-то будет найдено, и вызвать антиквара, его зовут Добби. Тот прикидывает приблизительную стоимость, вы тем временем ставите нас в известность, и на следующий день мы высылаем официального оценщика. Все обговорено с Летеби как условие сделки. Он обещал сам вызвать Добби — в случае находки, разумеется, — но, конечно, может... ну, словом, может забыть, вы понимаете.

— Бедолага, нелегко ему будет объяснить этот визит компаньону. «Послушайте, дружище, тут к нам после обеда заедет один старьевщик оценить эту штуку, на случай если вы с ней удерете», — как-то так, да?

— Он говорит, все будет в порядке, и, знаете, я ему верю. Если бы вы были знакомы с Летеби, то поняли бы, что он способен сымпровизировать любую ложь.

— Похоже, он мне понравится. Делегат Имперских конференций*, кажется, более тяжелый случай, но, полагаю, мы притремся к его манерам.

И Анджела ушла пожелать детям спокойной ночи. Ее муж, выкладывавший на тарелке узор из вишневых косточек, обнаружив, что остался наедине с гостем, взял более серьезный тон.

— Все это прекрасно, Шолто, — заявил он, — но возникает вопрос: имею ли я право брать с собой Анджелу? Легко говорить — следите за поисками сокровищ и сообщайте, если что-то пойдет не так. Но вероятно, если дело нечисто, Компания не ждет, что я продолжу сидеть с биноклем и заказывать междугородние звонки. Они ведь исходят из того, что я вмешаюсь и что-нибудь предприму — предотвращу бегство нашего скорохода, к примеру. Вы утверждаете, будто крайне маловероятно, что до такого дойдет, но, черт подери, гладко это на бумаге. А судя по тому, что вы рассказали о послужном списке мистера Хендерсона, я не удивлюсь, если он неплохо умеет обращаться с ружьем. И если кто-то — Хендерсон или Летеби — вдруг устроит что-нибудь в этом роде, вы можете себе представить, как Анджела стремглав, но сохраняя изящество, мчится к бомбоубежищу? Лично я не могу.

— Знаю. Было глупо с моей стороны рассказывать все в ее присутствии. В общем-то, по дороге к вам я и не собирался этого делать, но вы помните, она начала задавать вопросы, а Анджела не из тех, кому можно заговорить зубы, не правда ли? Нет, я не спорю, дело может оказаться опасным. Конечно, Компания предоставит вам людей, но...

— Исключено. Запорет все дело. Нет, если не удастся убедить кого-нибудь из детей заболеть, похоже, придется ее брать. Хотя, знаете, все-таки по мере возможности я буду изворачиваться. Постараюсь, чтобы она как можно дольше думала, что это такой пикник. Например, если

---

* Периодические собрания глав правительств самоуправляемых колоний и доминионов Британской империи (1887—1937 гг.).

представится разумное основание, я могу не захотеть сообщать ей, что клад найден. Но мне придется сообщить об этом вам, и по всей вероятности, по телефону. Вы не возражаете, если мы условимся о простом шифре, означающем, что клад найден? Тогда вы сможете позвонить оценщику из Инвернесса, Добби, — много времени не потребуется, — а я, оставив Анджелу на попечении рыбака Палтни, улизну и стану в караул.

— Да, звучит разумно. Шифр полезен в любом случае. Что-нибудь из мира скачек? Вроде самое правдоподобное, во всяком случае, если вы будете мне писать.

— Хорошо. Только пусть это будет выдуманная лошадь. Мы ведь не хотим, чтобы сотрудники почты из-за нас разорились. Как сегодня кличут лошадей?

— Да какая разница? Погодите-ка... А если Иноходец? Правдоподобно, и, насколько мне известно, на лошадь с такой кличкой еще никто не ставил. «Ставьте на Иноходца» — как вам?

— Вполне. Получив такое сообщение, вы поймете, что клад найден, но кто-то рядом — предположительно, Анджела — либо не знает об этом, либо не знает, что я знаю. Я напишу на открытке по пятьдесят шесть шиллингов за дюжину, — добавил Бридон, и тут в комнату вошла его жена.

Глава 4

ГДЕ БЫЛА ПРИШВАРТОВАНА ЛОДКА

Бридоны отправились на север во второй половине июля. К этому времени в интересующем их месте оставались уже одни жители округи, так что гостевые комнаты в домике садовника были свободны. Отсутствие рыбалки не мешало им получать удовольствие от пребывания на природе. Дело в том, что мистер Палтни к ним пока не присоединился, он еще мерял шагами классную комнату, зорко наблюдая за желающими получить аттестат. Всякий раз, как почтенный учитель краем глаза видел, что

воспитанники в который раз повторяют грубые ошибки, которые он пытался истреблять весь истекающий учебный год, его охватывала бешеная ярость, однако, к его чести, надо сказать, дойдя до другого конца классной комнаты, мистер Палтни успешно подавлял вспышки гнева. Он страдал, как страдают все школьные учителя в июле, но сейчас наставника молодежи подбадривало редко посещающее его видение: он грезил о том, как, стоя по пояс в быстрой высокогорной речке, он так ловко забрасывает удочку, как рыбакам удается только в мечтах. По мнению Бридонов, которые уже наслаждались дарами этого воображаемого парадиза, по берегу бурлящей реки, где глубокие омуты перемежались коварными стремнинами, можно было гулять, но уж никак не забираться в нее по пояс. Внимание супружеской четы было нацелено не на безмолвную рыбью жизнь, выражавшуюся в неожиданных всплесках на водной глади, а на таинственный остров посреди реки, который все еще пустовал.

Летеби и Хендерсона ждали только в начале августа, и Майлз настоял на том, что приехать раньше значит получить преимущество.

— Начнем с того, — принялся объяснять он, — что у человека, который опасается слежки, всегда бóльшие подозрения вызывает тот, кто приезжает, чем тот, кто уже находится на месте. Кроме того, в округе судачат о приезжих день-два, потом разговоры стихают. И в довершение всего, чем раньше мы освоимся на новом месте, тем лучше.

И они проехали долгие мили по пустынному холмистому краю, мимо хмурых зарослей вереска и папоротника на обочине, выступающих скал, бурных ручьев, которые в это сухое время года, казалось, смеялись над перекинутыми бетонными мостиками, мимо узких лощин, где дорога змеится посреди растущих уступами лиственниц, мимо тихих длинных озер, отражающих в своих торфянистых водах дважды умирающий закат, мимо низеньких беленых домов, заброшенных коровников и полураз-

рушенных перегонных заводиков, пока их не принял и не перебросил к дальнейшим приключениям каскад улиц Инвернесса. Когда супруги добрались до поломанного указателя на остров Эрран, было уже довольно темно. По головокружительно крутому склону они спустились к аккуратной хижине на берегу реки, где в мягком свете фонаря гостей приветствовала немолодая румяная женщина, окружившая их заботой точно ангел.

Впрочем, слово «хижина» тут, пожалуй, неуместно. Когда Бридоны очнулись от глубокого сна, в который их погрузил приветливый шум ниспадающей воды, то увидели вокруг себя скромный комфорт (точнее, то, что считается комфортом, когда вы живете главным образом под открытым небом). По всей видимости, два дома были в свое время объединены в один, так что в распоряжение посетителей предоставили две низенькие спальни и просторную гостиную. Одно ее окно выходило в царство хозяина — сад, дары которого, разумеется, были предназначены для дома на острове, но как пиршество для глаз он был полностью предоставлен здешним жильцам. Сад, вопреки местным традициям и вполне в современном духе, не был обнесен стенами и в этом укромном уголке долины действительно не нуждался в ограждении. Пестрый по краям, он был как бы врезан в холм, оплетенные розами беседки чередовались с буйно растущими альпийскими горками. Из другого окна открывался вид на берег, чуть ниже того места, где на высоких опорах стоял бетонный мост.

Здесь Дауни, протестуя против такого бесчинства, подобно Аракс у Вергилия*, прерывает медленное течение и бурлит над позеленевшими бархатными валунами, чтобы затем сердито броситься в кипящую заводь. На фоне грохота кажется, что берега, обрамленные бахромой рябин и свисающих березовых ветвей, погружены в смущенное

---

* В 8-й книге «Энеиды» Вергилий называет реку Аракс «над собой мостов не терпящим».

молчание, как люди, ставшие свидетелями бурной истерики. В эту пору вода стояла предельно низко, но метки на одной из опор моста свидетельствовали о том, как вероломно она может подниматься и почему дорогу тут проложили на двадцать футов выше.

В этом-то и состоит загадка вечно бегущей воды, заставляющая нас останавливаться и тратить драгоценное время. Почему — пусть решают психологи. Казалось бы, река, чей неостановимый поток напоминает о безжалостном течении времени, должна подстегивать к действию, вдохновлять на сражения, прежде чем нас унесет, как героев известной песни. Но где бы человек ни построил через реку мост, если только не вовсе в безлюдном месте, вы непременно увидите, как кто-то облокотился на перила, предавшись созерцанию бегущей воды. Оказавшись на реке, мальчишки забывают обо всех открытых перед ними жизненных возможностях; по велению какого-то ритуала они останавливаются, пускают бумажный кораблик, бросают камешек или плещутся в воде. Купание — компенсация взрослым запрета на бултыхание — потеряло бы половину своего очарования, если бы не являлось столь очевидной тратой времени. А есть еще такие, кто, бесстрашно погружаясь в суть вещей, утверждает, будто рыбацкие радости — такие надежные, такие некоммуникативные — в действительности проистекают от самого бесполезного времяпрепровождения, какое только может придумать человек... Но оставим этот вопрос.

В любом случае можно утверждать наверняка, что Майлз Бридон, после завтрака отправившийся на разведку местности, которой суждено было стать фоном одного из его наиболее обескураживающих профессиональных подвигов, едва дойдя до моста, принялся бросать в реку палочки и смотреть, как они ведут себя в стремительной воде; а его жена (Анджела, как и большинство женщин, просто ненавидела попусту тратить время) до такой степени пошла у него на поводу, что подкидывала ему валявшиеся поодаль веточки. Затем в свои права вступил дух

соревнования — тот всегда бдит во время нашего досуга и портит его, — и бросание палочек в стремнину Дауни превратилось в игру, со своими правилами, системой подсчета очков и приемчиками. В этих легкомысленных забавах легко могло пройти целое утро, если бы вдруг, с соблюдением всех церемониальных тонкостей, сопутствующих здесь вторжению внешнего мира, к гостям не вышла с телеграммой хозяйка, миссис Макбрейн. Оказалось, телеграмма от мистера Палтни, в ней сообщалось, каким поездом он прибывает (к слову сказать, единственным поездом в тот день). Игра, однако, закончилась: Бридоны, смутившись, прекратили бросать палочки, как застываем все мы, застигнутые за занятием, превращающим нас в дураков. Когда послание было прочитано, чары спали.

— Миссис Макбрейн, — сказала Анджела, — мы как раз подумали, можно ли попросить разрешения обойти остров, пока пустует дом. Зрелище потрясающее.

Ответ прозвучал на том музыкальном, довольно старательном английском, характерном для людей гэльского происхождения и так отличающемся от того, что южане именуют шотландским акцентом. Миссис Макбрейн с безупречной вежливостью горцев, горячо, но без излишней услужливости предложила гостям чувствовать себя как дома.

— О, конечно же, мадам, никаких возражений. Если дом свободен, господам, приезжающим сюда на рыбалку, разрешается ходить где угодно. Единственная просьба — не позволять туристам устраивать здесь пикники, поскольку сэр Чарлз опасается, как бы они не подпалили лес. Только на прошлой неделе, хотя, может, и раньше, кто-то развел на берегу костер; вероятно, отдыхающие, поскольку огонь погас, прежде чем туда подоспел мистер Макбрейн. Но гости, проживающие на территории поместья, ходят где угодно, мадам, если дом не сдан. А те джентльмены приедут только в субботу; так что, разумеется, все в порядке, мадам.

И было понятно, что она готова так и стоять у моста и держать ворота открытыми, если бы в этих гостеприимных краях они имели обыкновение быть заперты, дабы отпугнуть случайных прохожих.

Бридоны, однако, не пошли по подъездной аллее к главному входу, как поступили бы обычные гости. Отходившая налево в заросли рододендрона тропинка явно служила началом прогулочного маршрута вокруг острова; а нельзя познакомиться с островом, не обойдя его кругом — тут супруги были единодушны. Над тропинкой нависали тяжелые ветви кустарника с длинными, витиеватыми отростками, укрывшимися от внимания садовника. Через несколько минут они вышли на обрамленную орляком лужайку, оттуда налево вниз шел крутой спуск, а между дубовыми ветвями открывался вид на обмелевшую утекающую реку. Справа начинался подъем футов на двести к верхнему плато, где в беспорядке росли дубы, лиственницы и сосны. Его прорезали глубокие канавы, поросшие орляком и мхом, в них валялись гнилые стволы, свидетельствовавшие о том, что зимой здесь сходят мощные потоки воды.

То был тучный в своем гниении остров. Он чрезмерно, больше, чем Высокогорье в среднем, порос лесом, его заливали дожди, воздух здесь всегда был влажным, земля чавкала под ногами. У поваленных деревьев, которые, будто вопия против человеческого небрежения, повсюду вывернули к небу фантасмагорических очертаний корни, повыскакивали поганки яркой окраски, мимикрируя под искусственные существа. Весной среди странных грибных порождений здесь можно было обнаружить известный деликатес — аморфную массу съедобной гнили, именуемую сморчком. Большинство папоротников, забивших скальные трещины, имели простейший геометрический узор, словно являлись пережитком первобытного периода, когда формы еще не расчленились, — древности, когда природа еще находилась на стадии ученичества. Так было в лесистой части, на редких же полянах вереск,

орляк, восковница — все имели свою нишу, куда вторгались мощные заросли рододендрона и азалии — человеческого импорта. И они нагромождались друг на друга с такой скоростью, что растительность вдоль дорожек, кроме подъездной аллеи, приходилось подрезать почти каждый год, чтобы остров не превратился в джунгли.

На фоне буйной флоры острова бросалось в глаза неприятное отсутствие движущихся объектов. Правда, во множестве летали мухи и пчелы, да еще паучки выстелили землю сетями паутины, блестевшей капельками ранней росы, но птицы избегали этих мест, будто на озере Аверно*; их пение так редко доносилось из кустов, что, заслышав его, вы вздрагивали. Кролики, тучами носившиеся на берегу, лишь изредка выскакивали на тропинку, белки не играли в прятки на деревьях. Тем более неожиданными были редкие встречи с другими представителями животного мира — то тетерев вдруг с шумом взлетал из кустов, то цапля возвращалась к своему жилищу, то одинокая косуля — коричневое пятнышко в подлеске — испуганно отпрыгивала, заслышав шаги. Звериное царство не было здесь мирным соседом, хорошо знакомой компанией, сопровождающей вас на прогулках, а приводило в трепет тишиной или страшило внезапной активностью.

Даже ветер, постоянный и зачастую шумный спутник на окрестных болотах, только шевелил верхушки деревьев, лишь изредка их наклоняя, — так надежно схоронился остров в горной, высеченной водами чаше. Что до человеческого общества, не приходилось ожидать, что за бетонным мостом вам встретится собрат по биологическому виду. Тишина полной изоляции создавала ощущение, будто вы попали в сказочную страну, весьма приятную для глаза, но несколько жутковатую и несущую легкую угрозу; человек чувствовал себя здесь захватчиком. Справа и слева прямо над рекой шли оживленные дороги, доносился

---

* Аверно (от *греч.* Αορνος — «лишенный птиц») — озеро в Италии.

хруст гравия под колесами машин, одолевающих неожиданный подъем перед погостом Глендауни; но вы на бесполезных акрах этого призрачного пятачка были отрезаны, отделены ото всех.

Тропинка вокруг острова, в южной части почти вплотную приближавшаяся к реке, на севере подошла к обрыву отвесной скалы, и супругам открылся исключительно красивый вид, не утоливший, однако, их любопытства относительно человеческого вмешательства. Несколько деревянных скамеек в местах, где панорама давала повод замедлить шаг, основательно подгнили; низенькие мостики над протоками замшели и отсырели почти до состояния трухи; проволока, некогда помечавшая границы сада, провисла и зияла пустотами забвения. Тем удивительнее было примерно через четверть мили к югу вверх по течению наткнуться на рыбацкую лодку, пришвартованную у внезапно появившегося невысокого песчаного склона, на верху которого росли кусты и орляк. Лодка, судя по всему находилась в пользовании: дерево прочное, краска относительно свежая; весла тут же — с полным доверием к порядочности прохожего, культивируемым в Шотландском высокогорье. Четыре несоразмерно большие для маленькой лодки лапы якоря накрепко придавили ее к песку — совершенно напрасно, так как место было высокое, сухое, почти в двух футах от бурлящей реки и по меньшей мере на фут выше.

— Странно, — сказал Бридон. — Очень странно.

Он произнес эти слова тихо, как мы обычно говорим в церкви; похоже, на такую тональность его настроила неуютная пустынность острова.

— Ты имеешь в виду, зачем здесь лодка? Для рыбалки, полагаю. Ты не вправе требовать от Эдварда, чтобы он целый день торчал в воде в непромокаемом комбинезоне. Кроме того, здесь страшно глубоко.

— Я понимаю. Но дело в том, что лодка не там, где ей полагается быть, а именно не на нашем берегу. Приезжие рыбаки, по крайней мере большинство, живут не

на острове; и я думаю, тебе доведется увидеть, как Палтни пришвартует свою лодку выше по течению и на берегу. Нет, я бы сказал, это пережиток тех дней, когда бетонного моста еще не было, а деревянный рухнул, прежде чем его снесло потоком. Понимаешь, противно, когда не добраться до бакалейной лавки. Хотя, если честно, я не очень долго ломал голову над тем, как здесь очутилась лодка.

— Хорошо, только не надо нервничать. Что случилось-то? Знаешь, Майлз, я понимаю одно: лодка тут несколько некстати. Она означает, что Летеби и компания могут улизнуть по реке, обернув весла, причем сделать это, пока мы с тобой будем наблюдать за мостом.

— Именно, и это чертовски неприятно. Выходит, можно перебраться на берег так, чтобы тебя не увидели на мосту. Что ж, придется Палтни удить рыбу по возможности у южной части острова. Северная часть и другой берег крутоваты; похоже, остается только здесь. Можно, конечно, попробовать, правда, боюсь, если он будет торчать на одном и том же месте, то будет выглядеть скорее полным идиотом, чем рыбаком. И все-таки что-то с этой лодкой не так. Хотя ты, кажется, со мной не согласна?

— Я просто прекрасно знаю, что стоит мне выказать малейший интерес, ты тут же закроешь рот на замок. Тем не менее продолжай; невооруженным глазом видно, что ты сгораешь от нетерпения все рассказать. Надеюсь, здесь ты будешь общительнее обычного. Ненавижу гадать.

— Странно, что ты так говоришь, поскольку в действительности как раз вполне вероятно, что здесь рот у меня будет именно что на замке. Я вовсе не шучу, Анджела. Тебе придется попытаться смириться. Но эта маленькая задачка нам не повредит. В данном случае важно, когда в реке поднималась вода. Ведь миссис Макбрейн говорила, что в прошлом месяце погода держалась необычно сухая для этого времени года.

— Еще она сказала, что вода в реке уже давно стоит низко. И что тебе не нравится?

— Если коротко, местоположение лодки — всего в паре футов от воды. Только не говори, что кто-то вытащил ее из воды. Учитывая крутизну берега, это было бы чертовски забавное зрелище, ну, еще там, где ее тащили, остались бы следы от киля, а их нет. Значит, лодка оказалась на высоком сухом месте, поскольку уровень воды в реке постепенно понизился. А когда она причалила к берегу, то была на плаву, или почти на плаву, в ту пору вода стояла намного выше. Возражения?

— В твоих словах что-то есть, но я не понимаю, почему от этого должно захватывать дух.

— Потому, маленькая моя глупышка, что если лодку пришвартовали, когда уровень воды уже понизился, а потом понизился еще, то ее почти наверняка оставили примерно неделю назад. Конечно, она может стоять здесь с прошлого лета, но тогда бы ее зимой затопило и в ней была бы вода. Напрашивается вывод: ее оставили недавно, в нынешнюю засуху. Интересно кто?

— Макбрейн, вероятно. Он ведь имеет все основания таскаться по острову с утра до вечера. Почему бы ему не воспользоваться лодкой?

— Ну да, надел свой галстук клуба «Леандр»* и отправился немножечко погрести. Сдается, ты не вполне отдаешь себе отчет, каков местный склад мышления. Если Макбрейну понадобится на остров, он пройдет по мосту и вернется тоже по мосту. Ему просто не придет в голову поступить как-то иначе. Нет, лодкой обычно пользуются те, кто живет на острове. Если, например, им вздумается прошвырнуться до Стратдауни, что аккурат выше по течению, то лучше срезать путь на лодке, чем делать крюк пешком по мосту. Но если лодку берет тот, кто приехал сюда на пару дней, мне думается, он что-то задумал. Вот это-то и странно.

Хотя рассуждения мужа так и не разогрели интереса Анджелы, ей, как обычно, пришлось «раскачать» миссис

---

* «Леандр» — известный лодочный клуб, основанный в 1818 г.

Макбрейн. Оказалось, будущие охотники за сокровищами действительно посетили остров всего неделю назад, или около того, «просто осмотреться и убедиться, все ли так, как они того желают». Приехали на машине, вскоре после обеда, и мистер Макбрейн, разумеется, пошел вместе с ними к дому; но они, заявив, что хотят осмотреть участок, его отослали и несколько часов провели на острове, вернув ключи лишь около семи. На вопрос — в другом контексте, разумеется — о назначении лодки миссис Макбрейн подтвердила правоту Майлза Бридона. Была еще одна лодка, пришвартованная выше по течению, та использовалась для рыбалки; а той, что на острове (назовем ее лодкой № 1), пользовались редко, однако предоставляли в пользование жильцам. Она очень кстати, если вам вдруг вздумается устроить пикник, особенно когда дети. А может, она сгодится джентльменам, которые будут искать клад; ведь на острове есть такие отвесные скалы, что не заберешься.

От беседы Анджелу отвлекла необходимость ехать за мистером Палтни в Инвернесс. На длинной унылой платформе учитель показался ей каким-то потерянным, однако ничуть не утомленным дорогой. О пяти часах пути из Перта он мог доложить лишь, что, «видимо, на этой ветке аварий бывает немного». Нежданная перспектива оставить на время школу и отправиться на рыбалку взбудоражила его как мальчишку.

— Хотя меня ужасает мысль о том, что рыбу придется ловить в присутствии другого человеческого существа, — добавил учитель. — В ходе одиноких бдений на реках в ожидании форели у меня развилась привычка разговаривать с самим собой, что легко можно подвергнуть неверному толкованию. И потом, это новая для меня технология. Я перелопатил множество книг и собрал значительный объем теоретических знаний о рыбьих повадках. Или, скорее, незнаний, поскольку, судя по всему, никто не знает, почему живая тварь ведет себя так, как ведет; почему, к примеру, поднимается по реке, когда, казалось бы, ей

куда лучше в море; почему вырастает до огромных размеров; или почему время от времени ловит мух, хотя не имеет ни малейшего желания ими питаться. Как будто не рыба, а школьник, ей-богу. Скажите, а охотники за сокровищами уже здесь? Неплохо бы иметь соседей, которые, по их словам, заняты еще более бесполезным делом, чем ты.

— Их ожидают назавтра. По крайней мере, мистера Летеби. Наверно, его следует называть мистером, даже если вы подозреваете, что он жулик. Он приедет из Шотландии, у него тут где-то дом. Второй прибудет из Лондона. Диву даешься, сколько между делом можно собрать слухов в сельской местности, правда? Вероятно, мы все будем подсматривать из-за жалюзи, чтобы понять, что же он собой представляет. Ужасно люблю подсматривать, а вы?

— Профессия мешает. Знаете, существует такой неписаный закон: учитель должен соблюдать кодекс чести, который у учеников не в чести. Между нами идет непрекращающаяся война, и одна сторона соблюдает правила Куинсберри*, а другая дерется вообще без правил. Тем более славно хоть разок плюнуть на приличия. Если это какое-то особенно бесчестное задание, надеюсь, могу оказаться для него даже более пригодным, чем вы или мистер Бридон. Полагаю, кстати, у него все в порядке? Господи, помилуй! Это что такое было? Постоялый двор? Я-то думал, в Шотландии можно отдышаться только в отелях и пабах.

— Там, куда мы направляемся, лицензии не сыщешь в радиусе пяти миль; так что придется довольствоваться тем, где нас разместили. Не так уж и плохо, между прочим. Когда расходы несет Компания, Майлз всегда недурно устраивается. Скажите, а вы с тех пор бывали в Чилторпе?

— Прошлым летом. В «Бремени зол» провели электричество, но на кулинарных достижениях миссис Дэвис это не сказалось. Она очень тепло вспоминает о вас,

---

* В 1867 г. 9-й маркиз Куинсберри опубликовал правила бокса, названные его именем.

в выражениях легкого сожаления, словно тоскует по тем золотым денькам, когда миллионеры еще удушались при помощи газогенераторных установок*. Чудесный уголок! Трудно дать меньше, чем восемьдесят пять из ста возможных.

И так пожилой джентльмен молол языком, пока не потускнел солнечный свет и путники не погрузились в темную тень холмов у острова Эрран, способную охладить даже самый жаркий летний вечер.

Майлз Бридон бродил по саду и окружающему его лесу в тщетной надежде обнаружить место, откуда бы с берега просматривался дом на острове, и пока Анджела ставила машину, перехватил мистера Палтни.

— Я хотел бы кое-что вам объяснить, — сразу начал сыщик. — Боюсь, в том, что касается дела, вы сочтете меня не шибко разговорчивым. Так вот, я не просто собираюсь напускать на себя таинственность, хотя, вероятно, питаю к этому дурацкую склонность, как, впрочем, и большинство людей. Но на сей раз я действительно волнуюсь. По меньшей мере один из тех двоих, что гоняются за кладом, не самый законопослушный гражданин, а значит, просто-напросто может возникнуть опасность. Так что чем меньше я рассказываю Анджеле, тем меньше вероятность того, что она начнет беспокоиться или тем паче окажется в опасности, слишком настырно сунув нос в неположенное место. И пока мы не покончим с этой историей, я бы хотел по возможности хранить о ней молчание. Я буду бесконечно благодарен, если вам удастся хоть чуть-чуть присмотреть за джентльменами на острове. Но еще больше, если вам удастся занять Анджелу и отвлечь ее от расследования, поскольку, повторюсь, я немного волнуюсь, что она вмешается. Надеюсь, вы не сделали вывода, что я слишком груб.

— Положитесь на мою скромность, мистер Бридон, — ответил пожилой джентльмен. — Вы предоставили в мое

---

* См. роман Р. Нокса «Три вентиля».

распоряжение пару миль лучшей рыбалки в Шотландии, и начни я выуживать информацию, это будет позорной благодарностью за вашу щедрость. Обязуюсь наступить на горло своему любопытству — отвратительный порок. Что касается опасности, надеюсь, вы ее преувеличиваете. Я вполне искренне желаю, подобно Нестору*, быть молодым и быстрым, чтобы иметь возможность вам помочь. Хотя, насколько мне известно, воспоминания Нестора о подвигах его юности до сих пор не подтверждены независимыми свидетельствами. Что до меня, я абсолютно точно знаю, что в решающий момент потеряюсь. Думаю, я больше сгожусь на то, чтобы быть полезным дамам. А-а, вон нам машет рукой миссис Бридон. Если это не беззастенчивый обман, нас ждет ужин. Ужинать никогда не рано.

Глава 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ МЕСТА

Трудно понять, почему в субботу утром всех троих охватило небывалое волнение. Бридон уже имел возможность полюбоваться и на Летеби, и даже на Хендерсона. В начале июля он без труда раздобыл приглашение на один прием в Лондоне, где Летеби был, как обычно, вульгарен и говорлив, и имел возможность присмотреться к повадкам сей публичной персоны, по крайней мере, к тем повадкам, которым тот позволял стать достоянием публики. Добраться до Хендерсона оказалось сложнее; но на свете мало проблем, которые нельзя решить, если вас подпирает «Бесподобная»; и Бридон, переодетый дополнительным официантом, разжился привилегией постоять в дверях закусочной, где столовался Копатель, так что получил представление хотя бы о его внешности. И все же

---

* Нестор — мифологический персонаж, участник Калидонской охоты, битвы с кентаврами, Троянской войны, аргонавт. Прожил три человеческих века.

искушение «подсмотреть из-за жалюзи» было непреодолимым. Как именно подсматривать, обсуждали все утро, поскольку никто не сомневался, что Летеби, которому предстояло преодолеть восемь миль из Пертшира, раньше полудня не появится.

В конце концов решили, что Бридон, у которого имелись все основания держаться в тени, будет смотреть из дома — ну, если в последний момент сможет оторваться от пасьянса. Анджеле предстояло усесться в шезлонг на небольшой лужайке сбоку от домика; она и расположилась там с книжкой. Палтни перешел через дорогу, где был загон, и с неподдельным задором принялся упражняться в искусстве уловления мух. Так прошла, может быть, четверть часа, наконец тишину долины прорезали далекие вопли волынки. Само по себе это едва ли могло вызвать интерес; напрашивалось предположение, что бродячий музыкант клянчит полкроны. Но поразительно низкая степень мастерства мешала принять гипотезу; кроме того, обращало на себя внимание, что по мере приближения волынку временами отнюдь не музыкально прерывал рев клаксона. Около двух часов показалась машина, в которой скрюченный Летеби дудел что было сил в честь своего возвращения в родные места. С головы до пят он был облачен в костюм горца; процессия, несомненно, задумывалась так, чтобы произвести максимальное впечатление на репортеров, которые могли ожидать его на улицах Инвернесса, и, уверяю вас, таковых собралось немало. Ненасытный балагур Летеби давал представление до тех пор, пока у него оставался хоть один зритель. Изящество, с каким он поклонился и помахал головным убором сначала Анджеле, а затем мистеру Палтни, было тщательно отрепетировано, хотя очумевшее сельское население могло найти и иное объяснение его жестам, а именно что «джентльмен явно перебрал горячительного».

Если бы можно было вести автомобиль, одновременно играя на волынке, позволительно предположить, что Вернон Летеби именно так и поступил бы. Однако он рас-

положился на довольно вместительном заднем сиденье, а вот возница призван был привлекать к себе значительно меньше внимания. На нем была простая шоферская ливрея, но он определенно составлял часть спектакля — очень красное лицо и очень пышная борода наводили на мысль, что это типичный горец, как их изображали поздневикторианские карикатуры. Наплевав на погоду, они закрыли давно не мытые окна с обеих сторон, так что поверхностный взгляд не мог определить, какая часть внешности шофера являлась подлинной. Казалось, водитель всецело погружен в исполнение шоферского долга и не вникает в суть происходящего, хотя, судя по жестам, несколько пристыжен.

Багаж, перевозимый странным транспортным средством — об этом доложила Анджела, — не поражал воображение: всего пара чемоданов. Было трудно поверить, что Летеби прибыл по делу, пока примерно полчаса спустя не подъехал грузовик, набитый веревками, лопатами, мотыгами и другим инструментом, пользующимся спросом у кладоискателей; в числе прочих приспособлений выгрузили веревочную лестницу, ее ни с чем не спутать. Спереди в грузовике сидели двое мужчин, которые тут же укатили на пустой машине; установить их личность не составило труда, так как на обратном пути они остановились и около получаса болтали с миссис Макбрейн, которая сообщила, что это жители соседнего городка и весь доставленный ими инструмент был взят там в аренду. По указанию Летеби поставщики разгрузили снаряжение возле дома и накрыли его брезентом.

За чаем главной темой обсуждения троих наблюдателей стала, разумеется, наружность шофера. То, что это слишком уж маскарад, Бридон утверждал с несвойственной ему убежденностью:

— Конечно, обычный подход тут неприменим. В ординарных случаях загримированный персонаж непременно себя выдаст, если только не полноценный актер. Он понимает, что выглядит странно, и потому все его жесты,

мимика (насколько их можно видеть) неестественны. Но шофер чуть ли не единственный человек на свете, у кого отличный предлог сохранять почти полную неподвижность и иметь непроницаемый вид; это племенной признак. Так что у меня нет ничего конкретного против нашего друга с рыжими усами, кроме, пожалуй, того, что лицо у него чуть-чуть слишком блестело. Но если исходить из вероятности, много шансов, что у подлинного шофера совсем другое лицо. Такого просто не бывает.

— Странно, — задумчиво пробормотал мистер Палтни, — но профессия, которую избирает человек, непосредственно влияет на его волосяной покров. Попробуйтека найти бородатого носильщика! Во времена моей молодости извозчики любили усы еще долго после того, как они вышли из моды; но уход за автомобилями и управление ими почти везде вывело гладко выбритый человеческий тип. Да, мистер Летеби эксцентричен, однако даже ему вряд ли удалось бы найти шофера — постоянного, по крайней мере, — с такой ярко выраженной внешностью нигилиста.

— Но у нас нет доказательств, что он регулярно прибегает к его услугам, — заметила Анджела. — Летеби мог прихватить его на пару часов просто ради внешности. Я бы очень огорчилась, если бы борода оказалась фальшивой. Она придает шоферу такой трогательный вид.

— Он, однако, умеет держать руль, — задумчиво проговорил Майлз. — Значит, его не просто подобрали абы где. И ему известна дорога к острову Эрран, значит, он либо из местных, а тогда миссис Макбрейн узнала бы его, либо умеет читать карту. Его манера вождения, несомненно, намного подлиннее лица. Нет, шансов на грим настолько больше, что нам придется принять эту версию. А коли мы ее принимаем, встает очевидный вопрос: на черта ему грим?

— Да иди ты со своим гримом! — воскликнула Анджела. — Черт подери, Майлз, ты не имеешь права думать, что всякий, кто попадается тебе на гадаза, закоренелый

преступник, с дьявольской ловкостью заметающий следы и всякое такое. У Вернона Летеби очень скверное чувство юмора, вот и все. Он думает, что если обставит абсурдную экспедицию штучками в духе мюзик-холла — килты, хаггисы*, — то повеселит авторов фельетонов и позлит славных жителей округи. Он просто ни на кого не похож — из тех, кого ты встречал по долгу службы, я хочу сказать. И, пытаясь найти рациональное объяснение его действиям, ты забредешь бог знает куда. Он не умеет шутить. Попытайся с самого начала не совершить главной ошибки, не принимай его всерьез.

— О, это все мне прекрасно известно, — кивнул Бридон. — Единственная серьезная проблема Летеби в том, что его не утопили сразу же, как он родился. Но он не сумасшедший. Кошка отлично знает, чье мясо ест, он не станет страховаться у «Бесподобной» просто ради забавы. Поэтому всегда остается возможность, что самые безумные штучки он выкидывает с умыслом; разгадать их тем сложнее, что на вид они совершенно сумасшедшие. Он мог вырядить своего компаньона Гаем Фоксом** смеха ради. Но возможно, и потому, что его могли узнать, а Летеби этого не хотел.

— Ты ведь не думаешь, что он хотел упрятать под грим этого своего Хендерсона? Пару недель назад его портрет был во всех газетах. А если он потихоньку притащил Хендерсона на остров, сделав вид, будто тот еще в Лондоне?

— Да, черт возьми, воображение заводит тебя слишком далеко. Ты исходишь из того, что Летеби знает, что мы за ним наблюдаем, а он, ей-богу, этого не знает. А если знает, то, скорее всего, сочтет целесообразным как раз обратное: сделать вид, что Хендерсон здесь, в то время как на самом деле он бог знает где. Летеби вполне может рас-

---

* Хаггис — традиционное шотландское блюдо, телячий рубец.

** Гай Фокс — один из главных участников антимонархического Порохового заговора 1605 г.

считывать, что мы решим так, как ты: краснощекое чучело за рулем — переодетый Хендерсон. А Хендерсон тем временем делает свое черное дело совсем в другом месте.

— Для меня это слишком сложно. Но как бы то ни было, чего целый день ломать голову, когда вечером мы узнаем, приедет Хендерсон поездом или нет. Может, мне удастся осторожно выведать у миссис Макбрейн, ждали ли они шофера. Его же надо устраивать на ночлег.

— Думаю, неплохая идея. Однако мне надо закончить пасьянс, так что я отправляюсь в наблюдательный пункт, заодно прослежу, поедет ли кто-нибудь встречать вечерний поезд. Полагаю, вам с Палтни лучше пока не высовывать носа.

Впечатление создавалось, что прибытие Хендерсона ожидалось в полном соответствии с программой. В назначенный час негромкий звук клаксона на подъездной аллее, ведущей от дома к мосту, заставил Бридона подойти к окну. На сей раз представление давал только шофер-клоун, не прилагавший никаких усилий к тому, чтобы превратить поездку на вокзал в торжественную церемонию. Окна машины были так же закрыты, и так же не имелось возможности как следует его рассмотреть. Бридон, задумчиво хмуря лоб и провожая взглядом автомобиль, был вознагражден случаем еще кое-что увидеть. У моста появился Летеби собственной персоной; он был без шляпы и, казалось, просто вышел прогуляться вечерком. Пару минут он постоял, облокотившись на перила, затем двинулся по тропинке и исчез за деревьями. Знал ли он, что за ним наблюдают из домика садовника, или привык к тому, что за ним наблюдают? Если так, то его движения были восхитительно продуманы и скрывали намерения; он не оборачивался, не слишком часто осматривался, не спешил, не медлил. Спектакль, отлично поставленный спектакль.

Анджела утащила Палтни на прогулку; ждать машину из Инвернесса, куда она предположительно направилась, раньше, чем через час с лишним, не приходилось. Бридон, словно отмахнувшись от незначительной помехи,

прервавшей то, что составляло смысл его жизни, вернулся к пасьянсу. Какая удача, думал он, ведь на дорогах далекого Высокогорья вечно слоняются овцы или дети, что приводит к необходимости время от времени жать на клаксон; так что, если появится что-то новенькое, его наверняка опять прервут. Семерка? Нет, восьмерка, восьмерка ему ни к селу ни к городу. Ладно, могло быть и хуже... Очередной звук, вторгшийся в его полную сосредоточенность на раскладе, свидетельствовал о том, что переключили скорость и с моста съезжала машина. Бридон, подскочив к окну, едва успел увидеть заднюю часть исчезающего автомобиля, а сидящих в нем вообще не рассмотрел. О господи! Не самый ответственный подход к выполнению служебного долга. Ему бы признать, что Анджела бывает права, когда говорит, что он частенько забывает о деле, но он терпеть не мог признавать, что Анджела хоть в чем-то может быть права. Как и большинство счастливых семейных пар, мистер и миссис Бридон денно и нощно крыли друг друга почем зря. Жена, однако, бросилась к мужу со словами, которые немедленно укрепили его пошатнувшуюся веру в себя:

— О, ты их видел? Мы видели, знаешь, Майлз, просто не могли не увидеть, потому что вышли на дорогу и еле успели отскочить от автомобиля, прижавшись к стене; он внезапно налетел на нас из-за угла.

— Понимаешь, я был несколько занят пасьянсом и пустил дело на самотек, прекрасно зная, что, так как твоим заданием было не столкнуться с обитателями острова Эрран, ты, конечно же, примешься подсматривать за ними из-за живой изгороди. Итак, это Хендерсон?

— Какой же ты мерзкий лгунишка. Даже не знаю, говорить ли тебе. Вы как думаете, мистер Палтни?

— Я умудрился шестьдесят лет прожить в относительном спокойствии, неукоснительно соблюдая правило никогда не вмешиваться в перепалки между мужем и женой. Но, коли меня призывают высказать мое мнение, осмелюсь заметить, не вижу большой беды в том, чтобы удов-

летворить любопытство мистера Бридона. В конце концов, скоро он и так все узнает.

— Ладно. Но ты признаешь, не правда ли, признаешь, что просто забыл обо всем на свете за твоим мерзким пасьянсом?

— В миротворческих целях признаю. Теперь, когда я уверен, что это все-таки был Хендерсон, может быть, вы соблаговолите поставить меня в известность относительно того, какие еще подробности привлекли ваше внимание? Он сидел рядом с шофером или сзади?

— Рядом. Но автомобиль был забит всякой всячиной — лопатами и прочим, — сидеть сзади было не очень удобно. На твоем месте я бы не стала мусолить эту деталь. Одет Хендерсон был довольно просто, вовсе не пошотландски, а как обычный равнинный житель, чтобы не сказать англичанин. Может, у него и есть губная гармошка, но в автомобиле он на ней не играл. Курил сигарету, марка неизвестна. Что-нибудь еще?

— Да шофер же, не валяй дурака. Тебе удалось получше его рассмотреть?

— Знаешь, это довольно странно. Мы шли по правой стороне дороги, поскольку, по моему убеждению, намного приятнее полюбоваться на машину, прежде чем она тебя задавит. Так что, по идее, должны были увидеть все крупным планом. Но, провалиться мне на этом месте, если он, проезжая мимо нас, не поднял руку почесать себе башку. Я часто думала, как, должно быть, неудобно чесать голову и той же рукой снимать головной убор, а шоферы только так и чешутся. Таким образом, лицо было закрыто, что, конечно, могло быть преднамеренным. Удалось разглядеть только волосы, довольно нечесаные и неопрятные, как будто в дополнение к бороде. Шоферы вообще обычно неаккуратные, правда ведь?

— Проницательное замечание. Ну почему же я не могу ни на секунду выпустить этих людей из виду, чтобы тут же чего-нибудь не случилось? Он снимает кепку, как будто извиняясь за то, что прикрывает лицо рукой, и тем са-

мым позволяет вам рассмотреть его волосы — нечесаные и неопрятные. Что вы из этого заключаете, Палтни? Вы думаете, на шофера напал подлинный зуд, или у вас тоже создалось впечатление, что он хотел спрятать свое запоминающееся лицо?

— Прошу прощения, но мне показалось, что дело еще сложнее. Как только они показались из-за угла, пассажир, этот Хендерсон, повернулся и сказал что-то шоферу; и мне пришло в голову, что тот поднял руку, выполняя его указание. Но, разумеется, мы можем пасть жертвой ошибочного вывода. Post hoc ergo propter hoc*, — когда за неслышной тебе фразой следует неожиданное движение.

— Тогда все хуже некуда. Насколько мне известно, ни вас, Палтни, ни тебя, Анджела, Хендерсон прежде не видел; а вы, полагаю, не подходили так близко к дому, что вызвали подозрения. Нет, черт меня подери, это невозможно. Если только, конечно... Но это слишком невероятно. Полагаю, вы не в курсе, как Хендерсон выглядел раньше?

— Почему же, я в курсе, — пожала плечами Анджела. — Ты ведь показывал мне его фотографию в какой-то газете и заставил запомнить. Поэтому никаких сомнений быть не может. Выпяченные губы выдают его за милю. Кстати, я только что перемолвилась с миссис Макбрейн, так вот она сказала, что да, джентльмены вскользь говорили, что, вероятно, захватят с собой шофера. На острове есть гараж, деревянный, но довольно удобный, там можно устроить конуру вроде жилой комнаты. Она поставила туда кровать и все остальное.

— М-да, это все нужно как следует обдумать. Я, наверно, немного прогуляюсь, четверть часика, не больше. Нет, к ужину не опоздаю. Если вам приспичит меня позвать, я пойду берегом вверх по течению.

И Бридон пошел вверх по течению не столько для того, чтобы побыть наедине со своими мыслями, сколько

---

* После этого значит по причине этого (*лат.*).

чтобы проверить одно безумное подозрение. В мягком ковре мха и сосновых иголок ноги не проваливались, собирающийся под деревьями мрак окутывал уютной тишиной. Из дома на острове поднимался дым, свидетельствующий о том, что там для таинственных постояльцев тоже готовят ужин. Кто готовит? Наверно, шофер, а может, и Хендерсон. Человек, который пошатался по миру, несомненно, поднабрался кое-чему и из домашних искусств. Тропинка приблизилась к реке и, как и предполагал Бридон, вышла к берегу как раз напротив того места, где на острове была пришвартована лодка.

Несколько мгновений он до боли в глазах всматривался в землю под ногами, затем решительно перевел взгляд на песок, где должна была находиться лодка. Ошибки не было. Только нос касался песка. Бурление у кормы говорило о том, что лодка лежит на воде. Бридон присвистнул и пробормотал:

— А вот об этом мы не будем говорить за ужином.

Им и в самом деле было что обсудить.

— Мистер Палтни, — сказала Анджела, прихлебывая суп, — а у нас для вас на завтра приятный сюрприз.

— А ведь завтра воскресенье! Я и представить не мог, что Шотландия способна на приятные сюрпризы в день отдохновения от трудов, кроме того что мнение ее представителей насчет обязательности посещения церкви может не совпадать с вашим. Но, возможно, вы об этом и говорите?

— Нет, у вас еще одна попытка. Видите ли, позавчера — по-моему, позавчера — явился сэр Чарлз Эрдри, это наш землевладелец. Я было подумала, он приехал убедиться, что мы не ведем незаконную охоту на кроликов, не вырезаем на подоконниках свои имена или как там еще хулиганят нежелательные жильцы. Но это оказался вполне визит вежливости, мы приглашены завтра в Замок Грёз на обед. Местные законы категорически запрещают охоту и рыбалку в воскресные дни, но в них ничего не говорится о том, что в воскресенье нельзя жевать или прогуливаться

после обеда до фермы и любоваться на стадо. Вы как следует научились втыкать копья в быков, мистер Палтни?

— Я бы прежде крепко подумал. Мало ли что может прийти быкам в голову. Правильно ли я понимаю, что приглашение распространяется и на меня?

— Разумеется. Черт возьми, ведь это вы рыбак, а стало быть, наше единственное оправдание пребывания здесь. В качестве повода посетить эти края принимается только желание убивать живую тварь. На вашем месте я бы быстренько освежила в памяти парочку ваших рыбьих книг, это поможет вам сдать экзамен, там, в Замке Грёз.

Воскресный обед во многом прошел именно так, как его обрисовала Анджела. Бридоны и Палтни были не единственными гостями: целая толпа арендаторов прибыла из Стратдауни, где они рыбачили, пока не началась охота. Это была сплоченная компания, и сэр Чарлз с невесткой без особого успеха пытались отличить одного гостя от другого. Все казались богатыми, все были обязаны своим процветанием таинственным сделкам в Сити, никто никогда ни об одном из них не слыхал, и все же возникало ощущение, что деньги придают им невероятную важность. У всех мужчин были красные лица, толстые шеи, посредственные манеры и собственническое, несколько снисходительное отношение к своим женщинам. Ассортимент последних был разнообразен, но малоинтересен; единственной, кто, пожалуй, обладал хоть какой-то заметной индивидуальностью, была леди Гермия Дженнингс, зрелая красавица, решившая пройтись по жизни, опершись на богатого мужа и более или менее всеядное покровительство искусствам. Судя по всему, муж ее тоже находился здесь, однако никакое, самое внимательное, самое изнурительное наблюдение решительно не могло дать постороннему вразумительного ответа на вопрос, кто чей муж.

Мистера Палтни бросили на растерзание дамам; его старомодная учтивость стала для них интересным новше-

ством, и они без устали вытягивали из него многосложные слова. Анджела оказалась предметом неослабного внимания хозяина; ее отличала свежесть, еще более подчеркиваемая контрастом на фоне коктейльно-бриджевых соперниц, и сэр Чарлз с готовностью пал ее жертвой. Что до мистера Бридона, овдовевшую невестку сэра Чарлза ему увлечь беседой не удалось, поскольку большую часть времени она, нахмурив брови, осыпала упреками детей, которые, не оказывая сопротивления, позволяли взрослой компании себя баловать. И Майлзу пришлось разговориться с леди Гермией, сидевшей по другую руку от него. Та же, как впоследствии поделился сыщик, относилась к тем ужасным женщинам, что вечно смотрят на вас со скорбью, как будто вы не можете сказать ничего интересного.

Дженнингс, однако, оказалась прекрасно информирована во всех вопросах, касающихся Вернона Летеби. Само собой разумеется, общий разговор в основном крутился вокруг шансов и личностей кладоискателей, прежде всего вокруг Летеби, чье триумфальное появление на острове Эрран уже стало притчей во языцех и нисколько не утратило своей коммуникативной привлекательности. Сэр Чарлз, когда его спрашивали, в самом ли деле он верит в существование клада, лишь пожимал плечами и помалкивал. Но остальные мужчины составили хор сердитого неодобрения. У парня просто-напросто поплыли мозги; ему давно пора за решетку, всем понятно; пожалуйста, пусть сорит деньгами, пытаясь поймать журавля в небе, но никто, черт подери, не просил его превращать весь этот балаган в какофонию мюзик-холла; одно дело тешиться богемными штучками в Челси, но в Высокогорье — это уж простите, тут он, с позволения сказать, хватил лишку; да и вообще Летеби — недоделок; кто-то учился с ним в одной школе, так он всегда был недоделок, до того самого дня, когда вдруг очутился в первых рядах, вам всякий скажет, разве нет? Господи помилуй, надирается до остервенения, да и шофер не лучше, тот и вовсе не похож

на шофера, скорее уж русский или что-то в этом роде; во всяком случае, поговаривают, что он неровен час возьмет и удерет со всем этим барахлом; его-то уж никто не пригласит в Стратдауни, даже если он найдет все побрякушки царицы Савской; дрянной выскочка этот парень, вот так прямо вам и скажут.

Обрывки нелицеприятных суждений достигали слуха сыщика, пока он корчился, ведя беседу с леди Гермией. Разделавшись с присутствующими детьми, она перевела разговор на детей самого Майлза: как их зовут, да сколько им лет, да что они любят и тому подобное — тема, горячо любимая редкими отцами, Бридоном менее прочих. Майлз обратил внимание на то, что леди Гермия, как и он сам, ловила обрывки общей болтовни и, судя по всему, их не одобряла. Сыщик вспомнил, что у нее репутация женщины, играющей роль доброй феи по отношению к безденежным и, как правило, бессодержательным молодым людям, которых она почитала умными. Не исключалась вероятность того, что Летеби был одним из ее кавалеров. И Бридон решил ничего не говорить ни об острове, ни о его арендаторах, пока собеседница не раскроет карты.

— Все они не правы насчет Вернона Летеби, — сказала та вдруг. — Я знаю его уже много лет; вообще-то, он один из самых близких моих друзей. Возможно, он не прочь привлечь к себе внимание, но, знаете, мне кажется, быть совершенно нормальным так скучно, вы не находите? Все эти его завывания насчет клада —просто мальчишеский азарт. К тому же, заметьте, он из Стратспилов; да ему просто не даст забыть об этом глупая старая тетка, уступившая ему дом, который в лучшем случае можно назвать мавзолеем, хранящим прах якобитов. Понимаете, Вернон чувствует себя кем-то вроде лишенного наследства принца; он сам мне нередко об этом говорил. Он не просто решил устроить очередной спектакль, а действительно намерен найти сокровища. Я иногда думаю, просто ужас, как мало представителей нашего поколения пы-

тается понять молодежь. Конечно, они безнравственны, большинство, но тут они честны, а что может быть важнее, не так ли?

Бридон пребывал в том опасном состоянии, когда душу можно сравнить с осажденной крепостью скуки, на выручку которой спешит неуместный смех. Он издал булькающий звук, по счастью, истолкованный как согласие.

— Я так и знала, что вы того же мнения. Конечно, вы принадлежите к более молодому поколению. Я бы хотела познакомить вас с Верноном Летеби. Уверена, вы сойдетесь. И не сомневаюсь, что он понравится миссис Бридон. Юноша отчаянно нуждается в хорошем влиянии, у него была такая трудная жизнь. Если честно, мне его даже немного жаль, торчит там один на каком-то жутком острове с этим странным Хендерсоном. Вернон утверждает, тот не так уж и плох, но, знаете, в глубине души он добр и видит в людях только хорошее. Полагаю, вы не против, если я как-нибудь загляну к вам и представлю вас? Мне затруднительно приглашать Летеби в Стратдауни, это решительно не его мир. Но я, разумеется, навещу его сама. А если я в один прекрасный день зайду за вами в домик садовника и мы сходим на остров посмотреть, как у него там дела с этими сокровищами?

На сей раз определенно требовалось что-нибудь ответить. Повисла короткая пауза, Бридон соображал, возможно ли отклонить приглашение и, если да, хочет ли он его отклонять. Но затем — все-таки этот человек был фаталистом — сыщик решил ответить согласием на предложение утомительной женщины, увидев завидную возможность подобраться поближе к месту действия.

— Разумеется, — кивнул он, — буду счастлив познакомиться. Звоните в любое удобное для вас время, чтобы я был на месте к вашему приходу. Не обещаю, что во всем смогу разделить взгляды Летеби; я, наверно, беспросветно старомоден. Но если существует вероятность, что могу

оказаться полезным, то имейте в виду, я охотно сую нос в чужие дела, чтобы в них разобраться.

— Просто божественно с вашей стороны. О господи, теперь нам надо на эту ужасную ферму; ненавижу гулять по воскресеньям, да еще вечером, а вы? Отрыжка церковных времен, а это просто убивает. Ну что ж, не забудьте; возможно, я загляну послезавтра, хотя с точностью назвать день не могу. И все-то тебя дергают, даже здесь.

Паломничество в коровник сопровождалось торжественностью, предсказанной Анджелой. Мистер Палтни, когда их пути на мгновение пересеклись, признался миссис Бридон, что он ничего не имеет против коровников в свежее, наполненное ароматом ладана утро, но ближе к вечеру земледельческий дух становится, на его вкус, слишком выраженным. Он, однако, демонстрировал неизменное восхищение, хотя, как правило, когда открывали перегородку, за которой находился очередной бык, оказывался в самом конце процессии. В таких случаях Палтни довольствовался кратким описанием «чудовищно развитой особи, честное благородное слово», которую ему удалось разглядеть в загоне.

— Надо сказать, ты не очень-то пытался избавиться от общества госпожи Дженнингс, — заметила Анджела, усевшись за руль, чтобы ехать домой. — Что же сподвигло тебя на такую коммуникабельность?

— Я не в силах побороть сильнейшее желание, чтобы она оставила бренную землю, — ответил Малйз, — однако остальными чувствами, испытываемыми мною по отношению к этой даме, мне бы не хотелось делиться в смешанной компании. Тем не менее она, кажется, может пригодиться. Спорю, у тебя бы не вышло уговорить ее захватить нас с собой на остров во время утреннего визита и представить главным действующим лицам?

— Она правда собирается это сделать? Майлз, дорогой, умоляю, расскажи, как тебе это удалось?

— Методы надо знать, — проворчал Бридон.

Глава 6

РЕЛИКВИИ СОРОК ПЯТОГО ГОДА

Леди Гермия сдержала слово лишь в среду. Весь понедельник и весь вторник на острове кипела работа; судя по всему, Летеби и Хендерсон все делали сами, таинственный шофер словно исчез. Можно было бы недоумевать, почему своим посещением остров не удостоил ни один журналист, если бы достоянием гласности не стало то обстоятельство, что Летеби заключил пакт о предоставлении всех новостей об экспедиции лишь с одной очень низкопробной воскресной газетенкой, а потому остальные печатные органы посчитали делом чести отнестись к этой истории с некоторой прохладцей. Мистер Палтни рыбачил у южной оконечности острова, ему даже удалось пару раз дернуть удочку, и даже одна рыбина попалась на крючок, однако со своего поста он не наблюдал никакой активности. Поиски велись почти исключительно в северной части на восточном склоне, недалеко от дома. Сначала копали у выступа скалы; затем спустили веревочную лестницу, потом, сверяясь по каким-то записям, шастали по узкому скалистому берегу. Для соглядатаев это была детская игра; противоположный берег порос густым лесом, где можно было беспрепятственно устроить наблюдательные пункты, не вызывая подозрений, если только соблюдать достаточную осторожность и не семенить домой к обеду на глазах у жертв. Бридон даже дерзнул сделать несколько фотоснимков искателей — вдруг окажутся полезными — и заказным письмом переправил их в «Бесподобную», дабы показать, что он оправдывает расходы на свое здесь пребывание.

Леди Гермия явилась в среду после чая, как и было условлено, договорившись прежде по телефону. Она демонстрировала восхитительно изящные манеры.

— Из всего этого, — заявила впоследствии Анджела, — ты, мой дорогой Майлз, должен сделать вывод,

что женился на особе ниже себя, однако не окончательно опустился.

Сама Анджела отклонила не самое сердечное приглашение принять участие в прогулке на остров. Она, по ее словам, ожидала телефонного звонка, весьма важного, в противном случае с удовольствием пошла бы. Это было обговорено: как сказал Майлз Бридон, не исключено, произойдет нечто, что хорошо бы наблюдать из лесу.

Дом на острове Эрран производил приятное впечатление — это была подделка под старину, но того периода романтизма, когда влияние Вальтера Скотта было в зените, так что приобрела уже собственную ценность старины. Нежного красноватого оттенка камень, крутая, как того требует климат, двухскатная крыша, треугольные фронтоны в виде птичьих лапок, затейливые маленькие, будто башенные окошки и непролазный вьюн, внушающий не столько рассудку, сколько глазу, что вы видите перед собой нечто весьма почтенное. Дом не был окружен ни садом, ни газоном, хотя повсюду были заметны следы того, что некогда их пытались здесь разбить — лишь для того чтобы потом махнуть на них рукой ввиду неудержимого плодородия острова, порождающего непредвиденную флору. Бывший газон пузырился глубоким мхом, тропинки практически изничтожил кустарник, призванный их обрамлять, а заброшенные солнечные часы напротив входа вызывали в воображении сцены вовсе не бездеятельного досуга наших предков в предзакатную пору, а тяжкой борьбы с природными условиями. Когда посетители приблизились, входная дверь оказалась открыта, но в передних комнатах не было признаков жизни, ответом колокольчику в пещерном безмолвии дома послужило лишь его же эхо.

— Значит, придется осмотреться, — решила леди Гермия. — Зайдемте-ка на секунду в дом. Знаете, а тут довольно забавно.

И она взяла на себя роль проводника, будто знала дорогу. Из нескольких гостиных первого этажа лишь об од-

ной можно было сказать, что ею пользуются; в остальных мебель была обтянута чехлами, стулья на диванах взметнули вверх странной формы ножки, картины стояли на полу спиной к стене. Где-то комнаты были аккуратно обшиты розоватыми сосновыми панелями, даже не покрытыми лаком, где-то стены были обтянуты темными обоями старомодного рисунка. Обжитая гостиная пала жертвой дичайшего беспорядка; наличие двух холостяков немедленно порождает полнейший хаос: грязные кофейные чашки, одежда из непромокаемой ткани, разбросанная по столу колода карт, пивные бутылки, старинный фонарь со сгоревшей до основания свечкой и прочее барахло. Также бросалось в глаза изобилие книг, бумаг, карт острова и округи, каких-то расчетов, видимо, высоты и расстояний, и аккуратно сложенная пачка счетов.

Бридон почему-то поднял и пролистнул одну книгу. Под ней оказалась фотография, на которой была изображена карта, — незаслуженная удача, как он выразился впоследствии. Нам-то история снимка известна — его сделал Хендерсон в Замке Грёз, оставшись один в комнате с архивами, — но Бридон в тот момент блуждал в потемках. Изображение карты читатель найдет на страницах этой книги, поэтому краткого описания будет достаточно. Линии были довольно размыты; возможно, когда делали снимок, плохо был настроен фокус или фотобумага дернулась в рамке, а может, виной стало увеличение, к тому же выполненное неудачно. То, что фотография от начала до конца — дело рук дилетанта, не могло вызвать никаких сомнений. В одном месте виднелось пятно — вероятно, во время проявки на бумагу попал какой-то химикат. Да и саму карту чертили в домашних условиях; остров представлял собой грубой формы овал, хотя в действительности на севере он слегка выступал к востоку, а на юге — к западу. Ни дома, ни моста не было, возможно, поскольку их еще не существовало, когда составляли карту; не были также отмечены возвышенности и лесистые участки. Задача картографа, по всей видимости, состояла в том,

чтобы нанести несколько точек, обозначенных заглавными буквами: *B* и *C* попали на остров, а *D* и *E* — на берег, неподалеку от домика садовника.

Все это Бридон запомнил, постаравшись не затягивать с разглядыванием карты. К счастью, он обладал способностью фотографировать предметы глазами, которой могут похвастаться лишь люди с художественными задатками. Леди Гермия, тоже не питая особого пиетета к частной сфере хозяев, изучала счета; так что у Бридона была возможность пару минут внимания посвятить исключительно карте, и он приказал мозгам сохранить изображение в полном объеме. Затем несколько неловко, почему-то слегка дрожавшей рукой снова взял дешевый роман и, еще раз пролистнув его, положил на карту. Увидеть эту карту было важно, но почти так же важно было не позволить никому заметить, что он ее видел.

— Хватит, мистер Бридон, — сказала леди Гермия, по-женски переложив вину за задержку на спутника, — вы же не собираетесь весь вечер посвятить этому бульварному чтиву. Они, конечно, где-то рядом; остров, как вы убедитесь, не такой уж большой. Если чуть пройдемся, наверняка услышим звуки мотыги и лопаты.

И она опять пошла впереди, на сей раз по узкой, ведущей к северной части острова тропинке, порой едва заметной в зарослях орляка, восковницы и буйной травы. Бридон вовсе не горел желанием рассказывать ей, что местность ему уже знакома, а также объяснять, что он совершенно точно знает, где трудятся кладоискатели. Сыщик покорно шел следом, лишь отметив краем глаза место, где большой пролом справа в кустах рододендрона свидетельствовал о том, что Летеби с компаньоном прорубили дорогу к выступу скалы.

Тропинка привела их к небольшому, поросшему пихтами плато, где деревянная скамейка, которая даже находилась в приличном состоянии, намекала, что путник поступит правильно, если немного здесь передохнет и насладится видом. И действительно стоило: к северу и западу

остров обрывался головокружительным спуском, к которому под невероятным углом лепились рябины и березы. На не менее крутом берегу напротив под нависающими скалами нахохлились выступы, поросшие травой или вереском; с первого взгляда было видно, что они неприступны. Пихтовая роща на вершине загораживала дорогу, ведущую к Замку Грёз. Справа ясно виднелся погост Глендауни, его могилы, вторгшиеся в полнейшую необитаемость, напоминали о том, что человек приходит в эту пустынную местность только для того, чтобы уйти. Река, скалы, лес куда долговечнее.

А внизу стремительно протекала бурлящая река, ненавистница навигации. Она вырывалась из мрачного ущелья, охраняемого отвесными утесами, и сверкающими воронками почти неслышно кипела над уступами скал в воде. По прихоти геологии пенящейся воде сопротивлялся еще один остров, поменьше, попросту каменный нарост двадцати-тридцати футов высотой, предоставивший грунт корням трех одиноких пихтовых деревьев. Островок производил впечатление декорации, изрезанный берег казался картинкой, деревья на фоне скалы выглядели совсем плоскими. Крошечный клочок земной поверхности по обе стороны был отделен от суши всего несколькими ярдами мелкой воды, и все же сюда вряд ли ступала нога человека, так далек он был ото всех людских нужд и дел. Островок услаждал взор как произведение искусства; природа, представляя нам неотрепетированные чудеса, является подлинной волшебницей.

— Отсюда по скале вниз ведет тропинка, — сказала леди Гермия. — Там вырезаны ступени и все такое. Но спускаться все равно довольно трудно, так что, думаю, лучше как следует прислушаться сверху. Только вот где? Вернуться назад к мосту или пройти подальше?

Бридон немного подумал и сказал:

— Вернемся к мосту. Понимаете, если бы они были с другой стороны, мы бы, по всей вероятности, их услышали. Там больше пространства, и оно огорожено. А от-

сюда и до моста скала идет таким изгибом, что уловить какие-либо звуки практически невозможно.

И они двинулись параллельно берегу на юго-восток. Бридон время от времени аккуратно посматривал наверх, хотя прекрасно знал, что они еще не дошли до места, откуда можно увидеть раскопки. У пролома в рододендроновых зарослях он позволил себе поддаться вдохновению.

— Такое ощущение, что кто-то оставил здесь зарубку, — сказал он, и они приблизились к просеке, откуда открывался вид на поросший травой склон, заканчивающийся крутым спуском.

Наверху, держась одной рукой за ствол и глядя вниз с видом человека, приготовившегося давать указания, стоял Летеби. Гости не сразу его окликнули, он сам обернулся и заметил их.

— Гермия, как чудесно, что вы пришли! — воскликнул юноша. — Хотя я бы не удивился, если бы вы подоспели к развязке. Как поживаете, сэр?

— О, вы знакомы с мистером Бридоном? Вы ведь знаете, он живет за мостом. Что значит к развязке? Вы же пока ничего не нашли? Или я ошибаюсь?

— Пока ничего. Даже оловянной пуговицы. Однако я убежден, мы на верном пути. Понимаете, наши сведения надежнее некуда. Я не могу вам сказать, как мы узнали, что клад где-то здесь, прямо в скале. Всем понятно, что компания джентльменов, у которых не очень много времени, не будет тратить это самое время, взрывая скалу, чтобы в образовавшейся дыре припрятать сокровища. Так вот, мы прикинули, что надо смотреть в расселинах, где на камне нарос дерн, и пониже, в трещинах, если они вдруг решили закопать вещички с другой стороны. Если мы правы, у этих ребят, судя по всему, были недурные скалолазы. Хендерсон просто кудесник. Какого черта его прозвали Копателем? Ему надо было дать прозвище Бешеная Газель. Не моргнув глазом перепрыгивает через такие расселины, куда я и заглянуть-то не могу.

— Да, но откуда вам известно, что вы копаете именно там, где надо?

— Хендерсон так решил. Если бы они запихали клад в расселину, видную с другого берега, десять к одному, что кто-нибудь, не имеющий никакого права на это барахло, ее бы заметил и вычистил гнездышко. Оставалось только раздобыть трещинку, скрытую от взоров за деревцем, кустиком или чем-нибудь еще. Если, предположим, это скромных размеров дерево, умелец, прятавший добычу, мог за него держаться. И мы как раз нашли роскошное дерево. Ствола, конечно, уже давно нет, но корни сохранились, и Хендерсон там корпит, вооружившись ручной пилой. Он говорит, что, прежде чем копать, надо немного расчистить место; конечно, когда прятали клад, дерево, вероятно, было еще молодым, корни не разрослись. Простите, я хотел бы посмотреть, как движется работа. А у вас, сэр, нет такого желания? Можете ухватиться за этот ствол, отсюда довольно неплохо видно.

Приглашение было довольно прохладным, но у Бридона не хватило духу отказаться. И вот, вывернув шею, он уже всматривался в крутую, поросшую вереском ложбину, куда была спущена веревочная лестница, наверху закрепленная вбитыми в землю мощными кольями. На ней, видный лишь по пояс, стоял Копатель Хендерсон, выпиливая выступающие корни поваленного непогодами дерева. Одного взгляда Бридону было достаточно, и он уступил место Летеби, который громко спросил партнера, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Коли уж вы наверху, можете передать мне кирку. Тут под корнями тьма камней, их нужно выкорчевать. Слой земли довольно тонкий, работы немного.

Минуть двадцать длилось нетерпеливое ожидание, ставшее для Бридона и леди Гермии тем непереносимее, что они пребывали в вынужденном бездействии. Летеби, который то следил за работой со своего поста, то спускал веревку, то выполнял иные поступавшие снизу указания, время от времени докладывал об успехах Хендерсона: «Вот

убраны камни, вот он уже взялся за лопату, господи, как же он здорово копает! А вот наткнулся на что-то твердое, квадратное, похоже на угол ящика — черт подери, да это же детские игры, только и нужно, что разгрести землю руками — да это клад и есть, нужна веревка — проклятие! Только бы выдержали узлы! Мы будем порядочными идиотами, если все это уползет под гору — надо тянуть. Сэр, подайте, пожалуйста, руку. Какой же он тяжелый, слава тебе, господи. Тяните вверх по неровностям, осторожно, очень осторожно... Ну вот, Гермия, как вам вечерняя рыбалка?»

То, что они с такими предосторожностями вытащили наверх, оказалось сундуком из старой толстой кожи. Он был по меньшей мере шести футов в длину, но не очень широким и не очень высоким. Кожа натурального цвета потемнела и запачкалась, только в некоторых местах ее поцарапали выкорчеванные камни. Судя по всему, прежде сундук украшало золотое тиснение, но позолота, разумеется, сошла, оставив лишь бороздки. Замок, конечно, был заперт, но Хендерсон обладал целым рядом практических талантов — возможно, благодаря частому обращению с запирающимися устройствами. Пока он неторопливо поднимался по веревочной лестнице, компания не скучала — она внимательно рассматривала диковинный сундук, хранивший так много надежд, поклажу умершего полтора столетия назад принца, жизненный путь которого, то романтичный, то скорбный, казалось, служил мостом между старым миром, нашедшим свое последнее пристанище на страницах исторических трудов, и новым, к коему принадлежим мы.

Что теперь? Любопытство так и подмывало взломать замок; но предусмотрительность увещевала, что закрытый сундук нести проще, а в доме, какой бы там ни царил беспорядок, все-таки удобнее будет разложить обретенные сокровища, чем на краю скалы. И на носилках с ручками по обе стороны, какими пользуются рабочие, находку перенесли в дом. Пока компания снова не очутилась

в гостиной с кофейными чашками и картой, откуда ушла, казалось, целую вечность назад, никто даже не пытался разузнать секреты сундука. Бридону почудилось — правда, возможно, в нем говорила нечистая совесть, — что Летеби украдкой посмотрел туда, где лежала карта, уголок которой предательски торчал из-под книги; однако если так, то взгляд кладоискателя выразил удовлетворение.

Замок, хоть и довольно прочный, не отнял много времени. Содержимое сундука было завернуто в ткань, от которой остались одни лохмотья; в прорехах сверкало золото, блестело серебро, темнели цветные пятна. Компания молча вынимала из сундука предмет за предметом и выкладывала на боковой столик, с которого спешно все смели. К явному разочарованию искателей, среди сокровищ не оказалось ни одной монеты. Все-таки это не были остатки казны после сражения при Каллодене; похоже, легенда, имевшая хождение в округе, несла в себе больше правды. Некоторые предметы явно имели практическое назначение: пистолеты, украшенные серебряной чеканкой, золотой бокал, печать, несколько табакерок. Но в основном клад состоял из дамского баловства: кольца, медальоны, браслеты, шкатулочки, парфюмерные флакончики. На ум приходили вздохи, сопровождавшие расставание с той или иной безделушкой, нежные воспоминания, несомненно, навеянные ею у жертвовательницы, романтические, авантюрные истории, которым она послужила декорацией.

> Дамы милые, что с ними, и куда исчез пожар
> Их кудрей над пышной грудью? Зябну,
> чувствую, что стар*.

Все эти пожертвования памяти и гордости давным-давно вручили принцу, которому похитить женское сердце было что сорвать цветок; а в минуту крайнего отчаяния

---

* Роберт Браунинг. Токката Галуппи (1855). Пер. Т. М. Левита.

бросили в какую-то расселину необитаемого острова, чтобы в конечном итоге они попали в руки двух невысокого пошиба авантюристов, сосредоточивших свои помыслы исключительно на том, сколько денег можно получить за них у ювелира.

— Похоже, Карл Эдуард был немного клептоманом, — проговорила наконец леди Гермия, сбрасывая чары.

— Во всяком случае, понимал, что плывет ему в руки, — отозвался Хендерсон. — Лучше бы, конечно, он хранил все это в более продажном виде. У меня имеется опыт с торговцами, я всякий раз бывал счастлив, если удавалось договориться с ними на половину цены.

— Кстати, о торговцах, старина Копатель, — сказал Летеби. — Вот что я сейчас сделаю. Позвоню этому человеку в Инвернесс, который разбирается в таких вещах, и первым делом приглашу его оценить барахло, завтра же утром. Нелишне иметь приблизительную оценку того, что у нас есть. Так, куда я подевал чертову визитную карточку? Даже не помню, как его зовут.

И он принялся шарить в завалах на каминной полке. Бридон прекрасно помнил, как его зовут, но не горел желанием демонстрировать знания о мистере Добби, поскольку тоже действовал в интересах «Бесподобной». Он даже не стал дожидаться, пока Летеби осуществит свое благородное намерение и наберет номер оценщика. В этом будет легко убедиться, позвонив туда самому. Вместо этого он проводил до моста леди Гермию, которая, к своему ужасу, вдруг обнаружила, что опаздывает на встречу в Глендауни, и с чем-то похожим на искреннее тепло поблагодарил ее за остроту испытанных им сегодня ощущений.

Вернувшись к себе, он прежде всего отбил телеграмму мистеру Добби, поскольку тот не подходил к телефону. Затем доложил обстоятельства дела жене, которая наблюдала за происходящим с противоположного берега и видела, как сундук вытаскивали из тайника на белый свет.

— Было довольно забавно следить за всем этим без звука, — прокомментировала она. — Когда не слышно,

что они говорят, люди всегда принимают такие дурацкие позы. К примеру, ты и эта Дженнингс — хотя я, разумеется, смотрела только на тебя — все время приплясывали от нетерпения; а вот Хендерсон, который в общем-то и проделал всю работу, действовал так спокойно, как будто ему приходится выкапывать сокровища каждый второй день. Он правда умеет копать — просто хотелось аплодировать.

— Что ж, я испытываю огромное облегчение, — заметил мистер Палтни, — и скоро смогу посвятить свое безраздельное внимание рыбалке, которого она, если честно, требует. Признаюсь, меня посещали опасения, что наши островитяне, найдя клад, поспешат его припрятать, прежде чем сэр Чарлз Эндрю и другие заинтересованные лица узнают об этом. Я уже рисовал себе, как они пытаются уйти по реке, а я, оживив далекие воспоминания юности, гребу следом, вооруженный исключительно багром. По счастью, в чем бы ни состояли их намерения, поразительная публичность, сопровождавшая находку, сделала какую-либо утайку невозможной. Если им и впрямь нужны были зрители, лучшего момента для открытия они выбрать не могли.

— Да, пока все нормально, — кивнула Анджела. — Но, видите ли, мы не так уж и заинтересованы в том, чтобы они заявили о находке. Не считая, разумеется, того, что в раскрытии темных делишек заинтересован всякий честный гражданин, которому случилось оказаться неподалеку. Но если бы они умудрились раскопать свой клад под покровом ночи и растворились в бескрайних пространствах, «Бесподобная» не была бы должна никому ни единого пенни.

— А вот тут ты ошибаешься, — поправил ее муж, — поскольку не располагаешь последней информацией. После того как Компания заключила контракт с Летеби, там появился сэр Чарлз и сделал свою ставку. Он, в общем-то, не верил, что на острове закопаны какие-то сокровища, но мизерный шанс все-таки имелся; и, конечно, если бы два этих плута его нашли, имелся шанс чуть больше

мизерного, что они попытаются сыграть свою игру. И сэр Чарлз застраховался от мошенничества со стороны синдиката, действующего именно в качестве синдиката — точно так же, как Летеби застраховался от мошенничества со стороны Хендерсона, действующего как частное лицо. Конечно, ему было бы крайне сложно вывести их на чистую воду, поскольку Хендерсон и Летеби, несомненно, сделали бы все, чтобы скрыть следы находки. Однако оформить полис было нелишне. Я позвоню ему после ужина, так что он сможет принять меры и подстраховать свою собственность. Но пока нам еще нужно быть настороже, и, что самое неприятное, мы обязаны учитывать возможность ночного бегства. Боюсь, мне придется дежурить всю ночь. По счастью, луна уже растет. Палтни, а вы не будете возражать, если я попрошу вас прогуляться потом по берегу и спрятаться в лесу напротив того места, где на острове пришвартована лодка? Понимаете, они не могут пройти по мосту, не будучи замеченными, и, не исключено, попытаются улизнуть на лодке. Если вы не против, я сменю вас часов в одиннадцать и проторчу там, пока не посветлеет для подозрительных делишек. Для вас это не слишком? Я бы взял все на себя, только меня ждет работка, требующая пера, чернил и бумаги.

— Мой дорогой мистер Бридон, буду только рад. Полагаю, вам не понять то завораживающее чувство, которое мы, несчастные рыбаки, испытываем, наблюдая, как поздно вечером всплывает рыба, хоть и не можем закинуть удочку. Если кто-то начнет возиться с лодкой, думаю, вы захотите, чтобы я вернулся и сообщил вам? Или мне пуститься по реке вплавь с кинжалом в зубах? Я, правда, не обучен, но так описывают в книгах.

— О, мистер Палтни, не надо! — воскликнула Анджела. — Никогда не прощу себе, если вы его проглотите. Кроме того, вы не представляете, какая холодная вода в этой речке; вы ведь заходили в нее только в комбинезоне.

Майлз Бридон, разумеется, поддержал ее:

— Если они пойдут по воде, мы за ними проследим, а попытаются оторваться — всегда догоним на машине. Опасность может возникнуть лишь в том случае, если наши друзья решат уходить тем берегом; но у сэра Чарлза, несомненно, есть сторожа, привычные дежурить по ночам, и я думаю, надо попросить его поставить их там и держать наготове машину, если они двинутся по дороге на Глендауни и к Замку Грёз. Так что выбери они второй вариант, ответственность не наша. А тем самым, кажется, все возможности перекрыты.

— Стало быть, — заключил мистер Палтни, — я ограничусь тем, что буду следить и при необходимости сообщу вам. Какая жалость, что я так и не научился подражать, скажем, трели козодоя, чтобы нам с вами договориться об условном сигнале. Ох, нам, учителям, еще учиться и учиться.

— Можно будет попрактиковаться завтра, — предложила Анджела. — Неизвестно, когда что понадобится.

Глава 7

В ТОЧКЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

— Конечно же, я думаю, что это страшно важно. — Анджела нахмурила брови, склонившись над листом бумаги, переданным ей Майлзом. — Я не орнитолог, но мне кажется, это как-то связано с камышницей, хотя, может быть, и с кайрой.

— Перестань дурачиться. Это грубый рисунок плохой фотографии, сделанной с грубого рисунка. Вовсе не удивительно, если ничего не разобрать. Вообще-то, я исполнил его куда четче, чем в оригинале. Это, как ты прекрасно понимаешь, план острова с пометками в виде заглавных букв, до чего, должно быть, додумались даже твои мозги. Точнее, две буквы на острове, а две на берегу.

— А оригинала у тебя, случайно, нет?

— Представь себе, нет. Оригинал, с которого я это перерисовал, находится во владении его преподобия Вернона Летеби, проживающего на острове Эрран, который не дал мне любезного разрешения снять копию, потому что — что? Потому что я его об этом не просил. Где искать оригинал этого оригинала (который представляет собой фотографию), я понятия не имею. Правда, хотел бы иметь, потому что это избавило бы меня от множества хлопот. А так у меня была возможность только бросить на нее мимолетный взгляд, она лежала на столе, у них в доме. Я постарался сохранить ее в памяти и точнее воспроизвести не в состоянии. Ну, теперь скажи мне, что ты там видишь, и попытайся не слишком остроумничать.

— Я рада, что ты тщательно подбираешь слова. «Остроумничать» — совершенно шотландская лексема, тебе об этом известно? Ладно, первое, что приходит в голову, достаточно очевидно — весьма странное желание картографа использовать буквы *B*, *C*, *D* и *E*, когда он совершенно спокойно мог взять *A*, *B*, *C* и *D*.

— Неплохо. Конечно, это может быть случайностью, но создается ощущение, что тут что-то кроется. Дальше: почему именно четыре буквы, не больше и не меньше?

— Представления не имею. Если, конечно, клад не распределили на четыре тайника, в каковом случае, умоляю, давай навестим остальные. Я придумаю, как распорядиться украшениями.

— Тут мозги тебе отказали. Ведь очевидно, если ты хочешь пометить одно-единственное место так, чтобы любой идиот, которому попадется на глаза твоя карта, не понял, что это место важное, лучше всего поместить его на пересечении двух воображаемых линий, назвав одну из них *AB*, а другую *CD*. А значит, тебе нужны четыре точки, по одной на каждом конце каждой прямой; значит, каждую нужно пометить буквой. Если будет больше четырех букв, возникнет путаница; если меньше, ты ничего не найдешь.

— Да. Проклятие, я должна была догадаться. Выходит, тот, кто чертил карту, проигнорировав первую букву алфавита, провел прямые *BE* и *CD*. Они пересекаются недалеко от моста, почти напротив нас. Точкой пересечения, несомненно, отмечено место, где был спрятан клад. Майлз, ты уверен, что точно запомнил расположение букв?

— Более или менее; я старался соотнести их с местом, где клад был найден в действительности. Конечно, одна подробность у меня на рисунке не вышла, а именно та, что фотограф несколько сплоховал, наведя фокус слишком вправо. Это о чем-то говорит?

— Слишком вправо... То есть не захватил чего-то слева? А-а, понимаю, ты хочешь сказать, что буква *E* вообще не является частью шифра? Это просто обозначение востока, и если бы был взят левый край, мы бы увидели *W*. Майлз, я немного туповата, правда? И мы можем найти отсутствующую букву *A*, ориентируясь по месту, где в действительности был найден клад. Вот это пятно, да, Майлз?

— Пятно — дефект фотографии. Невозможно сказать, негатива или отпечатка. Но оно, конечно же — случайно или намеренно, — закрывает букву *A*, которая непременно должна находиться именно в этом месте оригинала, с которого фотограф сделал снимок.

— Но когда ты проявляешь собственные снимки, вопроса о случайности или преднамеренности не возникает, правда ведь? Знаешь, я не вполне понимаю, почему это не может быть случайностью. Если проявитель, я хочу сказать, тот, кто проявлял снимки, брызнул каким-то химикатом, капелька вполне могла попасть на одну из четырех букв, разве нет? Иными словами, это не противоречит закону вероятности. Но ты намекаешь, что кто-то проделал все это намеренно, чтобы случайный зритель, если он из тех, кто имеет обыкновение тырить чужие снимки, совершил ошибку, придя к выводу, что *E* — четвертая буква, и таким образом неправильно вычислил бы местонахождение клада.

— Вполне возможно. Но чуточку слишком элементарно. Если Летеби и Хендерсон действительно пошли таким путем, им не удалось меня провести. А если кто-то еще, то ему не удалось провести Летеби и Хендерсона. Они с самого начала были на правильном месте. И вот еще о чем стоит поразмыслить: если ты собираешься убрать одну из букв, почему именно *A*? Почему не *D*? Тогда можно надеяться, что настырный незнакомец попытается разобраться с треугольником *ABC*, не догадавшись, что тут была и четвертая буква. Эта история с буквой *E* никому не доставит длительных хлопот. Мне даже кажется, что в оригинале она крупнее остальных. Я с самого начала был убежден, что *E* означает именно восток.

— Какая жалость, что ты не рассмотрел карту более подробно. Понимаешь, то, что заляпана буква *A* и одновременно объектив съехал вбок, так что стала видна *E* и выпала *W*, все-таки немножко похоже на совпадение, случайность.

— Да, именно вот этот элемент совпадения... Смотри, вряд ли Летеби с Хендерсоном получили снимок от человека, который намеревался обвести их вокруг пальца. Такой человек либо должен был понимать значение карты, но тогда он явно попытался бы сам прикарманить клад, а не информировать о нем соперников, либо ничего не знал, но тогда какого черта морочить им голову?

— Да-а... Не самое естественное поведение. Так если это не случайность, а умысел, значит, Летеби и Хендерсон пытались заморочить голову кому-то другому, кто сунет в карту свой нос. Тебе, как оказалось. Они так и думали, что это будешь ты?

— Если думали, из этого следует сразу несколько выводов, по большей части неприятных. Во-первых, им известно, для чего мы здесь. Во-вторых, они ждали, что леди Гермия меня к ним приведет; можно сказать и иначе: они с ней договорились, что она меня приведет. Затем они оставляют снимок на столе, чтобы меня облапошить. Какой, черт подери, во всем этом смысл? Если они зна-

ли, что найдут клад именно там, где они его и нашли, какой — хоть минимальный — смысл морочить мне голову относительно места, где его нужно искать? Анджела, это все-таки случайность, не умысел. Вся схема с умыслом рушится, стоит только попытаться понять мотив.

— Все, что ты хочешь сказать, можно выразить словами: тебе не нравится, что тебя надули. Или даже, что кто-то попытался это сделать. Спорим, я приведу тебе целый ряд веских мотивов. Попробуем? Они вовсе не имели в виду тебя, а хотели убедить сэра Чарлза Эрдри в том, что не собираются искать вслепую, шарить наугад и действовать на авось, что в ходе поисков не придется выворачивать наизнанку весь остров. Но они плохо знают сэра Чарлза и, испугавшись, что он их обойдет, довольно сообразительно показывают ему настоящую карту, только в несколько исправленном виде, так что если он начнет раскопки раньше их, то окажется в дураках.

— Конечно, можно напридумывать такие объяснения. Но если у них была карта и они показывали ее сэру Чарлзу, почему он нам не сказал об этом ни слова? Он явно старался передать нам все имеющиеся у него сведения. Кроме того, как эта карта оказалась на столе именно в тот момент, когда я появился в гостиной? Такие важные бумаги не бросают на столе, если у тебя входная дверь настежь, а при въезде нет ворот.

— О, но это-то как раз может быть совпадением. Они чувствовали, что близки к цели, и забыли об обычной предосторожности. Любой бы забыл на их месте.

— Как бы я хотел в это поверить. Но не могу избавиться от ощущения, что Летеби, когда мы вместе вернулись в дом, взглянул на карту и остался доволен, что та под дешевым романом. Потому что решил, что я ее все-таки не видел? Или потому что понял, что я ее все-таки увидел и так вот неуклюже прикрыл?

— Ты вечно фантазируешь. Кроме того, очень может быть, Летеби не хотел, чтобы ты знал, как именно они

нашли клад, хотя ты и знаешь, что они его нашли. Или, например, он просто получал удовольствие при мысли о том, что ты, даже и бросив беглый взгляд на карту, не смог в ней разобраться, поскольку она откорректирована. А что Хендерсон? Он все это заметил?

— Тот, похоже, вообще не обращал на меня никакого внимания. Но у него, надо сказать, совершенно непроницаемое лицо; он не выдает себя так стремительно, как Летеби. Единственное, я обратил внимание, что он страшно плохо выглядит, то ли болен, то ли устал — в любом случае, как будто что-то его гнетет и он катастрофически не выспался. Глаза красные, под ними круги — странно, потому что он явно крепкий. Конечно, может быть, пьет, хотя он не произвел на меня впечатления человека, опухшего от пьянства, просто был разбит.

— Все интереснее и интереснее. Знаешь, Майлз, мне кажется, я пойду спать. Потому что ты наверняка меня разбудишь, когда завалишься в постель, вернувшись с твоих одиноких бдений, а я, возможно, буду слишком взволнованна, чтобы опять заснуть. Когда ты отпустишь нашего бедного Эдварда?

— Не раньше одиннадцати. У меня еще около часа. Но оставьте меня, сударыня, ради бога, оставьте меня. Сейчас я замотаю голову мокрым полотенцем и прокручу эту историю с картой еще раз, и два, и три.

Планы Бридона по прокручиванию истории с картой на самом деле не имели ничего общего с мокрыми полотенцами. Он всегда утверждал, что, если вы столкнулись с проблемой, которая на первый взгляд представляется нелепицей, бесполезно силой заставлять ваше воображение взять барьер; чем больше вы будете подхлестывать его, тем упрямее оно будет пятиться. Единственная возможность увидеть всю картину в новом свете — это заняться чем-то совершенно другим и надеяться, что в ходе занятий непонятно откуда забрезжит свет. Заняться чем-то другим для Бридона в подобных ситуациях означало только одно: он вернулся к пасьянсу.

До того, как ему нужно было заступать на пост, оставалось всего около четверти часа, когда он вдруг выпрямился на стуле с замершей в руке семеркой.

— А может быть, так? — спросил он сам себя. — *B* — да, *C* — да, *D* — да, *E* — да, но не *A*. Куда подевалась эта карта? Вот она, все получается. Какая досада, что нельзя в спальню, но ничего, и здесь справлюсь.

И в который раз рассматривая карту, он принялся издавать странные мычащие звуки, имеющие некое отношение к мелодии песни «Жду тебя у храма»*. Полузабытые обрывки музыкальных фраз в его случае означали победный клич.

Бридон обнаружил мистера Палтни на пеньке. Тот сидел в указанном ему наблюдательном пункте с видом полнейшего довольства.

— Вы тоже можете заметить, Бридон, — сказал он, — что лодку кто-то двигал. Если бы она вовсе исчезла, я бы вольно истолковал данные мне указания и сообщил вам. Но наблюдение показало, что она переместилась на незначительное расстояние, всего на двести—триста ярдов к югу. Конечно, с тех пор как я заступил на пост, видимость значительно ухудшилась, но если вы посмотрите вот сюда, куда указывает моя трость, то сразу увидите в лунном свете ее нос; остальное закрыто вон тем деревом.

Месяц в небе мерцал жалким охвостьем, но ночь стояла безоблачная, а река тускло серебрилась, таинственно контрастируя с темной тенью нависающих над ней ветвей. Отрезок противоположного берега, покрытый бледным песком, явно пустовал, но чуть южнее, дальше от моста, у воды виднелся силуэт — слишком правильный, чтобы принадлежать дереву или папоротнику. Если бы не наблюдательность старика, подумал Бридон, трудно было бы понять, что это очертания лодки.

— Создается ощущение, что театр военных действий переносится на воду, — согласился он. — Может быть,

---

* Песня «Жду тебя у храма» (1906 г.) Г. Петера и Ф. Ли.

стоит иметь наготове другую лодку, ту, на которой вы рыбачите. Где она?

— Чуть ниже, чем обычно. Строго говоря, практически напротив оконечности острова. Если вы пройдетесь, то, полагаю, обнаружите, что там не менее удобный наблюдательный пункт. Или мне подгрести сюда?

— Да пожалуй, нет, спасибо. На сегодня вы свое отработали. Возвращайтесь лучше в дом, на случай если что-нибудь стрясется там. Анджела уже спит, так что он без присмотра. Но вы тоже ложитесь. Ночь тихая, если они заведут машину, я услышу отсюда и при необходимости вернусь той же дорогой. Не то чтобы было легко остановить автомобиль, когда вы не полисмен. Ну, спокойной ночи, Палтни, и огромное спасибо, что все это долгое время позволяете себя мучить.

— Уверяю вас, от наблюдательного пиршества я получаю подлинное наслаждение. Спокойной ночи.

И старик отступил в тень, отгоняя тростью воображаемых врагов в подлеске, как будто ему не о чем было тревожиться на свете.

Бридон быстро прошел вверх по реке, откуда смог лучше рассмотреть лодку на острове прямо напротив; затем, пройдя примерно еще такое же расстояние, на своем берегу он различил рыбацкую лодку № 2 и бесшумно в нее забрался. Нависавшие над рекой деревья давали столь щедрую тень, что, держась у берега, он без труда избегал освещенной месяцем водной поверхности. Но сыщик не удовольствовался тактикой соблюдения безопасности. На несколько мгновений он замер с веслами в руках, напряженно прислушиваясь к звукам на острове, и аккуратными, но сильными гребками отважно пересек реку, подплыв прямо к месту нового причала лодки № 1.

— Да, так нормально, — сказал он себе.

Место оказалось довольно удобным; его покрывала тень дуба, умудрившегося под сумасшедшим углом вырасти у самой кромки воды, однако не было кустов, ко-

торые бы мешали причалить или издавали бы при этом ненужный шорох. Убедившись еще раз, что на острове полнейшая тишина, Бридон включил фонарь и направил луч в глубь сплетенных ветвей и теней. Затем он перевел его на лодку № 1 и внимательно осмотрел то, что в ней находилось. Ему потребовалось на это совсем немного времени, после чего он вскарабкался на берег и опять выключил фонарь. Месяц тускло освещал уже знакомую ему тропинку, огибавшую остров. За ней наверх вел крутой, но посильный подъем, поросший густым, высотой почти в человеческий рост орляком. В нескольких местах он заметил, что стебли примяты, как будто шел человек. Или косуля? Или одна из тех овец, что время от времени забредали на мост и терялись на острове? Однако даже если тропинка проложена человеком, нет смысла наугад пускаться по ней в неверном лунном свете; ничто не исчезает так стремительно, как тропа в папоротниковых зарослях. Более того, реши он к ней присмотреться, не дай бог его застигнут, и тогда положение может стать щекотливым, а то и опасным. Конечно, вернее отложить изучение тропинки на дневное время. Все факты говорили Бридону о том, что лодка играет важную роль в следующем пункте плана кладоискателей (или заговорщиков, как он теперь был склонен их называть); и практически несомненно, что они намерены перейти к нему под покровом темноты. Полночь уже пробило, они могли появиться в любой момент. Бридон вернулся к реке, умышленно взял не свою лодку — все они на одно лицо — и бесшумно переправился на берег.

Примерно полчаса спустя он подошел к домику садовника, с избыточной предосторожностью открыл дверь и прокрался вверх по лестнице так, как будто был одним из прогульщиков мистера Палтни. Одна ступень «крякнула», как мы говорили в пору ранней юности — всегда найдется такая ступень, — и щелкнувший выключатель дал Бридону понять, что Анджела так и не уснула.

— Майлз, что-нибудь случилось? — тихо спросила она, выйдя к дверям в накинутом кимоно. — Ты ведь не собирался так рано возвращаться.

— Ничего не случилось, более того, у меня такое ощущение, что ничего и не случится. Просто устал торчать на берегу и вернулся домой. Однако ты собиралась спать, как я понял.

— Я и заснула ненадолго, но потом проснулась и не могла снова уснуть, честное слово, не могла. Понимаешь, я знала, что ты, возвращаясь, поднимешь страшный шум, и все ждала, когда послышится тяжелая поступь моей судьбы, твоя поступь, Майлз. У тебя совсем мокрые волосы. Ты что, свалился в реку?

— О, просто искупался. Обожаю купание при луне. Одежда не намокла, если тебя тревожит именно это.

— Безмозглый ты человек, ведь страшно холодно.

— Прохладно. Но коли уж ты не спишь, почему бы нам не выпить виски, чтобы избежать неприятных случайностей. Отличное было купание, вполне осмотрительное, уверяю тебя. И ради бога не ворчи, не то разбудишь Палтни, а он заслужил свой сон.

— У Эдварда чистая совесть, так что, полагаю, он спит как младенец. Секунду, я включу примус... Интересно, почему ты все-таки решил искупаться? — не унималась Анджела, когда они устроились в гостиной. — Ты плавал на остров?

— Признаюсь. Если честно, хотел немного осмотреться. Но переплыл я на лодке. И вернулся на лодке. Ты забыла, у Палтни ведь тоже есть лодка. А идея искупаться осенила меня уже потом, и, поверь, в этом не было никакой необходимости.

— Ладно, знаю я, когда ты принимаешься играть в молчанку. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Почему ты решил, что ничего не случится?

— Я только сказал, что у меня такое ощущение. Но в любом случае если кто-то и воспользуется лодкой, то не для того, чтобы переправиться на берег, уверен. Понима-

ешь, если кто-то с острова — в единственном или множественном числе — захочет потихоньку улизнуть, то двинется не по этому берегу, где тебе, мне, Макбрейнам и всем остальным прекрасно известно это единственное лицо или эти множественные лица. Они пойдут другим берегом, огибающим южную оконечность острова, по дороге, ведущей от Глендауни к Замку Грёз, где в любом путнике предполагают незнакомца. Но, должен тебе сказать, я горжусь сэром Чарлзом, он поставил там двух сторожей, один из них на мотоцикле на случай погони.

— Как удачно сошлись звезды, — сказала Анджела, поджав ноги и уютно устроившись в кресле. — Надеюсь, Майлз, ты все это не навоображал себе? Ты ведь у меня питаешь некоторую слабость к сенсациям. В конце концов, Летеби и Хендерсон преспокойно нашли свой клад. Почему бы им, как воспитанным мальчикам, не показать его славному мистеру Добби, не взять свою долю и жить себе поживать? Зачем затевать какие-то плутни, скажи на милость?

— Я бы полнее ответил тебе на этот вопрос, если бы посвятил свою жизнь изучению рынка подержанных драгоценностей. Но мое совершенно дилетантское мнение заключается в том, что выкопанный ими сундук не то чтобы немереное богатство, и, если больше принц Чарли ничего им не оставил, то вряд ли они испытывают по отношению к нему сердечную благодарность. Но вот если Хендерсон удерет с добычей, они могут получить от «Бесподобной» десять тысяч чистого дохода, а это уже что-то. А ведь государству тоже причитается то, что они вчера вытащили на божий свет, по крайней мере, я полагаю, что причитается, а это минус. То, что останется, будет поделено пополам между ними и сэром Чарлзом. Разве это сравнится с десятью тысячами, с которыми можно развернуться вовсю? По моим прикидкам, в случае предъявления находки они должны быть счастливы, если урвут пять. Поставь себя на их место, заодно представь, что у тебя более эластичная совесть, чем она самом деле, — неужто ты не под-

дашься искушению подоить Компанию? Все считают, что страхование — это честный бизнес. Я бы потерял работу, если бы было иначе.

— Хорошо, не будем об этом. Только я не собираюсь ставить себя на их место, слишком хочу спать. Но ты, Майлз, поставь себя на их место и, будь так любезен, скажи мне, что бы сделал ты. Вот Хендерсон улепетывает, прихватив сундук, — и как он поступит? Это ведь не так просто.

— Ну, я бы исходил из довольно очевидного мошеннического трюка. Беда только в том, что такие трюки не работают по схеме. Мошенник может быть глупее, чем ты думаешь, или умнее, или его план где-то дал сбой, или происходит нечто совершенно иное, нежели он предполагал. В общем, я могу себе представить, что Летеби примет какой-нибудь дурман и отключится на ночь, развязав Хендерсону руки. Он, конечно, может сделать вид, что его якобы заперли или связали — вот, дескать, почему Хендерсон смог уйти. Но сильное снадобье проще всего — никто не докажет, что он принял его добровольно. Летеби тем самым самоустраняется. После чего Хендерсон уходит, возможно, переодевшись шофером. Должен признаться, про шофера я пока ничего не понимаю. Осмелюсь предположить, он дунет на машине в сторону Глазго по западному берегу. Хотя я бы на его месте поехал поездом от Инвернесса; его здесь не знают, а в эту пору там столько народу, что затеряться в толпе совсем несложно.

— Но ведь у него такой запоминающийся багаж, или нет?

— Неужели ты думаешь, что Летеби даст ему уйти с находкой? Он, может, и идиот, но если бы я имел дело с мистером Хендерсоном, то доверял бы ему ровно до тех пор, пока он у меня на глазах. Нет, я бы настаивал на том, чтобы перепрятать клад — не на острове, конечно, — а затем я бы с места не сдвинулся и следил, как бы Хендерсон за ним не вернулся.

— Но ведь Летеби получит деньги от Компании.

— Если все пойдет хорошо, получит. Но если «Бесподобная» возьмется за дело всерьез и докажет проявленную им халатность или еще что-нибудь, он вполне может оказаться в дураках. Хотя если Хендерсон все-таки прихватит с собой добычу, то, ручаюсь, он сядет за руль. Носильщики запоминают тяжелую поклажу лучше, чем пассажиров. И тем не менее, Анджела, все это сплошное гадание на кофейной гуще, к тому же при условии, что ситуация крайне проста. А я отнюдь не уверен, что она так уж проста.

— А знаешь, все-таки интересно — ну это твое ощущение, что сегодня ничего не случится.

— Да? И почему же?

— Потому что мне сильно сдается, что дом на острове Эрран в эту самую минуту как раз уничтожает огонь.

Глава 8

ЧЕЛОВЕК В ГАРАЖЕ

Огонь красив всегда, даже когда выходит из-под нашего контроля и лишний раз демонстрирует свою природу — врага рода человеческого. Бридон бежал по аллее, в голове у него стучали тревожные, нехорошие мысли, и тем не менее он был поражен силой пламени, отблесками наверху, впереди, странно контрастирующими с мраком и бледным лунным светом позади и внизу. Клочки дурацкой песни, которую память вынесла на поверхность несколько часов назад, не имели никакой связи с происходящим, давая понять, что необходимость внезапной мускульной активности полностью парализовала мыслительный процесс.

Он взял и бросил там меня.
О, я была в отчаяньи,
А он вдруг написал письмо...*

* Песня «Жду тебя у храма» (1906) Г. Петера и Ф. Ли.

Не то что Бридон потерял голову: миссис Макбрейн уже звонила пожарным, вот-вот придут на помощь ее муж и мистер Палтни; Анджела метнулась набросить какую-то одежду.

Подъездная аллея была пуста, дом погружен в безмолвие. Бридон понял, что первое впечатление оказалось ошибочным; огонь пылал не в доме, а в задней постройке, хотя на опасном, очень опасном расстоянии от ветвей стоявшей неподалеку лиственницы, так что мог легко перекинуться и превратить весь густо поросший лесом остров в гремучий костер. Бридон, недолго думая, обежал дом и увидел, что пламя вырывается из гаража, того самого гаража, где должен был поселиться загадочный шофер. Сыщику оставалось только надеяться, что до этого не дошло; одного взгляда на гараж было достаточно, чтобы понять: деревянную постройку не отстоять; дверь заперта, не оставалось ни малейшей надежды спасти кого-либо — если там кто-то был и не успел спастись сам. Дому угрожала очевидная опасность, и Бридон, не узнавая собственного голоса, ринулся к нему с криками «Пожар!».

Он распахивал все двери по очереди, сначала на первом этаже, затем на втором — как же петляют эти коридорчики! — но дом казался таким же пустым, как и аллея. Включив свет в довольно просторной спальне, Бридон увидел Летеби. Тот, полностью одетый, в полузабытьи лежал на кровати. Сыщик попытался разбудить его, но отупевший взгляд, каким хозяин комнаты смотрел по сторонам, в сочетании с его манерой отвечать на вопросы, убедили Бридона в том, что он не очень-то преуспел. Летеби явно находился под воздействием какого-то наркотического средства.

Гараж? Нет, в гараже никого нет. Шофер? О, он уехал. Хендерсон, должно быть, спит за стенкой. Они засиделись, и Летеби первым пошел спать; надо срочно найти Хендерсона; будет ужасно, если с ним что-нибудь случится. Ему бы глоток воды; в горле пересохло. Господи, целую вечность не было такого похмелья. Хендерсон — на-

до найти Хендерсона. Вот как, он не дошел до кровати? Может, работал в гараже? Ах, вы там никого не видели?

Бридон с Летеби обошли дом, причем Летеби все время кричал «Хендерсон!», правда, довольно слабым голосом.

К этому времени подоспела вся компания, причем не только из домика садовника. Спасатели начали прибывать отовсюду. Трудно было поверить, что столь пустынная местность посреди ночи может собрать такую армию посетителей. Усадьба Стратдауни явилась на двух автомобилях, и мускулистые мужчины в свитерах давали друг другу толковые указания. Среди тех, кто прибыл позже, были сэр Чарлз Эрдри и пастор из Глендауни. Как впоследствии выразилась Анджела, такое количество влиятельных персон можно встретить только на благотворительной ярмарке. Общее дело, как обычно бывает, способствовало тому, что совершенно незнакомые люди обращались друг к другу, как давние друзья. Однако представительное и слаженное сообщество не произвело ни малейшего впечатления на огонь, пожиравший гараж. Запертую дверь взломали, но пламя и дым не оставляли никакой возможности хоть что-нибудь спасти. В гараже не оказалось канистр с бензином, они обнаружились в сарайчике неподалеку. Когда распространилась новость, что в момент возгорания гараж был пуст, или вроде бы пуст, даже самые энергичные члены спасательной команды отказались от попыток проникнуть внутрь и довольствовались тем, что принялись распылять химические средства по дощатому покрытию крыши дома, которую частично уже охватило пламя, и забрались на лестницу, чтобы обрубить ветви лиственницы, находившейся в непосредственной близости от огня.

Наконец, как ей и положено, прибыла пожарная бригада; шланг оказался недостаточной длины, чтобы дотянуться до реки — ближайшего источника воды, но пожарные вырубили довольно большой участок крыши дома, а гаражу предоставили рухнуть самостоятельно. При первой же возможности, даже чуть раньше, чем было без-

опасно, несколько пожарных принялись обследовать пожарище. Один из них подошел к сэру Чарлзу, который помогал руководить операцией, и тихо, но так, что Бридон услышал, сказал:

— Простите меня, сэр Чарлз, но там тело.

— Что?! Там все-таки кто-то был? Эх, бедняга, бедняга. Сержант здесь? Ему надо посмотреть. Накройте, пока женщины не увидели. Можно опознать?

— Едва ли, сэр Чарлз. Тело находилось в самом эпицентре пламени, остались одни кости. Мне сказать этому джентльмену?

— Попросите его подойти сюда, я сообщу. Мистер Бридон, — добавил Эрдри, когда пожарный отошел выполнить указание, — какое несчастье. Понимаете, на острове находились только эти двое. Ведь существует вероятность, что тут не все чисто? Учитывая шумиху, которую газеты подняли вокруг этого дела, власти едва ли могут позволить себе обойтись без расследования. Как вы думаете, посоветовать юному Летеби держать язык за зубами и покамест никуда не уезжать? Лично я не испытываю огромной симпатии к таким, как он, но мне жаль, что член этого семейства попал в беду, если ее можно было избежать.

— Это самое лучшее, что можно сделать, сэр Чарлз. А вот и он. С вашего позволения, я предложу людям разойтись. А сам бы предпочел вернуться к себе и выпить пару глотков. После такой работки ужасно хочется пить.

Гости разъехались, бочонок эля, припасенный Бридоном, в ответ на постукивание гудел гулкой пустотой. Анджела — скорее неохотно — отправилась спать, а мистер Палтни с непостижимым хладнокровием, продемонстрированным им уже в Чилторпе, вернулся к раннему колдовству речной рыбалки. И тут на пороге появился сэр Чарлз, заявив, что ему необходимо перемолвиться с Бридоном, поскольку, как он выразился, «есть вещи, которые знаем мы с вами и не знает публика, а потому надо попытаться сложить два и два».

— Начать придется с одной странности. Вы, наверно, думаете, что юный Летеби хочет как можно скорее убраться подобру-поздорову, а не торчать здесь в одиночестве? Должен вам признаться, я настойчиво приглашал его перебраться в Замок Грёз, но он тепло поблагодарил меня и сказал, что в настоящий момент, пока дело не прояснится, предпочитает оставаться на острове, он-де сможет за себя постоять. Я не удивлюсь, если он окажется довольно бессердечным малым, и не стану утверждать, что с Хендерсоном — даже в лучшие времена — его связывали узы преданной любви. Правда, я полагал, в любом из нас сохраняется определенная доля суеверия, заставляющая после прискорбных событий оставлять печальное место.

— Но вы же знаете — клад, — возразил Бридон. — Опыт у меня небогатый, однако могу себе представить, что инстинкт человека, только что нашедшего клад, уподобляет его собаке над костью: необходимо охранять ее самолично и рычать на всех, кто вздумает приблизиться; пусть держатся на расстоянии. Вы, случайно, не просили его показать вам обретенные сокровища?

— Нет. Конечно, мне несколько любопытно, но вряд ли прилично выказывать интерес к сокровищам в такую минуту. Однако, коли уж мы коснулись этого предмета, могу я задать вам вопрос, мистер Бридон? Как вам показалось, клад обладает значительной ценностью?

— Тут я особых надежд не питаю. Тридцать-сорок безделушек, может, чуть больше, камни и металл не производят серьезного впечатления. Да, кое-что может являться редкостью, но я понятия не имею, какую цену можно выручить за подобный товар на рынке. Если переплавить, не думаю, что наскребется много. Правда, скорее всего с учетом древности выйдет больше.

— Ладно, сегодня утром подъедет Добби, так что вопрос скоро прояснится. Добби очень аккуратный человек и очень знающий. А теперь, мистер Бридон, я хотел бы услышать ваше мнение. Как вы думаете, существует связь между вчерашней находкой и тем, что произошло сегодня

ночью? У меня был Маклин — священник из Глендауни. Возможно, вы его знаете. Весьма образованный человек, но ужасно говорливый. Он пришел сказать, что на любого, кто коснется клада, падет проклятие, и поведал также, что, повстречав несколько дней назад Летеби и Хендерсона, предупредил их об этом. Удивительно, подобные суеверия не выводятся из наших мест. Я его, разумеется, выпроводил, но мне хотелось бы знать: может быть, находка сокровищ и исчезновение Хендерсона все-таки както связаны, самым обычным образом, в виде физической причины и следствия?

— Видите ли, сэр Чарлз, если бы Хендерсон просто исчез, я бы ответил вам, не медля ни секунды — ну то есть если бы вместе с ним исчез клад. Тогда я бы сказал, что связь довольно очевидна и почти несомненна.

— Вы хотите сказать, что они сговорились против Компании и Летеби позволил Хендерсону уйти, чтобы потребовать страховую выплату?

— Возможно, и так, но не забывайте, нам очень мало известно о подвигах Хендерсона, и я бы не сильно удивился, если бы он провалился сквозь землю вместе с сокровищами, вполне по-честному предоставив Летеби по мере сил решать вопросы с вами и с Компанией. Правда, против этого говорит трудность, с которой он столкнулся бы, пытаясь распродать находку. Обычные скупщики краденого не имеют ни малейшего представления о ценах, которыми оперируют коллекционеры.

— И все-таки подозрительно. Но Хендерсон погиб, а Летеби, если говорить о чаемой им прибыли, ровно на том же месте.

— Да, тут загадка. Видите ли, предполагая, что Хендерсон мертв... А кстати, существует вероятность это доказать?

— Ни малейшей. Как вы понимаете, трудно вообразить, что у Хендерсона в этих краях родня, но даже если бы удалось найти его добрых знакомцев в доминионах, чрезвычайно дорогое удовольствие везти их сюда, чтобы

идентифицировать останки. Тело сгорело полностью, от одежды осталось лишь несколько пуговиц, которые мало что доказывают. Врач утверждает, что это тело мужчины, сложением несколько похожего на Хендерсона, однако это все.

— Хорошо, допустим, погиб Хендерсон. Это автоматически лишает Летеби надежды хоть на какие-то выплаты со стороны «Бесподобной». Мертвые не воруют, а он застрахован от мошенничества именно Хендерсона, не просто от мошенничества как такового. Следовательно, если клад исчезнет, или уже исчез, Летеби ничего не может требовать, не воскресив компаньона. Так что вряд ли его убил Летеби. Кроме того, было бы страшно неосторожно совершать убийство сразу после находки клада — два события с неизбежностью связали бы. Далее, если принять эту версию, посмотрите, с какой небрежностью совершено преступление: два человека на острове, один сгорает в гараже, дверь которого заперта, а ключ потом так и не находят.

— Верно, ключа нет и в помине. По словам Летеби, он даже не знал, что гараж запирается. В том, что дверь была заперта, сомнений нет? Может, ее просто заклинило от высокой температуры?

— Нет, могу поклясться, она была заперта. Я сам, как только смог подобраться, при свете фонаря осмотрел то, что осталось от двери; щеколда замка была полностью выдвинута. Я не говорил со следователем, но уверен, у него не возникнет сомнений, что тут дело нечисто — хотя бы из-за ключа. Принадлежат ли обгорелые останки Хендерсону или кому-то еще, погибший не мог сам повернуть ключ в замке; его заперли снаружи, а это уже многовато; трудно поверить, что кто-то проделал это случайно. Кстати, вы знаете, в каком положении было найдено тело? Можно прийти к выводу, что несчастный пытался выбраться из гаража?

— Тело было обнаружено недалеко от входа, человек лежал ничком. По мнению врача, помещение было силь-

но задымлено, и бедняга, видимо, решил на животе подползти к двери, к источнику воздуха.

— И, полагаю, врач не обнаружил следов повреждений, как если бы несчастный был сначала убит, а уж потом сожжен? Обычно это самый надежный способ избавиться от человека.

— Ничего такого. Правда, отравление или удушение не оставили бы следов на сожженном дотла теле. Но врач — надо сказать, этот Моффет довольно бесчувственный тип, — так вот, по его словам, его бы не удивило, если бы оказалось, что тело и доски гаража полили бензином. А это, несомненно, указывало бы на то, что дело нечисто; в гараже вообще не было бензина, а автомобиль, как вы знаете, стоял на улице.

— А шофера, похоже, корова языком слизала. Вы им не интересовались? Знаете, если единственный потенциальный свидетель отсутствует, то все, что произошло сегодня ночью, совсем нехорошо.

— Конечно, я спрашивал, поскольку остается возможность, что найденное тело принадлежит как раз шоферу. Но Летеби сказал, что они отправили его восвояси, как только устроились на острове; не хотели, дескать, чтобы на острове ошивался еще кто-то, а вдруг окажется ворюгой.

— Значит, он уехал домой. Тогда понадобится его адрес. Вы, конечно, об этом не спрашивали, а вот я спрошу. Чуть ли не первым делом, добудившись Летеби, я задал ему вопрос о шофере — разумеется, поскольку исходил из того, что в гараже именно он. И мне показалось, Летеби несколько смутился, хотя, конечно, нельзя исключать воздействие наркотиков; он был совершенно не в себе. Но если он солгал, вполне возможно, в гараже погиб шофер, а Хендерсон ушел — с сокровищами или без оных.

— Господи боже мой, вы хотите сказать, зря мы не проверили, на острове ли еще клад?

— Боюсь, что уже нет. Меня на это не хватило. Наверно, я не гожусь для того, чтобы сторожить чужое имуще-

ство. Мне нужно было первым делом подумать о сокровищах, когда я бежал к дому. Но верх взяли дурацкие условности, согласно которым важнее выяснить, не горит ли кто-то заживо у тебя под носом. Ну или уже не сгорел. Потомто я вспомнил, но Летеби к тому времени маячил у всех на виду и ничего не мог сделать с кладом. Если сокровища умыкнули раньше, гнаться за ними было, разумеется, уже поздно. Знаете, думаю, полиции стоит распространить описание Хендерсона, вдруг он где-нибудь всплывет.

— Ловок он, однако, если сумел улизнуть. Вы ведь помните, я поставил на дороге, ведущей к Глендауни, двух человек, и оба, когда возник пожар, были на посту. Один остался наблюдать, а второй на мотоцикле поспешил на помощь. Я говорил с ними, оба утверждают, что на тот берег никто не переправлялся, они вообще никого не видели на острове. А если бы что-то произошло на этом берегу, думаю, в такую беспокойную ночь вы, или ваша супруга, или мистер Памфри — Палтни, простите ради бога, конечно, Палтни — заметили бы. Что ж, скоро мы узнаем, на месте ли клад. А там подъедет Добби, прежде пытаться что-либо выяснять бесполезно.

В гостиную вошла Анджела, вид у нее был такой, как будто она мирно проспала восемь часов, а не провела почти всю ночь на ногах.

— Доброе утро, сэр Чарлз, — сказала она. — Мы с миссис Макбрейн приготовили вам завтрак. Хотя, боюсь, готовила я, и ради бога, не спрашивайте, яичницу или омлет; яйца так и не смогли определиться в этом вопросе. Миссис Макбрейн пошла на остров, исполненная решимости как-то обустроить жизнь мистера Летеби. По ее словам, ей непереносима мысль о том, что несчастный джентльмен совсем один и никто-то за ним не поухаживает. Ангел, а не женщина.

За завтраком — Палтни еще не показывался — разговор, разумеется, зашел о ночных событиях.

— За активность ставлю усадьбе Стратдауни пятерку, — объявила Анджела. — Они лазили по деревьям и

валили друг другу на головы ветки десяти футов длиной, приговаривая: «Простите, старина дровосек» — как будто это им пришло в голову устроить восхитительный вечер. А леди Гермия была? Я ее не заметила.

— Еще как была, — ответил Майлз. — Я видел, как она выходила из первой же машины, но не знаю, чем занималась потом. Мы перекинулись с ней лишь парой слов, леди Гермия сказала, что такие катаклизмы раскрывают человека с самой лучшей стороны, затем, к счастью, мой взгляд упал на огнетушитель, и я отошел.

Анджела скроила мужу едва заметную мину, она сомневалась, что сэр Чарлз оценит такую непочтительность по отношению к своим постояльцам, и сменила тему:

— Жалею, что не заключила с вами давеча пари. Уверена, клад вообще не найдут. Полагаю, вы, как вступили во владение собственностью, не занимались поисками сокровищ?

— Нет, должен признаться, никогда не придавал этим разговорам особого значения. То, как описал мне клад мистер Бридон, должно составлять лишь малую его часть — если верить местному преданию. Но слава богу — как будто выдрали больной зуб. Больше у нас не будет из-за него неприятностей. О, в воскресенье с удовольствием послушаю Маклина. Он великолепен, грозя проклятиями богачам. Потом его взгляд падает на меня, и он начинает говорить о великих богачах. В это воскресенье у нашего Маклина будет праздник.

— Идите, я вас догоню, — сказал Бридон, когда они после завтрака вышли на улицу. — Мне нужно послать телеграмму. Все в порядке, — ответил он на немой вопрос Анджелы, — это про скачки.

Они медленно шли по берегу, разыскивая мистера Палтни, чтобы напомнить ему о чувстве голода. Едва завидев его, Анджела воскликнула:

— Что там делает Эдвард? Он ведь зовет нас, правда?

Сэр Чарлз интерпретировал мизансцену как более опытный наблюдатель:

— Он поймал рыбу. От всей души желаю, чтобы ему что-то попалось. Река в этом году плохая, так трудно было зазывать людей на рыбалку. Не торопитесь, миссис Бридон; похоже, мистеру Палтни требуется еще некоторое время, прежде чем он сможет предъявить нам добычу.

Нет нужды описывать крайнее напряжение последующих двадцати минут. Сначала все пристально всматривались, стремясь разглядеть вытянутую леску и призывая всю силу веры, пытаясь убедить себя, что она вошла в контакт с некой подводной сущностью; время от времени отдаленный всплеск на воде предоставлял наглядное доказательство разворачивающегося конфликта. Мистер Палтни замер, не замечая устремленных на него взглядов, не отдавая себе отчета в том, какие гримасы корчит. Нет нужды также говорить, что, когда рыбак подтянул жертву поближе, трое наблюдателей на берегу невольно встрепенулись, как афинские войска у Сиракуз*. Наконец наступила решающая минута. Палтни сперва выдернул пустые сети, затем еще раз опустил их в воду, и все стали свидетелями торжественного момента — в сетях извивалась блестящая чешуя.

— Крупная! — крикнул сэр Чарлз. — Я сразу понял, что крупная. Фунтов тридцать, а, Энгес?

— О, никак не меньше, сэр Чарлз.

Пастор подошел, когда рыбина уже беспомощно трепыхалась на жесткой прибрежной траве. Под градом сыплющихся на него поздравлений мистер Палтни смущенно сиял от удовольствия.

— Сколько живу на свете, — сказал он, вылезая из лодки, — никогда не думал, что можно держать рыбу на леске столько времени, ни разу не ругнувшись. Но это чувство слишком глубоко для ругани, как, впрочем, и для молитвы. Дополнительное удовольствие, миссис Бридон, бросить боевой трофей к вашим ногам.

---

* Имеется в виду поход афинян на Сицилию в ходе Пелопонесской войны (415—413 гг. до н. э.).

— Мистер Палтни, — отозвалась Анджела, — я вовсе не хочу... Боже, это что, машина?

С острова послышались звуки, которые ни с чем нельзя было спутать: переключили сцепление. Бридон метнулся стрелой — увы, он понял, что бит, прежде чем добежал до моста. Когда к нему подошел сэр Чарлз, лицо сыщика пылало от бега и стыда.

— Боюсь, это не кто иной, как Летеби, — пробормотал он. — Не возражаете, сэр Чарлз, если мы заглянем в дом? Миссис Макбрейн, пожалуй, еще там, может, она что-нибудь нам расскажет. Я круглый идиот, что не следил за ним.

— Успокойтесь и не казните себя, мистер Бридон. Что вы могли поделать, если были здесь и видели, как он уезжает? Давайте зайдем в дом, обсудим, что он мог задумать, и посмотрим, сколько сокровищ он нам оставил.

Миссис Макбрейн встретила их у порога. Широко улыбаясь, она вытирала руки о фартук.

— Я пожарила ему яйцо с ломтиком бекона, — начала хозяйка, — и заставила съесть. Бедняжка, у него во рту маковой росинки не было со всех этих событий. О, вы к нему, сэр Чарлз? Экая незадача, только что уехал. Нет, понятия не имею, как надолго. Только сказал, что едет в Мортон, сэр Чарлз. — Это была усадьба Летеби в Пертшире. — Нет, ничего не взял, так что вряд ли надолго. Может, хотите пройти посмотреть, не оставил ли он записки или еще чего? Я иду к себе, сэр, — обернулась она к Бридону, — просто помыла тут посуду и немного прибралась.

— Очень мило с вашей стороны, миссис Макбрейн, — ответил Бридон. — Но, пожалуй, лучше оставить все, как есть. Вы согласны, сэр Чарлз? Полиция может захотеть тут осмотреться, выясняя, как произошло несчастье.

Не представлялось возможным даже намекнуть такой доброй душе, как миссис Макбрейн, что в доме, возможно, творятся грязные дела.

— Вы правы, мистер Бридон, наверно, не стоит пока ничего здесь трогать. Тихо, по аллее едет машина. Ведь не мог Летеби так быстро вернуться.

Это и в самом деле был не Летеби, не его роскошный автомобиль, а лишь малюсенькая таратайка, из которой вылез опрятный торговец с седыми усами. Он подошел к компании с видом человека, которого ждут.

— Ба-а, да это мистер Добби, — воскликнул сэр Чарлз. — Мы не ждали вас так рано. Заходите, мистер Добби, посмотрим, что вчера нашли, если оно еще тут. Видите ли, господа как раз отлучились. Осмелюсь предположить, вы слышали о страшном несчастье, что приключилось сегодня ночью. Сгорел гараж, и, похоже, в нем находился один из джентльменов. Но если сундук не заперт, мы продемонстрируем то, что имеет к вам непосредственное отношение.

И сэр Чарлз провел посетителя в гостиную. Кожаный сундук стоял там же, куда его поставили накануне вечером; со стола, на котором раскладывали сокровища, вполне естественно, все было убрано. Мистер Добби, не самый впечатлительный человек, склонив голову набок, восхитился самому сундуку, сказав: «Прекрасная работа, если бы только за ним получше ухаживали». Сундук и впрямь нелишне было немного почистить. Затем оценщик быстро сделал шаг вперед и открыл крышку. Под ней не оказалось решительно ничего.

Глава 9

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕРНОНА ЛЕТЕБИ

Бридон был один в доме и предположительно один на всем острове. Мистер Добби, которого выдернули из Инвернесса попусту, проявил удивительную терпимость.

— О, ничего страшного; мне только жаль, что я не смог оказаться полезным. Ну, такого добра бродит нема-

ло, но я бы не сказал, что оно вообще не обладает ценностью, — было его невразумительное, вполне в местном духе, суждение относительно возможной стоимости сокровищ, едва ли достоверно описанных ему по памяти. — Да, в лучшие времена за подобное можно было выручить приличные деньги, однако уже давно такой товар очень редко меняет владельцев... — И так далее.

Затем, поскольку даже житель Высокогорья в конце концов припоминает, что у него дома дела, мистер Добби откланялся; и сэр Чарлз, пожаловавшись, что почти всю ночь не спал и слишком стар для подобных игрищ, заявил о своем намерении вернуться в Замок Грёз. Он, однако, обещал дать указание своим людям звать его немедленно, как только он понадобится мистеру Бридону, «если, к примеру, вернется юный Летеби и вам захочется, чтобы я присутствовал при возможном с ним разговоре».

— О да, мне наверняка захочется с ним поговорить, — сухо заметил Бридон. — А знаете, мне вот что подумалось, я ведь могу пока осмотреть дом, вдруг какая-нибудь подробность поможет понять, что случилось прошлой ночью или сегодня утром. Надеюсь, вы не возражаете, сэр Чарлз? Хотя возражать, собственно, должен не владелец, а жильцы, но, думаю, коли мы имеем дело с мистером Летеби, особая учтивость не требуется. Я, разумеется, оставлю все в прежнем виде, поскольку полиция тоже может захотеть тут нюхнуть.

— Со своей стороны могу сказать: делайте все, что вам заблагорассудится, — ответил сэр Чарлз. — Что бы тут ни произошло, с нами поступили не самым порядочным образом, и мы едва ли обязаны моему жильцу чрезмерной щепетильностью.

Так Бридон остался один. Он было хотел позвать Анджелу — осмотреть комнату женским взглядом, может, что-то отсутствует в гардеробе (любой, сказал он себе, увидит, что находится в гардеробе, однако иногда нужна женщина, чтобы увидеть, чего там нет, а должно быть). Но в атмосфере острова чувствовалась некая угроза, осо-

бенно после ночных событий, и потому, отказавшись от мысли обратиться за помощью к жене, сыщик принялся за дело один, решительно отгоняя неприятное чувство, что он вовсе не один в этом призрачном безмолвии, более того, что за ним чуть ли не наблюдают.

Среди наваленного на столе гостиной хлама обнаружилось лишь одно сравнительно недавнее письмо. Оно было написано аккуратным, хоть и несколько вытянутым в ниточку почерком, как обычно пишут престарелые дамы — несомненно, престарелые, потому что вместо петелек почти везде наблюдались крючочки, как будто отправитель с трудом держал перо.

Мой дорогой Вернон, — начиналось письмо, — *я по пути на север, и, поскольку Логаны принять меня не могут, мне подумалось, если ты не возражаешь, сделать перевалочный пункт в Мортоне. Я, разумеется, в курсе, тебя не будет, поскольку читала в газетах, что ты все еще делаешь из себя посмешище вокруг этой истории с сокровищами. Но за мной присмотрят Томпсоны, а поужинаю я в поезде, так что мне останется только позавтракать. С этой же почтой я отправлю записку миссис Томпсон, что приеду, вероятно, в четверг вечером* (то есть как раз сегодня, сообразил Бридон, сверившись с датой, какой было помечено письмо), *она вольна поселить меня в любой комнате, какую проще приготовить. Я, слава тебе господи, не слишком привередлива в отношении ночлега и вполне могу переночевать в доме одна, если в поместье есть хоть кто-то, чтобы приготовить мне утром чай. Остановлюсь в Лэгги, так что если твой драгоценный друг мистер Хендерсон вовлечет тебя в неприятности, в чем я нисколько не сомневаюсь, то буду недалеко и смогу приехать тебе на выручку.*

Твоя прискорбно долго живущая

тетушка Корнелия

Это казалось довольно правдоподобным; подлинность письма не вызывала подозрений, и вроде бы оно не представляло особой ценности, например, не объясняло вне-

запного отъезда Летеби. Было несложно догадаться, что этой самой преклонных лет леди, собственно, и принадлежал Мортон; несколько строк каракулей очерчивали ее образ, и у Бридона появилось необъяснимое чувство, что он где-то видел эту даму. Сыщик как раз возвращал письмо точно туда, откуда взял, когда заметил на столе блокнот с тонюсенькими страничками в бледную линеечку, из тех, что вы покупаете в канцелярской лавке, когда очень спешите и не привередничаете. Уже неплохо, но имеется ли у Летеби перьевая ручка? Да, правда, автоматическая и, как в большинстве автоматических ручек, в ней кончились чернила, а Летеби не из тех, кто помнит, что время от времени нужно запасаться чернилами. Недалеко от блокнота лежал карандаш; значит, если повезет, на верхнем листочке должен сохраниться довольно хороший оттиск того, что могло быть написано на предыдущем, оторванном.

Мы все невольно содрогаемся, когда неожиданно видим собственное имя. И какие бы оставленные острием карандаша сведения — наполовину сохраненные лишь в оригинале, наполовину явленные в оттиске — сыщик ни ожидал извлечь, он был совершенно не готов к тому, что написанное начнется со слов: «Мой дорогой мистер Бридон». У дорогого мистера Бридона возникло ощущение, будто его застали за подслушиванием. Неужели Летеби предвидел, что Бридон будет осматривать пустой дом, или даже хотел этого и оставил блокнот в качестве обвинительного акта? Вряд ли, по крайней мере, на первый взгляд. Послание уместилось на одном листочке; некоторые пробелы можно было легко восстановить по контексту.

Мой дорогой мистер Бридон, — писал Летеби, — *вынужден просить Вас о довольно необычном одолжении. Дело вот в чем: не могли бы Вы в эти дни присмотреть за моим партнером, Хендерсоном, и дать ему понять, что Вы за ним присматриваете? Боюсь, мысль полностью доверить ему клад не приводит меня в восторг. К сожалению, утрен-*

ним поездом мне нужно ехать в Пертшир, шофера тоже не будет (он там возьмет машину, чтобы мне на ней вернуться). Вы не могли бы предложить ему партию в гольф — Хендерсону, я имею в виду? Если за ним приглядывать, все будет в порядке.

Ваш,
в чрезвычайной спешке,

Вернон Летеби

Торопливо, скорописью переписывая любопытное послание, Бридон насвистывал. Точнее, посланием это назвать нельзя, ибо разве оно было послано? Да, лучше переписать. Если кто-нибудь выдерет листочек, запросто может пропасть. Когда Летеби его написал? Судя по всему, вчера, после того как их представили друг другу, — в противном случае он не стал бы так прямо обращаться к адресату. Но до пожара, несомненно. Отправитель явно собирался не нести письмо на почту, а оставить его прямо в домике садовника по пути на вокзал, но затем в ряде пунктов — например, по вопросу о местонахождении шофера — изменил первоначальный замысел. И, передумав, решил придерживаться прежней версии, уничтожив записку? В комнате стояла корзина для бумаг, и миссис Макбрейн еще не приложила к ней свои чистоплотные руки... Но там не было ничего, писанного рукой Летеби, не было даже похожего листочка. Значит, он уничтожил оригинал. Или сунул в карман. Да, крайне интересно. По-видимому, поездка на юг прошла как по маслу. Непонятно только, каковы на данный момент планы сбежавшего кладоискателя относительно возвращения.

Счета, заинтересовавшие леди Гермию, по-прежнему валялись на столе, но они могли вызвать лишь женское любопытство и едва ли возбуждали подозрения. Очевидно, на время операции Летеби взял на себя роль казначея, но в случае победного исхода расходы предполагалось разделить поровну. Веревка, лопаты и т.п. — полный порядок; ежедневные расходы; он не забыл даже билет Хен-

дерсона на поезд. О, а вот это уже интереснее — автомобиль. Судя по сумме, машину арендовали всего на пару дней. Зачем им понадобилась вторая машина? А вот еще одна несколько загадочная запись, выполненная неудобочитаемым почерком Хендерсона. «Шерстяной», что ли? Тут сумма слишком большая, чтобы объяснить ее расходами на гардероб Копателя. Может, «жестяной»? Или еще что-нибудь в этом роде? Больше из счетов ничего было не выжать. Кто-то, предположительно, Летеби, прошелся по счетам, пометив галочкой каждый, словно одобряя его.

Фотографический снимок карты, который Бридон, разумеется, искал в первую очередь, исчез. Если раньше кто-то хотел, чтобы он попался на глаза случайному посетителю, то теперь этот кто-то переменил свое мнение, по меньшей мере решил, что необходимости в более пристальном его рассмотрении нет. Однако имелись другие карты острова, на некоторых чернилами были нанесены точки и линии. Одна из них создавала впечатление, будто ее в самом деле использовали для определения местоположения клада с учетом сведений, добытых с той, первой, карты. Еще один вещдок, требовавший объяснения, представлял собой карту железной дороги от Инвернесса до Перта; по ней шла тонкая карандашная линия от Инвернесса до Авимора, еще одна — от Авимора до Блэр-Атолла и третья от Блэр-Атолла до Питлохри. Еле заметные линии были дугами перекинуты сбоку от типографской линии, обозначающей железнодорожную ветку, причем концы дуг упирались в указанные населенные пункты. Все это вызывало в воображении обычную сцену. Вот один кладоискатель излагает другому свои соображения по поводу маршрута и для наглядности водит карандашом, останавливаясь в определенных точках. «От Инвернесса до Авимора, — говорит он, — на мелких станциях поезд не останавливается», — или что-то в этом роде. «А между Авимором и Питлохри делает остановку». К сожалению, карта никак не высказывалась по вопросу о том, какой пункт предполагался конечным.

Однако пора было более внимательно присмотреться к комнате в целом — месту, где произошли события минувшей ночи. Общий ее вид не оставлял никаких сомнений: лейтмотив — выпивка. На краю стола, возле удобного стула, стояла кофейная чашка; судя по тому, где и как она стояла, не из тех, что Бридон видел накануне. Ему показалось, осадок имеет очень слабый запах какой-то чужеродной субстанции — еще один аргумент в пользу того, что Летеби был одурманен. А вторая чашка? Не видно. Кофе варил, несомненно, Хендерсон, и сыпануть что-то Летеби — с согласия последнего или без оного — ему было несложно, особенно поскольку сам он кофе не пил. На этом месте почти наверняка сидел Летеби: рядом на полу лежала книга, причем так, словно упала, когда читателя свалил тяжелый сон. Это была писанина для высоколобых, Бридон вспомнил рецензию на нее. Маловероятно, чтобы Хендерсона заинтересовала подобная продукция. Ладно, с кофе все ясно, а это что за стакан? Что за белый осадок на донышке? Нет, похоже, ничего подозрительного: в углу сыщик увидел бутылку известного освежающего безалкогольного напитка, который широко рекламируется для других целей, но главным образом используется юными джентльменами, просыпающимися утром после некоторого «злоупотребления». Похоже, весь виски — а его было немало — выпили за ночь. Но необязательно все вылакал Летеби. От снадобья, если он действительно его принял, у него наверняка пересохло во рту и потянуло на привычную опохмелку. На другом конце стола стоял еще один стакан, из которого пили виски, очевидно, неразбавленный. Ну да, Хендерсон вполне похож на человека, пьющего неразбавленный виски. Сифона Бридон не увидел, а уровень воды, в которой размешивали освежающее безалкогольное, опустился не больше, чем на стакан. Похоже, весь виски уничтожил Хендерсон. А это не так уж и мало, между прочим; кроме предпоследней бутылки сыщик увидел еще бутылку, которую открыли только минувшей ночью: пробку не сняли со штопора, как будто пили

без перерыва, и эта последняя бутылка была пуста. Даже если предположить, что в предпоследней бутылке оставалась всего пара капель, напрашивался вывод: либо Хендерсона ничем не повалить, либо он надрался до бесчувствия. Тут есть о чем подумать. По какому поводу, размышлял Бридон, они так назюзюкались? И каковы были последствия?

С комнатой он вроде покончил, но оставался вопрос, чего в ней нет, а должно быть? Позже Бридон поставил себе плюсик за то, что обратил внимание на важное обстоятельство — отсутствие электричества. Мы так привыкли включать свет и видеть, как загораются лампочки, что даже в самой отдаленной местности не задумываемся, а есть ли тут электричество. Бридон находился в комнате посреди бела дня и лишь по какому-то наитию заметил отсутствие проводов, выключателей и т.п. В доме, вне всяких сомнений, просто не было проведено электричество, здесь пользовались керосиновой лампой, довольно опасной на вид. Десять к одному, что точно такая же лампа имелась и в домике садовника. Однако если так, где же она? Вряд ли ее унесла миссис Макбрейн, которая едва успела приступить к уборке; в любом случае это легко проверить. Вполне возможно, Летеби отправился спать до наступления темноты, на севере вечера длинные. Но едва ли Хендерсон выдоил весь виски при дневном свете, а также в полной темноте, это можно утверждать на все сто. Он не ложился в постель, а значит, не уносил лампу наверх. И в самом деле, в спальне Бридон нашел всего пару свечей. Так где же лампа, которая предположительно стояла на столе молчаливой свидетельницей одинокой оргии?

Беглый осмотр спален не дал ничего интересного; только у Хендерсона Бридон нашел ярко-оранжевую наклейку, ее как будто случайно обнаружили, смяли и бросили в камин, даже не попытавшись припрятать. На ней неестественно крупными буками было написано: «Дж. Хендерсон, пассажир, Авимор — Кингс-Кросс». Напра-

шивался вопрос: почему Хендерсон готовился в любую секунду сорваться и уехать? А также почему он намеревался сесть на поезд в Авиморе, до которого не мог добраться мимо Инвернесса, откуда, собственно, и идет поезд? Правда, странный пункт отправления еще не означал какого-либо злодейства. Иначе почему же наклейку выбросили с такой нарочитой небрежностью? Если только это не часть мошеннического плана. Но, ради всего святого, какой же вывод из всего этого следует? Правда, Бридону не очень понравились огромные, с большим тщанием выведенные чернилами буквы на наклейке. Трудно считать Хендерсона нервозным пассажиром, который трясется, что затеряется багаж.

Настало время перебираться в гараж. Свернув за угол дома, у бокового фасада Бридон натолкнулся еще на коечто, подлежащее запоминанию: возле самой стены, примерно там, куда откатили машину, пока бушевал огонь (он прекрасно помнил место), лежали гаечный ключ, домкрат и другие инструменты из автомобиля Летеби. Если он их оставил, значит, явно не собирался в дальний путь... Правда, есть еще другая возможность. Черт, если бы знать, что он задумал! Ладно, вот гараж. Вряд ли его можно было разрушить основательнее: чердак обвалился и сокрушил все, что могло уцелеть внизу. Существовал, конечно, шанс, что в кармане погибшего обнаружится ключ или еще какая-нибудь металлическая штука, которая поможет его опознать. Например, Хендерсон курил; при нем мог быть металлический портсигар. Рассматривая мелочи, Бридон вдруг сбоку выхватил взглядом странной формы латунный предмет, почти полностью засыпанный пеплом и мусором с чердака. Чтобы расчистить его, потребовалось немного терпения. Да, никаких сомнений, это нижняя часть лампы, точно такой же, какая имелась и в домике садовника.

Бридон испытал огромное облегчение. По роду профессии он часто сталкивался с неприглядными делами, нет-нет да и случающимися на свете, а также с людьми,

для которых приобретение пяти тысяч фунтов важнее обыкновенной порядочности, а порой и человечности вообще. Но несмотря на тесное соприкосновение с мошенничеством, сыщик так и не очерствел; всякий раз, наблюдая гнусность, пусть и восхитительную, он испытывал отвратительный привкус во рту. Примерно восемь последних часов он пребывал в уверенности, что минувшей ночью остров стал местом убийства, возможно, совершенного с патологической жестокостью. Теперь забрезжила надежда, что все-таки можно подыскать более милосердное объяснение. Хендерсон, какие бы преступные намерения ни питал, каковы бы ни были его прегрешения, пал жертвой несчастного случая. Он уже находился в крайне взвинченном состоянии; перспектива головокружительного «подвига» привела его в состояние непривычного возбуждения, и, по свойственной таким людям роковой привычке, он решил поискать ответа на дне бутылки. Шатаясь, но ошибочно полагая, что еще твердо держится на ногах, Копатель направился в гараж сделать последние приготовления и, чтобы не споткнуться, прихватил с собой вот эту довольно опасную керосиновую лампу. Деревянный пол гаража, возможно, уже пропитался разбрызгавшимся бензином и готов был вспыхнуть. Глотнув свежего воздуха, Хендерсон, внезапно отключился и упал; выпавшая из его рук лампа разбилась, и огонь выплеснулся наружу. Хендерсон лежал без сознания и не почувствовал, как начал задыхаться от дыма. Он даже не пошевелился, и адский огонь без труда спалил дотла его безжизненное тело. Несчастный случай, рассуждал Бридон. Посреди всего этого клубка сомнительных намерений — почему бы не простой несчастный случай?

А затем он вспомнил про ключ. Всю ночь, как и пожарные, сыщик изо всех сил искал ключ, которым заперли дверь гаража, однако ни возле тела, ни вообще в гараже так ничего и не нашли. Маловероятно, чтобы погибший заперся в гараже, а ключ положил в карман или в сторонку. Зачем? На острове находилось всего два че-

ловека, и второй в отключке валялся наверху. Зачем прилагать столько усилий, чтобы тебя никто не увидел? Кто-то — и это не был погибший — вынул ключ из замочной скважины, после того как Хендерсон зашел в гараж и прежде чем он, Бридон, подоспел на помощь.

Может быть, ключ где-нибудь в доме? Вряд ли его обитатели до такой степени беспечны, но все-таки стоит еще раз пройтись по комнатам, сосредоточив внимание исключительно на поисках ключа. Бридон повторно обшарил весь дом — безрезультатно. Правда, во время второго осмотра, опять обыскивая комнату Хендерсона, он столкнулся еще с одной загадкой. В одном из двух небольших ящиков шкафа, в куче носков, воротничков, галстуков и носовых платков он обратил внимание на предмет гардероба, который смотрелся здесь вопиющим диссонансом — бабочку из бело-розового атласа на резинке сзади, которую убирают под воротничок. Бридон отложил ее с отвращением, которое подобные изделия вызывают в человеке, чересчур обремененном условностями цивилизации. Какая гадость! Ладно, но подходит ли она к остальному гардеробу Хендерсона? Конечно, в доминионах его величества все возможно, однако, отправляясь в Высокогорье, Хендерсон оделся подобающе; даже, как мы видели, слишком подобающе. Его наряды имели отчетливый болотный привкус, так что птицы, пожалуй, снимались с насиженных мест уже на дальних подступах. Из какой груды поздневикторианского хлама, отказавшись от всех претензий на человеческий облик, даже если они у него когда-то и были, Копатель выкопал этот кошмар?

Пустота необитаемого дома начинала сказываться на нервах Бридона; еще не выветрившийся резкий запах гари погнал его на поиски более чистого воздуха. В конце концов, в свете последних событий нужно оглядеться на острове. Не то что день выдался удачным — на сырую землю наплыл тонкий белый туман, что бывает после жаркого дня и предвещает очередную жару. Однако дело близилось к полудню, и солнце уже должно было бы его ра-

зогнать, заменив прозрачностью, хоть и чуть подернутой дымкой. Но на острове Эрран не действуют метеорологические законы. Вы могли сколько угодно говорить себе, что солнце высоко в небе, но свет его рассеивался в батистовом одеяле хмари, цепляющемся за деревья и оседающем в прогалинах. Видимость простиралась не больше чем на двадцать ярдов. Кусты, трава были еще затянуты путаными узорами паутины, как будто над ними всю ночь напролет трудились мириады паучков. Воздух напитался сыростью, поднимавшейся с чавкающей под ногами земли. Бридон пошел по тропинке, недалеко от дома начинавшейся и углублявшейся в лес, и сразу почувствовал, что таинственность сгустилась ровно вдвое. Лес будто предвещал мистические встречи.

И помнит все шаги трава,
И вещи мерно входят в сон*.

Более чем когда-либо он нуждался в спутнике и решительнее, чем когда-либо, отбросил мысль пригласить обычную свою спутницу. Ни к селу ни к городу в памяти вдруг всплыли неприятно саданувшие слова, ненароком оброненные сэром Чарлзом. Пастор Маклин — так, кажется, его зовут — все твердил о предании, согласно которому на того, кто найдет клад, падет проклятие. Если вы подвержены суевериям, то беда, приключившаяся сразу после обнаружения клада в скале, была, несомненно, рассчитана на то, чтобы их подкрепить. Интересно, думал Бридон, а это проклятие — что-то вроде приговора отдельному человеку? Если совершено надругательство, оно вызывает последствия автоматически, повинуясь какому-то абстрактному закону наподобие законов природы? Или имеется в виду, что высвобождается некая таинственная сила, до тех пор как бы запертая, но кото-

---

* Строки из стихотворения английского поэта, переводчика, художника Д. Г. Россетти (1828—1882) «Портрет». Пер. В. Некляева.

рая отныне может беспрепятственно разгуливать по подчиненной ей территории? В таком случае вы — если вы, конечно, суеверны — без труда вообразите, что за этой завесой тумана, в этом густом кусте рододендрона, в буйных зарослях папоротника, в тени чахлого дуба и разросшихся сосен таится некая злобная стихия. Услышите треск сучьев, будто кто-то на них наступил. Вот вздохнула болотистая почва — это вы оступились или кто-то еще?

А если вы не суеверны? Беда в том, что странные звуки все равно будут сопровождать вас и требовать естественного объяснения, которое едва ли вас успокоит. Почему же на этом прокля́том, если не про́клятом, острове все время кажется, будто за вами кто-то наблюдает? Словно любопытство пришельца оскорбляет того, кто пытается утаить от вас некий секрет. А всего хуже, что если за нежелательным гостем действительно следят, то соглядатай, скорее всего, знает, что делать, а вы нет.

Тропинка, по которой двинулся Бридон, шла до вершины холма и выходила на открытую поляну, где и пропадала. Бревна, переброшенные через мелкий ручей, пролом в стене орляка говорили о том, что она имеет продолжение, но найти ее было бы трудно даже при ясной погоде, в тумане же просто невозможно. Опасность всерьез заблудиться на небольшом острове вам не грозила. Идя вниз, вы довольно скоро оказывались на берегу. Но поскольку путника не покидало чувство, что его здесь не ждут, отсутствие каких бы то ни было примет и указателей порождало беспокойство. Вот в двух шагах выпорхнула птичка, и сердце застучало молотом.

Бридон никогда не считал себя человеком с богатым воображением и уж тем более с психическими отклонениями. Он был привычен к умеренно опасным ситуациям и гордился тем, что умеет выходить из них, не поддаваясь воображаемым страхам. Но сочетание тишины и таинственности, спайка одиночества с пугающей мыслью, что он тут не один, подтачивали решимость. Попытавшись сначала убедить себя, что ему просто надоело, но затем

с возмущавшей душу честностью признав, что он напуган, сыщик вернулся тем же путем, радуясь собственным следам в слякоти, как будто это живые существа. Он счел ниже своего достоинства торопиться, но поразился, увидев, как мало прошел — минут через десять Бридон ощутил под ногами жесткий гравий подъездной аллеи. Вернуться к себе? Нет, уязвленное самолюбие не позволяло ему бояться по крайней мере дома на острове, хотя он был деморализован собственным испугом и ему начало казаться, что даже в доме кто-то есть. Подавив тревогу, он решительно распахнул дверь и прошел в гостиную. В большом удобном кресле, как у себя дома, сидел пастор из Глендауни.

Глава 10

ПРОКЛЯТИЕ ДЭВИДА ХЭБИНГТОНА

Если Бридон наелся одиночества, то мистер Маклин, по всей вероятности, постоянно пребывал в означенном состоянии, ибо не упускал возможности завязать разговор, когда ему подворачивалась хоть какая-то аудитория.

— Входите же, сэр, — тотчас начал он, — хотя не знаю, имеем ли мы с вами право друг друга сюда приглашать. Но открытая входная дверь и отсутствие слуг означает, что зайти может кто угодно, так что мистеру Летеби, когда он вернется, придется смириться с нашим обществом. Считаю своим долгом сообщить вам, я пришел лишь для того, чтобы по мере скромных сил утешить его в потере друга. Видите ли, мне неизвестно, каких взглядов придерживается мистер Летеби, но у него горе, и существует такая вещь, как уместное слово, не правда ли? Я решил, мой визит не причинит никакого вреда. Вы, насколько могу заключить, мистер Бридон из домика садовника? Да, в этих пустынных краях мы знаем о соседях все и не дожидаемся официальных представлений, вам подтвердит кто угодно. Ужасная история, мистер Бридон, бедного Хендерсона постигла страшная судьба, да еще в тот момент, когда

они нашли клад. Я слыхал, вы присутствовали при этом, верно?

— Да, так случилось, я как раз зашел к ним после обеда и видел, как выкопали клад.

— Тогда, скажите, пожалуйста, как вам показалось, клад мог находиться там со времен самого принца Чарли? Позвольте доложить, я всегда утверждал, что верить легендам не грех, но если начистоту, не очень надеялся, что после стольких лет можно хоть что-то найти. А вы как полагаете, они могли наткнуться на какой-то другой тайник? По ошибке? Здесь в округе многие — больше, чем вы можете себе представить, — не доверяют сбережения банкам. Я хочу сказать, может, кто-то припрятал свои ценности?

Бридон начал смутно догадываться, что пастор, как бы искренни ни были его намерения утешить ближнего в скорби, пришел на остров не только с этой целью.

— Я бы с удовольствием показал вам клад, — ответил он пастору на невысказанную просьбу, — но Летеби уехал и, вероятно, куда-то его спрятал. Нельзя же оставлять сокровища на виду, правда? Ни в коей мере не могу считать себя знатоком, но, понимаете, там нет наличных денег, без которых вряд ли обошелся бы чей-то тайник. А некоторым предметам, несомненно, больше сотни лет. В том числе, и сундуку, в котором хранился клад; вот он, в углу. Его точно можно датировать временем Карла Эдуарда.

Мистер Маклин осмотрел сундук и остался доволен.

— Что ж, — сказал он, — это послужит наукой человеку, который слишком торопится со своими категоричными суждениями. Простите, но я был убежден, что если они что-нибудь и найдут, то не то, что ищут. И, судя по всему, ошибся. Но в одном я оказался прав. Я предупреждал джентльменов, что каждого, кто попытается найти клад принца Чарли, постигнет проклятие, и, как оказалось, это святая правда.

— А проклятие наложил сам принц или кто-то другой?

— Нет, оно несколько моложе. Жил тут один старик, вскоре после тех событий, по имени Дэвид Хэбинг-

тон, почитавшийся пророком. И одно из его пророчеств заключалось в том, что всякому, кто потревожит сокровища принца Чарли, они встанут поперек горла. Смерть не упокоится на погосте Глендауни — так он говорил. И вот несчастный Хендерсон, судя по всему, погиб, а Летеби, отдав предпочтение осмотрительности, покинул наши места. Могу только сказать, мудрое решение, мистер Бридон.

— Да, пожалуй, у него больше здравого смысла, чем можно было предположить по некоторым поступкам, — сухо согласился Бридон и добавил: — Мне только несколько странно, что проклятие падает лишь на того, кого в поисках клада ждет успех. Казалось бы, в данном случае волю следует приравнять к поступку, и несчастья должны начать сыпаться, не дожидаясь находки, как только кто-то приступит к поискам.

Мистер Маклин заметно растерялся.

— Вы молоды, мистер Бридон, — пробормотал он, — и, полагаю, не очень хорошо знаете эти края. Неудивительно, коли вам многое кажется здесь странным. Но позвольте заметить, в местных долинах немало людей, которые, с тех пор как пошли разговоры о поисках клада, старались не ходить по дороге мимо моего дома. Другие поздно ночью видели на острове и на берегу напротив свет, когда там никого не могло быть, и все это за последние две-три недели. Однако мне пора. Вы не проводите меня до моста? Или у вас тут дела?

На сей раз Бридон обрадовался, что можно уйти с острова. Без мистера Маклина он бы мучился одиночеством, с ним же компании было чуть больше необходимого. Пастор, как, наплевав на все приличия, выразился впоследствии сыщик, принадлежал к тем, чье слово способно довести до белого каления вне зависимости от того, уместно оно или нет. По дороге к мосту о сверхъестественном больше не говорили. Обитатель Глендауни, видимо, заметил в умонастроении спутника скептическую жилку южан, которым, дай волю, они вмиг повыгоняют

из всех северных озер таких реальных чудищ, и решил, что спорить с ним — попусту тратить время.

Было здорово снова оказаться в домике садовника и даже приступить к церемонии бритья, которая по необъяснимым причинам так долго откладывалась. Анджела, сидя у окна в спальне, бросала теннисный мячик хозяйской собаке, находившей непреходящее удовольствие в том, чтобы ловить его на крутой лестнице. Бридон рассказал жене о загадках, которые задал ему дом, поскольку порой ее прозрения оказывались полезными; о малодушии во время прогулки по острову, поскольку, стоило Бридону ввязаться в очередную авантюру, его жена возвращалась к утомительной привычке переоценивать его неосторожность; о беседе с мистером Маклином, поскольку она принадлежала к числу тех удовольствий, которыми приятнее наслаждаться задним числом. Анджела заявила, что на месте сэра Чарлза Эрдри она позвонила бы в Общество физических исследований и предложила им остров Эрран в качестве пристанища призраков.

— Кстати, о звонках, — добавила она. — Только что звонил Шолто. Я решила тебя не звать. Он просто хотел узнать, как идут дела. И немного поворчал, что ты не телеграфировал ему, когда нашли клад. Сказал, что прочел об этом в утренних газетах и не на шутку разозлился.

— Потому что я не телеграфировал ему, когда нашли клад? Но я же телеграфировал... Хотя да, в каком-то смысле, наверно, все-таки нет. И что ты ответила? Надеюсь, дала какое-нибудь особенно изворотливое объяснение.

— Сказала, что в ситуации, когда события в этой части света с такой частотой выходят из-под контроля, мелочь вроде находки клада стоимостью в пару тысяч фунтов может вылететь из головы. Он спросил, какие события; я рассказала про пожар. Надеюсь, я не совершила роковой ошибки. Ах да, еще. Кажется, они получили в полиции дополнительную информацию про Хендерсона, и, похоже, его жизненный путь несколько более извилист, чем предполагалось вначале. Знаешь, его мечтает

видеть нью-йоркская полиция, и Шолто считает, Компания мужественно перенесет известие о его смерти. Наверно, все это появится в вечерних газетах, так что, судя по всему, молчать смысла не было.

— Да, пожалуй. А теперь расскажи мне подробно, что ты думаешь о минувшей ночи и сегодняшнем утре, а я пока побреюсь. Все-таки в этом деле важнее всего расслабить челюсти.

— Такого же результата можно достигнуть, взяв новое лезвие. Хотя я люблю с тобой беседовать, когда ты не можешь слишком часто перебивать. Дай подумать... Ты хочешь услышать от меня, что если Д. Хэбингтон и имеет некое право считаться пророком, то усилия М. Бридона в этом направлении менее успешны. Ведь ты только ночью пришел к выводу, что либо Летеби и Хендерсон сговорились натянуть нос Компании (то есть Хендерсон улепетывает с сокровищами, а после они раскурочивают их пополам), либо Хендерсон обводит вокруг пальца Летеби, удрав с кладом и не оставив адреса. Хотя Хендерсон усоп, по меньшей мере усоп настолько, что Летеби не обломится выплата по страховому полису. А если Летеби, спешно смотав манатки сегодня утром, прихватил сокровища, это ему что мертвому припарки, так как всем известно, что они нарыли клад, и сэр Чарлз, если захочет довести дело до конца, может прижать его за горло и потребовать свою долю.

— Невзирая на непочтительность некоторых использованных выражений, довольно точное описание ситуации.

— Между прочим, шофер тоже исчез при подозрительных обстоятельствах. Летеби, очевидно, когда писал тебе вчера вечером, рассчитывал, что тот будет разгуливать на виду у всех, но увы, этому не суждено было случиться. А когда его преподобие грубо растолкали посреди ночи, сказал, что означенного работника несколько дней назад отправили домой. И слепой увидит, что здесь что-то не так. Скажи, Майлз, ты не думаешь, что шофер —

просто переодетый Хендерсон? Ведь это объясняет, почему Летеби так хотел избавиться от него, как только Хендерсон погиб.

— В любом случае шофером не всегда был Хендерсон. Ты сама видела их вдвоем в машине. А Летеби, когда я его добудился, в самом деле знал, что Хендерсон погиб? Если да, дело плохо.

— Да чтоб тебе пусто было! Ведь если ты ни свет ни заря приходишь и кричишь ему в самое ухо: «Пожар!» — он наверняка понимает, что план где-то дал трещину. Однако, как ты верно заметил, шофера и Хендерсона видели вместе надежные свидетели. Значит, должен быть кто-то еще, кто либо жить не может без грима, либо имеет привычку пользоваться им время от времени. Кстати, о гриме: у тебя возле левого уха большое мыльное пятно, не знаю, что ты собираешься с ним делать. Да, так лучше... О чем я говорила? Майлз, ты ведь не думаешь, что они убили шофера, а?

— Это не невозможно. В таком случае утверждение Летеби, что шофера отправили в Мортон с машиной, было призвано объяснить его исчезновение. Но тогда, ради всего святого, что они затеяли? Убили такого замечательного шофера, спалили такой замечательный гараж; Хендерсон провалился сквозь землю, клад провалился сквозь землю, а доказательства, что его умыкнул Хендерсон, у них как не было, так и нет. И словно чтобы еще больше навести тень на плетень, Летеби после завтрака первым делом незаметно сматывается. И кто докажет, что он не прихватил клад? Я неплохо знаю «Бесподобную». Поверь, Компания ни за что не оплатит такой сомнительный полис.

— Особенно поскольку присяжные, точнее прокурор, или кто там, почти наверняка решат, что это труп Хендерсона. Если наши друзья хотели, чтобы Хендерсон удрал, ну или сделал вид, что удрал, было довольно неосторожно оставлять труп, который распрекрасно может оказаться его собственным.

— Ты, конечно, исходишь из того, что все было продумано, а Летеби посвящен в план. Если Хендерсон собирался раствориться с сокровищами по собственному почину, ему было удобней оставить тело, чтобы мы не особенно усердствовали в поисках. Но если ты права, почему Летеби не начал кричать о пропаже сокровищ? Почему тихонько испарился, вместо того чтобы помогать тут полиции и раздавать интервью? Кстати, почему остров до сих пор не наводнили газетчики?

— Полиция выставила на дороге заслон и не пускает никого, кому тут нечего делать — так мне сказали Макбрейны. После обеда на месте преступления ждут высокого полицейского чина.

— Слава богу, что я успел осмотреться там утром. Кстати, хотелось бы послушать о моих находках в гостиной. Ну хоть в спальнях.

— Не понимаю, как можно обвинять человека в том, что к нему приезжает тетушка. Это воля Божья.

— Я не утверждал, что усматриваю в этом какой-то злой умысел. Хотя признаю, сегодняшний визит тетушки меня заинтересовал. Если она его тетушка, как говаривал наш директор школы. Иными словами, может быть просто удачным совпадением, что Летеби поехал в Пертшир. Или он хочет встретить тетушку? Или спрятаться от нее? Все-все, молчу. Отлично знаю, ты не испытываешь к тетушкам теплых непотических* чувств, но из этого вовсе не следует, что Летеби их тоже не испытывает. Ладно, проехали тетушку. Зачем Хендерсону понадобилась такая невероятная наклейка для багажа, с такими огромными буквами? Зачем он накорябал ее ночью и почему потом выбросил?

— Тебя действительно интересуют ответы на эти вопросы? Или тебе все известно и ты спрашиваешь просто забавы ради?

— Честно, я хочу знать, какое впечатление производят на тебя эти подробности и что ты из них заключаешь.

---

* От *лат*. nepos — племянник.

Если я не говорю тебе той крупицы, которая мне известна, так это в самом деле крупица. Даю тебе честное слово, я по-прежнему блуждаю в безнадежных потемках и у меня нет ответов на вопросы, которые я сейчас тебе задал. Из того, что мне известно, не выводится никакого ответа. Я, конечно, могу догадываться. Но ты ведь тоже можешь. А людские догадки куда полезнее, когда их высказывают независимо друг от друга.

— Это я все прекрасно знаю. Ладно, если буквы действительно такие большие, как ты говоришь, вряд ли стоит считать наклейку уловкой, подброшенной сознательно, чтобы сбить нас с толку. Ведь тогда человек постарался бы сделать ее как можно обычнее на вид, правда? Никакого смысла в гипертрофированности нет. Поэтому я за то, что за наклейкой ничего не кроется. Просто Хендерсон по какой-то причине перерешил и выбросил ее. Единственное предположение, почему он сделал такую крупную надпись, — чтобы пассажиры его вагона легко могли ее прочесть. Лично я всегда читаю наклейки. Давным-давно, до нашего с тобой знакомства, моим попутчиком както оказался человек по фамилии Венчан. «Вот это имя», — подумала я и чуть было не попыталась устроить так, чтобы он сделал мне предложение. Но это так, в скобках. Хендерсон, полагаю, исходил из следующего: если в вагоне, в котором он будет улепетывать с сокровищами — или делать вид, что улепетывает, — окажется несколько таких любителей читать багажные наклейки, то когда полиция по радио попросит поделиться информацией о человеке по имени Дж. Хендерсон в поездах железной дороги Высокогорья, от свидетелей не будет отбоя. А сам он тем временем спокойно сойдет на Кингс-Кросс и вернется обратно. Или подастся еще куда-нибудь. Ну что, полезно?

— Да, мысль стоит принять в расчет — за исключением случайностей. Я бы предположил, что он собирался прицепить наклейку не на свой багаж, который, насколько могу судить, представлял бы собой довольно маленький и невзрачный вещмешок, а на какое-нибудь вмести-

лище более зловещего вида, такое большое и тяжелое, что любители читать чужие наклейки потом показали бы на другого человека. Ну конечно, только там и мог быть клад! Это, разумеется, пальцем в небо, но если окажется правдой, то Хендерсон почти наверняка не собирался прикарманивать клад. Вероятно, они хотели где-нибудь его припрятать, как я тебе уже и говорил.

— Да-а, надеюсь мы не слишком увлекаемся. А что насчет железнодорожной карты? Она как-то вписывается в твою гадательную схему?

— А в твою?

— Черт бы тебя драл, я-то думала, что на сей раз тебя опередила. Верно, наклейка наводит на мысль, что он собирался сесть на поезд в Авиморе. Потому что довольно глупо садиться в Инвернессе, не так ли? Наклейка явно новая, а значит, ее собирались в скором времени использовать. Авимор как раз один из городков, помеченных на карте, правда ведь? Короче, я думаю, вполне возможно, что они с Летеби собирались сыграть в эту игру, ну ты знаешь — один выходит, другой заходит... Нет, Майлз, это не так глупо, как кажется, ведь тут проходит одна из очень немногих железнодорожных веток на свете, где можно без проблем мчаться за поездом на автомобиле. Помнишь, когда мы добирались сюда, то все время ехали параллельно поезду? Значит, Хендерсон мог доехать до Авимора да машине, Летеби на поезде, а потом они поменялись местами: Летеби поехал дальше на машине, а Хендерсон сел на поезд. Впрочем, понятия не имею. Мне надо подумать. Но звучит любопытно, правда?

— Я и не считаю, что это такой уж маразм, как кажется на первый взгляд. Все-таки мы имеем дело с Летеби и вроде бы условились — у этого человека извращенное чувство юмора. Могу допустить, что он придумал какую-нибудь бредовую схему вроде той, которую ты набросала. Двойной, как бы он сказал, блеф — довольно надежный способ в подобных ситуациях, а результаты дает просто фантастические. Ей-богу, если бы все прошло гладко и

мы мусолили бы только планы Летеби, они, по-видимому, оказались бы до такой степени отчаянно гениальными, что их разгадал бы даже ребенок. Но совершенно ясно: кто-то вставляет палки в колеса. То ли Хендерсон, то ли кто-то третий, то ли вмешалось само Провидение. Милая миссис Бридон, попытайтесь еще потянуть за ниточку вашей сообразительности, скажите мне, что там случилось.

— Кто же теперь может точно это сказать? Почему Хендерсон не мог вставить палку, или веник, или еще какой-нибудь неизвестный предмет в колеса Летеби, а уж потом Провидение тоже решило вмешаться? Я хочу сказать, вероятно, Провидению значительно способствовало то обстоятельство, что Хендерсон, по всей видимости, крепко нализался еще до полуночи, а чтобы зажечь такую керосиновую лампу, как те, которыми мы пользуемся в этих отсталых краях, нужны асбестовые перчатки, иначе спалишь дом.

— Понятно. Ты, разумеется, в курсе, что пытаешься доказать, будто Хендерсон был пьян до невероятия. В доме имелся по меньшей мере один электрический фонарик, а также, пес знает почему, допотопный фонарь со свечой. Ну зачем, скажи мне на милость, ему понадобилось брать в гараж эту лампу и тем самым выдавать всем, кто, как мы, мог наблюдать за островом хотя бы с дороги, что в доме что-то неладно? Хорошо, проехали. Однако ты до сих пор не решила вопрос, который все время встает у нас на пути, — ключ. Хендерсон опоил Летеби, а потому вроде бы не имел никакой нужды запираться в гараже. Если бы ключ был у него, тот уцелел бы при пожаре и его нашли бы в завалах. Значит, по твоей логике, там слонялся кто-то третий в ожидании, когда можно будет прикарманить ключ, после того как гараж и уединившегося в нем Хендерсона осветит уютное зарево. Кто-то, кто не носит имя Летеби, если, конечно, последний не прикидывался одурманенным. Видишь, твою версию хорошо бы закруглить.

— Проклятие, как-то не складывается. Майлз, мне просто не хочется верить, что кто-то может дойти до такой степени мерзости, чтобы запереть дверь снаружи и сжечь человека заживо внутри. Ты ведь об этом?

— Сам толком не знаю. Если ты ночью будешь из-за этого ворочаться с боку на бок, утешайся мыслью, что у меня имеется другое объяснение того, как дверь оказалась заперта. Только оно означает, что все еще сложнее, чем кажется на первый взгляд. Запереть дверь мог, во-первых, Летеби, что маловероятно, поскольку, когда я его нашел, налицо были все признаки полной невменяемости; во-вторых, Хендерсон, а в этом случае мы обязаны переменить свое мнение о том, чей труп нашли в гараже; или же кто-то третий, но с третьим, который хоть как-то вписывался бы в общую картину, у нас не очень получается. Однако тот, кто запер дверь, не обязательно убийца. Человек в гараже мог быть уже мертв, когда начался пожар; или дверь могли запереть, чтобы все выглядело, как убийство, хотя это было не убийство, во всяком случае, не похоже на убийство. Или, что вполне правдоподобно, тот, кто запер дверь, не знал, что в гараже кто-то есть, хотя в этом случае придется найти объяснение, почему дверь понадобилось запирать именно в этот момент.

— Майлз, не хочу изображать из себя упрямую ослицу, но ведь остается вероятность — правда, ведь возможно же, — что это просто-напросто несчастный случай? Ну, например, представь: Хендерсон подсыпает Летеби что-то в кофе, что-то, оказывающее медленное действие, и Летеби вовсе не в такой отключке, как полагает Хендерсон. Хендерсон берет лампу и идет в гараж; Летеби подозревает, что там творится бог знает что, и хочет вывести Хендерсона из игры, не поднимая шума. Он крадется к гаражу и поворачивает ключ в замке, намереваясь просто продержать там подельника до утра. Потом начинается пожар, бедняга Хендерсон что есть мочи колотит в дверь, но пойло наконец подействовало, и Летеби уже вырубился. Именно поэтому, когда ты растолкал его, он ходил и

кричал: «Хендерсон!» — как будто действительно не знал, что с тем случилось.

— Если так, то он совсем обезумел. Почему он сказал мне, что шофер уехал? Если бы он заявил, что тот в гараже, мы бы пришли к выводу, что труп принадлежит шоферу, а Хендерсон исчез по причинам, лучше известным ему самому... Хотя если в истории с шофером что-то нечисто, то да, дело могло кончиться для Летеби очень скверно. Нет, я не спорю, твое объяснение одно из возможных. Только я не считаю Хендерсона человеком, который начинает действовать, не убедившись, что на все сто обездвижил соперника. И не думаю, что он попотчевал компаньона зельем, которому требуется столько времени. Предположительно Летеби пил кофе сразу после обеда, а Хендерсон, по моим прикидкам, начал реализовывать свой план, в чем бы он там ни состоял, значительно позже.

— Почему ты так считаешь? И вечно ты что-то считаешь.

— Ну... в общем, похоже, прежде чем отправиться в гараж, он принял на улице вызывающее уважение количество алкоголя. И все-таки — что ему нужно было в гараже, столько-то времени, я хочу сказать? Если бы Копатель хотел просто вывести машину, было бы чертовски трудно запереть его там, чтобы он вообще ничегошеньки не заметил. И на кой ляд он взял с собой лампу?

— Конечно, странностей немало, я не спорю. Только хочу сказать, что эти странности можно объяснить какой-нибудь другой версией, а можно моей. Тебе, кажется, до смерти хочется подключить к делу третьего. Это не... — как ты все время меня попрекаешь? — неэкономно, вот.

— Твоя проблема в том, что ты изо всех сил игнорируешь лампу. Ты, конечно, понимаешь, что она говорит больше в пользу сфальсифицированного несчастного случая, не настоящего. Я знаю — и не трудись напоминать мне, — что пустое дело устраивать якобы несчастный случай, а потом запирать дверь гаража, так что даже са-

мый простодушный коронер сразу увидит инсценировку. Вот над этим нам в самом деле предстоит поломать голову. И над вопросом, почему Летеби сегодня утром решил скрыться. А также, где клад. Ну и еще парочка мелочей.

— Майлз, посмотри мне в глаза и ответь: ты знаешь, где клад?

— Как тебе известно, вчера после обеда я присутствовал при том, как на острове, вон там, из земли извлекли кожаный сундук, или ящик. Открыв его, мы увидели ювелирное барахло, которого хватило бы до конца жизни даже тебе. Сегодня утром, вскоре после завтрака, мы с сэром Чарлзом обнаружили этот сундук, или ящик, в гостиной, но когда открыли его, там ничего не было. Конечно, можно предположить — а если имеются хоть какие-то основания считать его честным человеком, это будет вполне естественное предположение, — что Летеби, по некой причине торопясь куда-то сегодня утром, припрятал содержимое сундука, чтобы оно не оказалось в распоряжении первого встречного, намереваясь его оценить и все такое, как только вернется. Мне грустно говорить, но я в это не верю. Думаю, в таком случае он наверняка оставил бы сэру Чарлзу — который все-таки является законным владельцем — записку или сообщение, что клад в надежном месте. Я склонен полагать, что сегодня утром он взял клад, или то, что от него осталось, с собой, а инструмент выложил из машины и оставил на острове, поскольку ему нужно было закрытое место для громоздкого барахла, которое не засунешь в карман или под сиденья. Возможно, питая такие подозрения, я клевещу, возможно, он не брал никаких сокровищ, просто потому что больше нечего было брать. Тогда, по всей видимости, их увезли ночью, и сделал это либо Хендерсон, либо третий человек, на которого, если он когда-либо материализуется, падет серьезное подозрение в убийстве Хендерсона. По большому счету я склоняюсь ко второй версии, так как, хоть убей, не понимаю, зачем Летеби нужно было увозить свой клад, точнее, клад сэра Чарлза. Почему он не спрятал его

где-нибудь на острове, сделав вид, что тот исчез ночью? Хотя я вообще не понимаю, какого черта он уехал. Ну, ответил я на твой вопрос?

— Вроде того. Ты хочешь сказать, что ничего не знаешь. Никогда бы не подумала, что тебе потребуется такое количество слов, чтобы поделиться этой незамысловатой информацией.

— Бывают времена, — заметил Бридон, — когда важно очень точно подбирать слова.

Глава 11

МИСТЕР ПАЛТНИ В ПОИСКАХ ОСВЕЖАЮЩИХ НАПИТКОВ

Это был день дотошнейших расспросов. Возвращаясь с места трагедии, «высокий полицейский чин» заглянул в домик садовника, где провел беседу со всеми тремя гостями, а также с Макбрейнами. К большому облегчению приезжих, выяснилось, что необременительные манеры Высокогорья сказались даже на местной полиции. Выуживая информацию из опрашиваемых, следователь демонстрировал мучительную деликатность, отчего, как выразился впоследствии мистер Палтни, смахивал не столько на ищейку в человеческом обличье, сколько на королевского офицера, расследующего скандал в кабинете министров. Каждый ответ сопровождался ревностным: «Разумеется, мистер Бридон; иначе и быть не может, мистер Бридон; прекрасно вас понимаю. А теперь, надеюсь, вы не станете возражать, если я затрону еще один момент» — и так далее. Он не выказал ни малейшего любопытства по вопросу о причинах, побудивших Бридонов снять комнату в домике садовника, хотя — впрочем, об этом читатель может догадаться и сам — имел длительную беседу с мистером Палтни относительно рыбалки вообще и пойманного тем лосося в частности — данный факт был «известен полиции». Его, судя по всему, ничуть не удиви-

ло, что далеко за полночь Анджела не спала, а Бридон, помимо того, что тоже не спал, был еще и полностью одет. Следственно, не было никакой нужды обременять его сведениями о том, что лодка переменила место причала, или подозрениями, возникшими в голове у Бридона. Последний, конечно, упомянул, что присутствовал при находке клада, однако умолчал, что имеет к ней особый интерес. Он сообщил также, что вскоре после завтрака видел отъезжающий автомобиль Летеби, но забыл сказать, что зрелище немало его смутило. В общем, как заметила Анджела, все неплохо провели время.

Учтивый представитель власти не только максимально деликатно пытался добыть информацию, но и достаточно любезно ею поделился. Порыв северного чистосердечия подбодрил и оказал ощутимую помощь Бридону, привыкшему к беспощадной замкнутости английской полиции. («Они никогда не скажут тебе ничего, кроме того, что нашли ключик, и это будет вранье».) Он выяснил, что тело, скорее всего, принадлежало человеку, который в момент возгорания был полностью одет; полиция обнаружила пуговицы и металлические фрагменты подтяжек, правда, не было наручных часов. (Летеби в письменных показаниях утверждал, что Хендерсон потерял свои наручные часы, когда копал.) Сильно обгоревшие ботинки стояли рядом, а это наводило на мысль о том, что покойный держал их в левой руке.

— Как вы понимаете, мистер Бридон, если это был кто-то, кому на тот момент нечего было делать в гараже, он спокойно мог дойти босиком, так как это совсем недалеко от окон спальни.

Ни одна из находок не давала шансов идентифицировать тело для целей закона: ширпотреб — извечный враг справедливости.

Возвращение Летеби часов в шесть вечера стало поводом для более серьезных следственных действий. Не со стороны уже откланявшейся полиции, а со стороны сэра Чарлза Эрдри, который наведался в домик садовника

в надежде на возможность проведения этих самых действий. Майлзу, конечно, очень хотелось присутствовать при разговоре, однако сыщик не горел желанием объяснять Летеби, кто он такой, что могло бы вспугнуть юного кладоискателя. Условились, что сэр Чарлз выдаст Бридона за «своего свидетеля». Идея представлялась вполне правдоподобной, Летеби мог счесть присутствие лишнего человека нормальным требованием, поскольку каждый англичанин твердо знает, что в Шотландии собственные законы, не имея ни малейшего представления о том, какие именно. Роль дознавателя, естественно, брал на себя сэр Чарлз, но Бридон заготовил ему ряд вопросов, которые, по его словам, необходимо было задать. К тому же всегда имелась возможность встрять в разговор под предлогом уточнения неясностей.

Вернон Летеби вылил на слушателей потоки благовоспитанных извинений, без конца вставляя в них непереносимое «на самом деле» — привычка нынешней молодежи, особенно когда она врет.

— Мой дорогой сэр Чарлз, — сказал он, — я до смерти сожалею, что так получилось. Я собирался все объяснить вам сегодня утром, но получил известие от тетушки. Она едет на север, и ее ждали в Мортоне с ночевкой, я просто обязан был лично убедиться, что для нее все приготовлено. На самом деле в доме постоянно живут только два человека, супружеская пара, им приходится делать все. Но я боюсь, случилось самое страшное: то, что мы вчера выкопали, исчезло. Я совсем забыл об этом, пока бушевал пожар. Потом эта ужасная история с телом Хендерсона, если это Хендерсон. Понимаете, у меня просто вылетело из головы. Не представляю, как теперь узнать, куда оно подевалось, потому что на самом деле это мог быть любой из тех, кто примчался вчера ночью, ведь правда же? А сейчас очень трудно кого-то обвинять, вы согласны?

— Так, по-вашему, выходит, клад прихватил кто-то из моих арендаторов, прибывших сюда вчера ночью, чтобы

помочь тушить пожар? Должен сказать вам, мистер Летеби, в этих краях живут очень порядочные люди.

— О, только не подумайте, сэр Чарлз, что я собираюсь кого-то обвинять. Я практически уверен, что это не они. Ведь клад пропал до пожара, а тогда это скорее всего Хендерсон, правда ведь? Знаете, я никогда особенно не доверял ему; вы были абсолютно правы. На самом деле я выписал страховой полис на случай именно такого мошенничества и, полагаю, получу по нему выплату, если клад на самом деле украл Хендерсон. Живой или мертвый, не важно. Если это он его умыкнул, то дело страховых ребят выяснить, куда подевались сокровища. Или заплатить мне, не так ли?

— Я за вами не поспеваю, мистер Летеби. Если не возражаете, давайте по порядку. Когда вы в последний раз видели Хендерсона и были ли у вас основания подозревать его? Я хочу сказать, основания — помимо недоверия. Например, он еще долго колобродил, после того как вы пошли спать? Или что-то другое?

— На самом деле вчера я завалился спать очень рано. Начал клевать носом еще в кресле, что со мной бывает крайне редко. Если честно, я думаю, Хендерсон что-то подлил мне в кофе. Он все время варил кофе, а вчера вечером кофе не пил. По-моему, я лег не то в девять, не то в десять. Хендерсон никогда так рано не ложился; он сказал, что плохо спал, поэтому и не хочет кофе — по крайней мере, с его слов.

— А что вы сделали с содержимым сундука, если позволите спросить? Просто оставили в углу или решили перепрятать в более надежное место? Мы будем избавлены от кучи проблем, если так.

— Знаете, мне ужасно жаль, но все оставалось в сундуке. Понимаете, мы не ждали взломщиков, потому что вести о кладе еще не могли разнестись по округе. И... ну да, конечно, было бы неплохо переложить барахло туда, где Хендерсон не мог бы до него дотянуться без моего ведома. Но как, помилуйте, я мог это

сделать, когда засыпал на ходу после этой гадости? Знаете, несколько неудобно говорить человеку, что ты не можешь доверить ему клад, после того как завалился на боковую. На самом деле мы думали перенести сундук в спальню. Но там едва ли безопаснее, а весу в нем, знаете, до черта. Хотя если бы я мог представить, что такое может случиться, я бы сделал все, что в моих силах, поверьте.

— Значит, вы пошли спать и оставили Хендерсона в гостиной. Он пил вечером?

— Он допил бутылку и, кажется, собирался открывать следующую. На самом деле я говорил ему, чтобы он не налегал на виски, потому что запасы заканчиваются. Между нами, их уничтожил скорее Хендерсон. Наверно, он все-таки открыл еще одну бутылку, потому что, когда я на следующее утро заглянул в кладовку, там было пусто. Но опять-таки... Я, право, полагаю, вы придерживаетесь хорошего мнения о тех, кто у вас рыбачит и охотится, и скажете, что это не они.

— Я был там все время, мистер Летеби, никто из них не входил в дом. Я видел только, как гости из Стратдауни искали в доме огнетушители. Или вы хотите сказать, они по пути поживились?

— Нет, ей-богу, я не имел этого в виду; я думал, может, кто-то из местных. Но если никто не заходил в дом, то вряд ли. Знаете, что я вам скажу, наверно, старина Копатель на самом деле напился до чертиков, если это он взял лампу в гараж. Я хочу сказать, какая страшная глупость, правда? Ничего не имеют против ваших ламп, сэр Чарлз, но все-таки это не в полном смысле лампы Дэви*, так ведь?

— И тем не менее нам предстоит выяснить, зачем он вообще отправился в гараж. Это довольно сложно объяс-

---

* Имеется в виду масляная, керосиновая или карбидная лампа, изобретенная в 1815 г. английским физиком Гемфри Дэви (1778—1829).

нить прихотью выпившего человека. У вас есть какие-либо предположения, зачем Хендерсону понадобилось идти в гараж в столь поздний час, пока вы спали?

— Ну, это, в общем-то, главный вопрос, да? Нет, я не против, разумеется. На самом деле, боюсь, когда вы сказали, что в гараже найден труп, первым делом мне в голову пришло, что бедный старина Копатель выдумал какой-нибудь трюк, чтобы надуть меня с этим кладом. Знаете, он долго жил в Канаде, у него нет этих наших восточных представлений о порядочности и все такое прочее. Если начистоту, я не стал бы утверждать, что это вовсе невероятная история: Копатель подливает мне что-то в кофе — не чтобы я помер, понимаете, а просто чтобы меня вырубить, — и пытается уйти с кладом, пока путь свободен. И берет машину, потому что в сельской местности не очень удобно путешествовать с сундуком под мышкой, набитым разного рода ювелирными изделиями, правда ведь? После того как мы последний раз пользовались машиной, она стояла в гараже. Вы ведь помните, сэр, после обеда ее там не было, — прибавил он, обращаясь к Бридону. Тот кивнул. — Отлично, значит, он выводит машину и, как полный идиот, забывает, что у нас есть прекрасный электрический фонарь. А может быть, он попытался, подергал выключатель и решил, что кончилось питание, не знаю. Как бы то ни было, он взял лампу и принялся возиться в гараже, поставив лампу абы как на полку или куда там еще. Вот она и упала, и несчастный Хендерсон понес заслуженное наказание.

— Да, проблема только с ключом. Кажется, вы говорили вчера, что не знаете, где лежал ключ от гаража.

— Я даже не догадывался о нем. На самом деле мы и не думали запирать гараж. Представить, что на острове будут околачиваться угонщики? Знаете, что я вам скажу, сэр Чарлз, мне думается, щеколда замка просто была все это время наполовину выдвинута. Хендерсон, зайдя в гараж, наверно, хлопнул за собой дверью, замок соскочил,

и дверь, если можно так выразиться, самозаперлась. Не могу поверить, что кроме нас на острове был еще кто-то, до пожара, разумеется. Так вот, дверь, должно быть, заклинило. Мне кажется, это самое правдоподобное объяснение.

— Значит, вы полагаете, Хендерсон посреди ночи решился бежать, прихватив клад и оставив вас, меня, страховую компанию на произвол судьбы?

— Именно. Понимаете, я не устану повторять, у старины Копателя не шибко много моральных принципов. Не думаю, что он оставил бы товарища с носом, если бы при этом ничего не терял, понимаете? Но он, наверно, решил, что я не пострадаю, поскольку Компания неизбежно придет к выводу, что он свинтил, и раскошелится. На самом деле я, конечно, до сих пор надеюсь, что она так и сделает, хотя нельзя отрицать, эти воды были бы намного безопаснее, если бы старина Копатель не начал расшвыривать лампы в гаражах.

— Вы меня простите, — сказал сэр Чарлз, которому с большим трудом удавалось сдерживать свои чувства, — но мне кажется, я не совсем улавливаю ход вашей мысли. По-вашему, выходит, Хендерсон вывел машину из гаража, чтобы уехать на ней вместе с кладом. Значит, он выводит машину, потом за чем-то там возвращается в гараж, дверь за ним захлопывается. А где все это время был клад? И почему мистер Бридон не обнаружил его под дверью гаража? Или почему вы не обнаружили его в автомобиле, когда заводили сегодня утром? Я усматриваю в этом определенную сложность.

— Можете меня обыскать, — заявил Летеби с обезоруживающим чистосердечием. — На самом деле я бы на его месте уложил сокровища в саквояж, оставил бы законным владельцам пистолеты и парочку громоздких штуковин, не представлявших особой ценности и в лучшие времена, как своего рода утешительный приз, и рванул бы что есть мочи, а не рылся в гараже, коли уж вывел машину. Но у Копателя довольно изворотливые мозги, и вполь-

не возможно, он подошел к делу более основательно. «Там в домике эти Макбрейны, — мог сказать он себе, — к тому же их жильцы, которые сейчас сидят и играют в бридж, хотя, может, и нет; будет очень некстати, если кто-нибудь остановит меня на мосту и спросит, куда я, собственно, направляюсь, с ценностями на несколько тысяч». Думаю, дело было именно так. Наверно, он сел в лодку — он потрясающий гребец, этот Копатель — и перевез сокровища на берег, чтобы затем вернуться на машине и подобрать их по пути в светлую жизнь. Штука в том, что, коли так, клад, тепленький, нас ждет, правда, неизвестно, на каком берегу и как далеко. И еще, этот парень орудовал лопатой как бог, потому и получил свое прозвище. Не удивлюсь, если сокровища где-нибудь засыпаны несколькими футами земли, а сверху все так гладенько, что ничего и не заметишь. Разумеется, если позволите, сэр Чарлз, я попытаюсь их найти. Как я уже сказал, мне кажется, они не на острове; но, думаю, мне будет не очень сложно пройтись по берегу. Вдруг нападу на какой-то след.

— Ну что ж, сначала попросим полюбопытствовать рыбаков. Если вы будете искать на берегу, оставите кучу следов, которые в следующий свой приход увидит Энгес. И вот что я вам еще скажу, мистер Летеби. Если вы поймете, что после неудачного опыта на острове вам трудно там находиться, почему бы на худой конец не перебраться сюда. Когда вы приехали договариваться об аренде, я сразу понял, что вы приняли меня за неуступчивого торгаша. Может, так оно и есть, но, надеюсь, я не напрочь лишен обычной человечности. Хочу поделиться с вами своими намерениями. Если вы потрудитесь внести остаток условленной арендной платы — по-моему, это только за месяц, — я больше не потребую от вас ни одного пенни ни за время, которое вы провели на острове, ни за то, чем вы там занимались. Мы сделаем вид, что ровным счетом ничего не случилось, если, конечно, не всплывет клад. А если он всплывет, мы с вами поделим его пополам, согласно договоренности. Подумайте и не благодарите меня за

щедрость. Видите ли, я люблю, когда вокруг все спокойно; и всего того шума, который на нас свалился, когда вы приехали сюда на поиски клада, мне вполне достаточно, больше не хочу. Вот вам мотив моего предложения, мистер Летеби; и вы должны простить мне мою откровенность в выражениях.

Летеби немного помедлил — то ли растерялся от великодушия хозяина, то ли не знал, стоит ли им воспользоваться, — и после паузы ответил:

— Прошу вас, не обвиняйте меня в неблагодарности, сэр Чарлз. Это потрясающее предложение с вашей стороны, просто жутко здорово. Но я чувствую, что обязан какое-то время оставаться там, просто из соображений порядочности по отношению к Компании, где я застрахован. Насколько я понимаю, им придется хотя бы рассмотреть возможность оплаты моего полиса, а я, со своей стороны, должен для них убедиться, что клад на самом деле пропал. Не думаю, что разумно уезжать, пока идет расследование, а коли уж я обосновался на острове, то проще всего там и остаться. Но я не собираюсь, если вы это имели в виду, раздавать интервью журналистам и... вообще валять дурака на потеху публике, вы понимаете, о чем я. Вся эта история, конечно, стала для меня сильным ударом, я намерен какое-то время пожить тихо. Но я на самом деле ужасно вам благодарен за предложение; и мне так жаль, что я причинил вам столько неприятностей. Это все, что я могу сказать. Вот только еще, — добавил он, обернувшись к Бридону, — я, кажется, толком не поблагодарил вас за минувшую ночь. Если бы не вы, полагаю, я бы тоже мог там угореть, по крайней мере сильно пострадать.

Несмотря на элегантный финал, ни Бридона, ни сэра Чарлза разговор не удовлетворил. Летеби так и не дал убедительного объяснения своего отъезда утром; понятно, что он распрекрасно мог передать все распоряжения в Мортон по телефону. Он также не представил никаких доказательств того, что клад исчез в промежуток времени

между тем, как ему пойти спать, и тем, как он отправился на поиски рано утром. Версия, связанная с замком, который запирается сам, если хлопнуть дверью, была малоправдоподобна; а действия Хендерсона в его изложении в высшей степени невероятны. В то же время вид невозмутимой искренности мешал прорвать оборону Летеби, если, конечно, вы не собирались загонять его в угол безжалостной следовательской логикой. Летеби был настолько искусственным существом, что не позволял себе показать вам, когда говорит правду — если такое вообще случалось.

Дополнительные нюансы беседе придало совершенно неожиданное обстоятельство. За ужином, когда Бридон подводил итоги, не преминув инкриминировать Летеби дефицит правдивости, мистер Палтни, оторвав взгляд от щедрой порции лосося, прервал выкладки сыщика.

— Если я правильно вас понял, — сказал он, — Летеби питает определенные сомнения по вопросу о том, не умыкнул ли его оплакиваемый компаньон сокровища еще до того, как в гараже вспыхнул пожар?

— Он полагает — по крайней мере, делает вид, что полагает, — будто Хендерсон свистнул и припрятал где-то клад, чтобы забрать его позже. С моей точки зрения, это малоубедительно.

— Какая удача, что я могу подтвердить правоту юноши. Честное слово, когда эта божественная трапеза подойдет к своему завершению...

— Не надо ничего завершать, — заерзала Анджела, — просто объясните нам с Майлзом, вы о чем, собственно. Мне следовало догадаться, что, коли уж мы взяли вас с собой, без бесконечных открытий не обойдется. Майлз, помнишь Чилторп? Его нельзя было оставить ни на минуту. А что у нас сейчас?

— Боюсь, природа наделила меня необычайно щедрой долей того, что зовется человеческой любознательностью. Вы не станете отрицать, миссис Бридон, что сегодня ночью, когда вы разбудили меня, я, не теряя времени, при-

вел себя в надлежащий вид и отправился на место действия. Не могу похвастаться, что

> Колени первым я склонил,
> Когда взметнулся стяг*,

но смею утверждать, что принял некое участие в спасательных работах. Ярдов тридцать, если не сорок, я нес не менее трех огнетушителей и только сейчас понимаю, что вес их был весьма значителен. Затем, осознав, что я в некоторой степени лишний, я удовольствовался тем, что вдохновлял крайне энергичных джентльменов из Стратдауни словом и жестом, преимущественно жестом. И почти как Гораций, лишь чудом избежал смерти, когда с дерева упала ветка**, которую кто-то спилил прямо у меня над головой, не предпослав тому внятного предупреждения. Примерно тогда до моего сознания дошло, что становится горячо.

— Да уж, я заметил, — пробурчал Бридон.

— Знаете, одно из моих жизненных наблюдений состоит в том, что когда человека будят после полуночи, у него бывает странная сухость во рту. То же самое я испытывал во время воздушных налетов. Так вот, представьте: жар, во рту пересохло, но, по счастью, проходя мимо окон гостиной, я вспомнил, что видел на столе бутылку.

— Мистер Палтни! — воскликнула потрясенная Анджела.

— И мне подумалось, что я заслужил несколько глотков, своего рода чаевых. А также, что опасно оставлять столь легко воспламеняющийся напиток в комнате, которая в любую секунду может осветиться огнем. Руководствуясь этими соображениями, я подтянулся к входной

---

* К стихотворению шотландского поэта У. Э. Эйтона (1813—1865) «Старый шотландский рыцарь».

** Ода Горация «К дереву» была вдохновлена происшествием в его имении, когда внезапно рухнувшее дерево чуть было не стало причиной гибели поэта.

двери и, убедившись, что меня никто не видит, прошел в гостиную. Представьте бездну моей горечи, когда я обнаружил, что бутылка пуста.

— Вы уверены? — спросил Бридон. — Я хочу сказать, вы не просто щадите чувства Анджелы? Потому что это действительно важно, была ли бутылка пуста, до того как... ну, словом, до того как она оказалась в поле вашего зрения.

— Поверьте, это не те вещи, где я могу допустить ошибку. Я перевернул обе бутылки — там было две, — я держал их абсолютно вертикально — безрезультатно. Вот вы, миссис Бридон, вздохнули с облегчением, а у меня в тот момент возникли совсем иные чувства. Однако стоя у стола...

— Надо сказать, у вас действительно такой вид, как будто вы провели ночь бог знает где, — заметила Анджела. — В следующий раз, когда мне вздумается пригласить вас на пожар, я не оставлю вас ни на секунду. И куда вы отправились потом? В кладовку?

— Нет, есть мне не хотелось. Но, как я сказал, любознательность взяла верх; и, увидев в углу комнаты явно древний кожаный сундук, я оказался во власти любопытства, а не есть ли это пресловутое вместилище сокровищ. Я открыл крышку, и взор мой усладился зрелищем чрезвычайно интересного комплекта ценностей.

— Каких? — уточнил Бридон.

— Там были в основном броши, медальоны, другие старинные украшения; но я также заметил несколько пистолетов и некий инструментарий, которым вполне мог пользоваться монарх в изгнании, — флягу, к примеру.

— Она тоже оказалась пустой? — невежливо поинтересовалась Анджела.

— Я предавался зрительной усладе всего пару минут, а затем счел разумным удалиться, опасаясь, что появится хозяин дома и превратно истолкует мое присутствие. Думаю, все заняло не больше пяти минут. Но клад был там, могу поклясться жизнью.

— И когда вы уходили, то, полагаю, ни с кем не столкнулись, — задумчиво произнес Бридон. — Понимаете, это очень важно — кто заходил в гостиную после вас.

— Двери были нараспашку, так что, видимо, под подозрение попадает вся компания, включая, разумеется, и меня. Если вы обвините меня в том, что я набил себе карманы, мне нечего будет предъявить в свою защиту, кроме парочки блестящих рекомендаций от директоров школ, томимых желанием подыскать мне другое место, чтобы взять менее дорогостоящего сотрудника. Был ли кто-то у дверей, когда я выходил? Да, один из добровольных помощников, причем он стоял так, будто собирался последовать моему примеру, так что я чуть было не предупредил его о плачевном состоянии бутылок. Однако задним числом я порадовался, что не сделал этого, так как костюм, похоже, выдавал в нем человека, облеченного священническим саном.

— Маклин, — кивнул Бридон. — Хотя, по его словам, он в сундук не заглядывал. Как же нам повезло, что вас осенило туда посмотреть, Палтни. Вы единственный наш свидетель, благодаря вам мы в силах доказать, что к началу пожара клад был на месте. И если расследование придет к выводу, что в огне погиб Хендерсон, а я практически уверен, что так и будет, то Компания платить не обязана. Ну и история! Знаете, Палтни, нам лучше пока помалкивать. Если вдруг окажется, что Летеби врет — а я считаю это в высокой степени вероятным, — хорошо бы он не знал, что мы знаем, что он врет.

— О какой вероятности ты говоришь? — возразила Анджела. — Вы, мистер Палтни, полагаю, не пробовали поднять сундук? Его легко унести?

— Нет, я и так намучился с этими огнетушителями. Если бы я решился на полновесную кражу — огнетушителей, к примеру, — то непременно позаботился бы о сообщнике, чтобы он таскал за меня тяжести.

— Именно. Кому же придет в голову вдруг, без подготовки выгрести все это барахло и унести его под мышкой, да еще без сундука?

— Хотя бы пожарному, — пожал плечами Бридон. — Трудно придумать профессию, которая предоставляла бы больше возможностей для шальной поживы. Однако важна не вероятность того, что кто-то другой прикарманил клад. Мы должны убедиться, что никто другой его не прикарманил. В противном случае я не вижу шансов доказать, что это сделал Летеби. И еще, так как мы не можем доказать, что в гараже погиб именно Хендерсон, то не можем доказать и то, что Хендерсон не болтался там все это время, готовый в любую минуту, пока никто не видит, схватить клад и раствориться во всеобщей сумятице. Все-таки надо как-то с этим разобраться. Теперь можно двигаться дальше и предложить Летеби парочку испытаний. Посмотрим, какова будет его реакция.

— Каких испытаний? — спросила Анджела.

— В данный момент у меня нет никаких идей. Если бы были, я бы, наверно, тебе не сказал. Но по всей видимости, можно придумать ситуацию, в которой человек, присвоивший клад, поведет себя иначе, чем человек, клад потерявший. Слава богу, он решил остаться на острове.

— Да, меня это удивило.

— Лично у меня на этот счет имеется одна очень хитрая мысль, но она не для публикации. Нет, пойду-ка я сегодня пораньше спать. У меня такое чувство, что могу проспать сутки.

Глава 12

СОКРОВИЩА УСОПШЕГО ПРИНЦА

— Это что еще такое! — воскликнул Бридон, выйдя на следующее утро на прогулку.

«Это» относилось к устрашающим воротам на мосту со стороны берега. Впервые с момента приезда супругов они были заперты. Ворота будто выросли за ночь, так мало мы обращаем внимания на постоянно открытые пропилеи.

— Их закрыли, пока ты спал, — объяснила ему Анджела. — А чего ты удивляешься каким-то переменам, ес-

ли тебя не добудиться чуть не до одиннадцати? Судя по всему, сэр Чарлз поймал мистера Летеби на слове. Ну ты помнишь, тот сказал, что не собирается давать никаких интервью. А поскольку полиция сняла заслон с дороги, распорядился, чтобы никто не пересекал мост, пока не докажет, что его ждут на острове. Утром тут шныряло немало недовольных джентльменов, доложу я тебе.

— Пикантность в том, — заметил Бридон, — что мост теперь единственная возможность перебраться на остров. По крайней мере я не вижу никого на лодке. Еще бы, на такой-то воде. Боже, как поднялась. Пожалуй, если бы я вовремя не проснулся, меня бы затопило во сне. Смотри, как близко она подобралась к отметке на мосту! Я бы сказал, за ночь уровень воды повысился на добрых восемь футов, причем без единой капли дождя — пока. Но, похоже, после обеда начнется нескончаемый ливень.

Реки Высокогорья вообще имеют обыкновение таинственным образом подниматься. Местные жители, если вы поинтересуетесь у них этим явлением, скажут вам, что «на западе был дождь», такое случается нередко. На протяжении многих миль все пересохшие реки, еще недавно имевшие вид уродливых канав у подножия холмов, вдруг превращаются в кипящий бульон, который, пенясь, впадает в основной поток, чьего глубокого русла редко хватает настоящей реке, так что всей клубящейся массе воды приходится нестись вниз с бешеной скоростью, превращая вчерашнюю мирную речушку в стремнину, более пригодную для мельниц, а вчерашние бурлящие пороги — в подлинную пучину. Вода подхватывает и уносит ветви деревьев, попадавшие в воду в этой обители лесистых берегов; они то всплывают, то снова исчезают в водной пене. Высокие брызги, казалось, висят в дымчатом воздухе; и, стоя на мосту, оглохнув от шума воды, пригвожденный зрелищем безостановочного движения, вы словно участвуете в головокружительной авантюре, вам будто предстоит ринуться в кровавое сражение. Старческая апатия повсюду сменяется юношеской порывистостью.

Как и сказал Бридон, картина напоминала начало наводнения. Хотя ни на берегу, ни на острове дождя не было, над далекими холмами клубился белый облачный покров, по краям распластывающийся туманом. Казалось, в ничейном пространстве между водой, грозившей накрыть вас сверху, и водой, силившейся затопить вас снизу, сухим остаться невозможно. Скалы со своими цепкими спутниками — березой и рябиной, — казалось, лишились основания и вот-вот сползут вниз, упадут в реку. Ветер стих, и на фоне кипящего меж берегов неистовства тишина в верхушках деревьев несла зловещие признаки грядущих катаклизмов.

Слух и зрение Бридонов были настолько поглощены зрелищем внизу, что лишь сигнал клаксона в двух шагах привел их в чувство, возвестив, что сзади подъехала машина. Автомобиль остановился прямо у моста; водитель, очевидно, ждал, пока кто-нибудь подойдет и ответит на его вопрос; немолодая дама — единственный пассажир, сидевший рядом с шофером, — даже не выглянула в окно. Сразу было видно, она из тех, кто привык вот так сидеть.

— Провалиться мне на этом месте, если это не миссис Уочоуп, — сказала Анджела.

Гостиничные знакомства редко бывают теплыми, но те несколько дней, что Бридоны провели в отеле «Блэруинни», когда «Бесподобная» страховая компания пыталась установить точную дату смерти Колина Ривера, были столь наполнены событиями, а миссис Уочоуп, случайно оказавшаяся постоялицей той же гостиницы, проявила такой материнский интерес к происходящему, что, повстречав ее, вы будто увидели старого друга. Они с Анджелой изредка переписывались, но с тех пор не сталкивались. Тем не менее миссис Уочоуп не относилась к людям, которые забывают знакомых или устраивают пышные церемонии из простого приветствия.

— Господи, помилуй меня грешную, — тут же начала она, — вы-то что здесь делаете? А-а, ну конечно, мне

следовало догадаться... Все эти тайны острова... Полагаю, ваш любознательный супруг уже сунул туда свой нос. Дорогая, какой же тяжкий крест быть связанной брачными узами с любопытной Варварой. Вы, вероятно, остановились в какой-нибудь ужасной гостинице...

— Вовсе нет. Мы как раз живем в этом домике. Точнее, его снимаем. Однако не хотите ли проехать в ворота?

— Да я бы проехала, только у них не очень гостеприимный вид. Но теперь, когда я встретила вас, пожалуй, можно заехать и поболтать. А что, нельзя попасть на остров, если имеется такое желание?

— Боюсь, если вы пишете колонки светской хроники, то нет. Строжайший запрет, никто не может проехать без письменного разрешения его преподобия В. Летеби. Возможно, он вам знаком?

— Дорогая моя, если я его родная тетка...

— Что вы говорите! Мне это и в голову не приходило. Чрезвычайно интересно. Мы бы не стали читать ваше письмо, если бы знали, что оно ваше, правда, Майлз? Как хорошо, что вы не приехали вчера, мы тут такого наговорили про тетушек...

— Ты наговорила, — поправил жену Бридон. — Сколько помню, я не произнес ни единого неуважительного слова. Но вы же знаете Анджелу, миссис Уочоуп, она терпеть не может собственных теток, а мне так и не удалось убедить ее полюбить моих.

— Такова молодежь, — вздохнула миссис Уочоуп. — Я многократная тетка и не стыжусь этого, но отнюдь не требую от своих племянников и племянниц, чтобы они меня любили, особенно от Вернона Летеби, поскольку, не одобряя его поведения, я держу его на сухом пайке. Я отдала ему ключи от дома в Пертшире — кстати, я как раз оттуда, — но денег не даю, стало быть, ему от этого мало проку. И вообще, знаете, мои дорогие, я приехала вовсе не к нему; он страшно действует мне на нервы. Мне только хотелось узнать новости, а вы, судя по всему, куда больше в курсе. Вы всегда лучше информированы о про-

исходящем, чем сами преступники, не правда ли, мистер Бридон?

— Ну на данный момент я не так в этом уверен. Хотя, может быть, в каком-то смысле. Но почему вы называете вашего племянника преступником, миссис Уочоуп?

— Как почему? За вторым завтраком до меня донеслись обрывки разговоров, так вот, похоже, ни у кого не вызывает сомнений, что он убил своего компаньона и присвоил клад. Но я неплохо его знаю и не могу представить, чтобы он решился на подвиг, хоть вполовину такой толковый. Ну а теперь в самом деле, впустите меня и дайте же осмотреть ваш дом.

Было непростой задачей ввести миссис Уочоуп в курс дела. Бридон невольно старался щадить ее родственные чувства, предлагая наиболее милосердное толкование поведения Летеби и его предполагаемых мотивов. Миссис же Уочоуп неизменно видела картину именно в том мрачном свете, который он старательно пытался разогнать, и исходила исключительно из того, что ее племянник неисправимый мот. Однако в то, что он убийца, леди верить отказывалась.

— Не то что его обуревают соображения нравственности, — объяснила она. — Он аморальный тип, как говорят сегодня эти идиоты, что, мне думается, куда хуже, чем быть просто безнравственным, такими, какими были резвые молодые люди в пору моей юности. В общем-то это то же самое, только означает, что вы безрассудно гордитесь своими слабостями, вместо того чтобы их стыдиться. Но я абсолютна уверена, Вернон, если бы взялся убить, безнадежно напортачил бы. Стреляя в Хендерсона, он бы попал вместо него в какую-нибудь дорогую собаку; такой уж человек. И конечно, тут он влип в историю, которая прямо просится на страницы газет. Вряд ли он получил бы хоть какое-то удовольствие от нарушения заповеди, если бы не имел возможности рассказать об этом на Флит-стрит. А что за человек был Хендерсон? Я его ни разу не видела, но, насколько понимаю, что-то вроде бут-

легера. Если бы Вернон познакомился с ним пораньше, ему бы нашлось вполне приличное занятие. Да, а что там с моим письмом? Не стану утверждать, что одобряю чтение чужих писем; я не особо стесняю себя в эпистолярном жанре, вы ведь знаете, миссис Бридон.

— Но я же понятия не имел, что оно ваше! Просто вчера утром ваш племянник уехал, а поскольку я его упустил, то решил, что неплохо осмотреться в доме, может, удастся найти объяснение пожару и... ну, всякому такому. Увидев письмо от сокрушающейся тетушки, не указавшей свою фамилию, я подумал, не будет чрезмерной нескромностью бросить на него взгляд. И конечно, оно объяснило, почему ваш племянник уехал именно в указанное время.

— Ей-богу, снимите вашу маску непроницаемости, мистер Бридон. Я прекрасно понимаю, к чему вы клоните. Вы хотите сказать, Вернон сообщил вам, что отправился в Мортон приготовить дом, поскольку я должна была приехать с ночевкой. И зная, какой он врун, вы хотели убедиться, что он таки туда доехал. Ну что ж, могу вам доложить, доехал; разумеется, если вы поверите на слово почтенной супружеской паре, живущей в доме и при необходимости ухаживающей за всеми, кто в нем останавливается. Они рассказали мне, что Вернон примчался, запыхавшись, и даже отказался от обеда, сказав, что поест на обратном пути. Он, конечно, велел все для меня приготовить, что было совершенно излишне. Но в то, что Вернон проделал без малого двести миль из желания позаботиться, чтобы мне — именно мне — было удобно, — поверить невозможно. Я понятия не имею, что ему было нужно, но дом он торопливо обежал. Нет, он не подровнял мне простыни на кровати, это я бы заметила. Судя по тому, что вы рассказали, могу заключить: вы подозреваете, будто он приезжал в Мортон припрятать клад с острова Эрран. Ладно, может быть, но если так, то действовал он в спешке и не мог найти по-настоящему надежное место. А ведь он знал, что я приеду, и ему прекрасно известно, что я

любопытная старуха, которая повсюду шарит, поскольку ей хочется, чтобы все было в порядке.

— Скажите, а вам известно что-нибудь о его шофере, миссис Уочоуп?

— Не могу себе представить, чтобы у него была такая игрушка, как шофер. Чем бы он платил? Ну а теперь мне в самом деле пора. Я же еду к Летти Кокрейн...

— Но обедаете вы здесь, — уточнила Анджела. — Миссис Макбрейн так старалась. Вас там все равно ждут не раньше чем после обеда.

— Дорогая, вы просто великолепны. Не хотела вам говорить, но я просто умираю с голода; знаете, ведь мы выехали в семь утра. Если бы вы и впрямь кинули мне маковое зернышко, да еще попросили бы хозяев накормить на кухне шофера, я могла бы потом заехать на благотворительную ярмарку в Бирнивуд. Там как раз правит бал Летти Кокрейн, так что все чудесно устраивается. Вы, наверно, как англичанка не посещаете такие места? Здесь это главное развлечение, думаю, вам известно.

— Мы, правда, не собирались, — признала Анджела, — но почему бы и не поехать, если, конечно, Майлзу не захочется непременно убедиться, что мистер Летеби не отправится еще куда-нибудь по делам. О, а вот и мистер Палтни. Мистер Палтни, миссис Уочоуп. А вы примете участие в благотворительной ярмарке, мистер Палтни? Он приехал сюда на рыбалку, миссис Уочоуп, и вчера поймал лосося, так что, думаю, обязательно должен появиться на ярмарке, чтобы принять поздравления всех важных персон, не так ли?

— Если будут разыгрывать призы, можете на меня рассчитывать, — откликнулся мистер Палтни. — Странным образом обожаю это занятие, хотя, сколько помню, ни разу не выиграл ничего существеннее флакончика духов.

— О, такого вы там не найдете, — покачала головой миссис Уочоуп. — Здесь все серьезнее. Туда едут заключать сделки, а не просто для того, чтобы вас ободра-

ли как липку. Какая у вас замечательная кухарка и какой чудесный вид из окна, если бы мне хоть что-нибудь было видно.

Благотворительная ярмарка проходила в сельском клубе, подобающе случаю, хоть и без излишнего усердия украшенном гирляндами. Половина лотков была завалена тем, что Бридон классифицировал как «гнусно бесполезные» предметы — рамки для фотографий, безделушки, каминные экраны и все, что валяется в доме от одной ярмарки до следующей; вторая половина торговала «продуктом». Это, по-видимому, означало, что у вас имелся шанс вернуться домой с головкой сыра или оленьей ногой, купленной по сниженной цене. Никто точно не знал, к чему приурочена ярмарка; она являлась уважительной причиной и приятной возможностью для всех, больших и маленьких, проделать много миль и обсудить последние новости под добротным филантропическим предлогом. Призы не разыгрывали, что было большой удачей, так как мистер Палтни остался дома присматривать за пересекающими мост автомобилями. Что до Бридона, резвость, с какой он изъявил готовность поехать с компанией, озадачила Анджелу, осведомленную о его крайней неприязни к любого рода социальному обременению. У Майлза, однако, имелась цель: кто-нибудь мог что-нибудь знать о том, кто пару недель или месяц назад, до его появления здесь, приезжал в эти края, кто уезжал, а кто-нибудь мог поделиться полезной версией, скажем, о том, кто же все-таки погиб в гараже.

Ему повезло почти сразу же. Леди Летти Кокрейн, сказав речь о том, как она рада видеть столь представительное собрание соседей, воспользовалась этим удачным стечением обстоятельств и в надежде, что никто не уйдет отсюда, не купив чуть больше, чем собирался, принялась обходить зал с огромным и особенно уродливым пледом из шотландки, который разыгрывала в лотерею как принадлежавший потомкам старинной дина-

стии скотоводов, о чем поведала Бридону миссис Уочоуп. Возможно, заметив, что нового гостя зрелище коробит, леди Летти не попыталась выдать приобретение пледа за удачную сделку, а ловко воззвала к лучшим чувствам:

— Возьмите билет, мистер Бридон. Я продала их уже довольно много, поэтому шансы, что вы выиграете, ей-богу, мизерные. Дома я просто видеть уже не могу этот плед. Купила как-то у одного из кочующих торговцев, разъезжал в такой малюсенькой машинке. Он торговал отвратительным хламом, даже не понимаю, как он собирался его распродать, если только кто-нибудь не купил у него что-нибудь из милосердия. Бедняга, похоже, совершенно не разбирался в своем ремесле.

Бридона вдруг осенило — а именно благодаря этой способности он, как когда-то сказал директор «Бесподобной», стоил десятка толковых работников.

— А у него, случайно, не было такой бело-розовой бабочки? — спросил сыщик.

— О, от всей души надеюсь, это не ваш близкий друг! Я не сказала ничего страшного? Именно такая бабочка, что придавало ему даже какой-то трогательный вид.

Убедившись далее, что у торговца были белесые усы, но не добившись от леди Летти, чтобы она точно вспомнила день, когда он заезжал («может, две, а может, три недели назад, я все время путаю даты»), Бридон отважно приобрел шесть билетов, демонстративно проигнорировав широко раскрытые глаза Анджелы, стоявшей всего в паре ярдов. Жена его приписала это упорству, а вот леди Летти, когда Майлз предложил избавить ее от невыносимого пледа и пошел с ним по людям, возможно, приписала его действия чему-то большему, чем повреждение рассудка. Но сыщик знал, что делает; у него в руках оказался пропуск, позволявший заговаривать о коммивояжерах со всеми посетителями, и он только и старался наводить разговор на этот предмет, самым наплевательским образом манкируя обязанностями продавца.

— Нет, — сказал ему сэр Чарлз Эрдри, — сам я обычно не беседую с такими людьми, иногда это делает невестка. Но мне всегда сообщают о подобных визитах, потому что, видите ли, иные из торговцев не вполне ангелы во плоти, и полезно знать, кто у нас тут разъезжает. Не стану отрицать, я украдкой нет-нет да и взгляну на них из-за занавески. Абсолютно уверен, за последнее время в замок никто не приезжал с пледами. Мы ведь, как вам известно, живем в стороне, не всякий возьмет на себя труд сделать крюк и, возможно, убедиться, что я уехал по делам на юг.

Не больше удачи сопутствовало Бридону и в беседе с пастором из Глендауни.

— Странно, что вы спрашиваете меня об этом, мистер Бридон. Месяца два назад ко мне в самом деле заезжал человек, торгующий пледами. И что вы думаете? Он был черен, как вороново крыло. Вы, осмелюсь предположить, не вполне отдаете себе отчет в том, насколько это невероятно. Однако не так давно в этих ущельях, завидев чернокожего, полагали, что встретились с самим Окаянным — так у нас в Шотландии именуют князя тьмы. Едва ли была удачная идея посылать такого торговца. Должен вам сказать, когда в наших краях встретишь на пустынной дороге негра с огромным тюком пледов на спине, возникает довольно странное чувство. Они, однако, отличные носильщики, эти ребята. Но, разумеется, дешевые легковые автомобили намного облегчили жизнь тем, кто проводит ее в дороге. Не так давно я слышал о торговце, о котором вы спрашиваете. Кажется, моя жена видела его на шоссе. Но к нам он не приходил, в этом я совершенно уверен.

Несколько человек — сложность была в том, что Бридон не хотел спрашивать у них ни имен, ни адресов, если только они не горели желанием рискнуть и приобрести билет, чтобы вступить во владение пледом из шотландки, — засвидетельствовали, что видели разъездного торговца в маленьком автомобиле. Обитателей Стратдауни Бридон решил не расспрашивать, поскольку они едва ли были старше его самого. Ему, однако, не удалось укрыться

от взоров леди Гермии, которая налетела на него из дальнего угла зала и приковала к себе, выказав интерес к пледу. (У нее не хватило наглости назвать его «премилой вещицей», как выразился мистер Маклин, который в отличие от Дженнингс билета не купил.) По всей видимости, даме захотелось поговорить о Верноне Летеби с человеком, которого она по не вполне очевидным причинам сочла близким по духу.

— По-моему, с вашей стороны было прекрасно, мистер Бридон, сразу подняться наверх и вытащить несчастного Вернона из постели. Ведь если бы его не разбудили, все могло бы кончиться ужасно. И так-то все ужасно! Бедный этот Хендерсон! Но мне не очень жалко Вернона. Я считаю, друзья иногда дурно на него влияют. Но ведь вы, мистер Бридон, я уверена, и подумать не можете, что Вернон как-то замешан в этой истории. Говорят совершенно кошмарные вещи — впрочем, их всегда говорят, — договорились до того, что он запер компаньона в гараже и поджег. Я отвечаю таким, что, даже если вы не знаете Вернона, как знают его некоторые, какой же смысл выкидывать подобные номера? Нет, конечно, деньги ему нужны, но ведь там хватило бы на всех, правда? У меня просто слюнки потекли, когда я увидела в сундуке украшения и все прочее. Вы ведь не думаете, ведь не думаете же, что эта история может вызвать интерес у стражей закона? У Вернона столько врагов, они готовы пойти на что угодно, а гниль всегда воняет, правда? Но вы справитесь, я хочу сказать, если вас пригласят свидетелем, ну, что-нибудь такое, вы покажете им, насколько смехотворны все обвинения.

Бридон пришел в замешательство, преодолеть которое ему было тем труднее, что он снова перехватил взгляд жены, пытавшейся его рассмешить. Он как мог утешил леди Гермию. Сон Летеби, то, как он проснулся, скорее всего, говорит о том, что его опоили, если только он не виртуозный артист, уверил Бридон — вполне искренне. Сыщик также поделился с собеседницей мнением миссис Уочоуп

по поводу упомянутого обвинения, не приведя, правда, ее доводов.

— Но должен сказать, — добавил он со слабой надеждой, что его слова будут переданы по назначению, — храня такое упорное молчание, Летеби вредит себе, создавая тем самым впечатление, будто ему есть что скрывать. А вы не откажетесь, леди Гермия, ответить на один вопрос, который, возможно, покажется дерзким? Вам, к примеру, известно что-нибудь о бородатом шофере, который привез Летеби на остров? Сейчас вы поймете, почему меня это беспокоит. Если шофер оставался на острове — хотя, как вы помните, когда мы пришли, на звонок никто не ответил и, судя по всему, никого третьего там не было, — но если он все-таки оставался на острове, неотвратимо встает вопрос, чье тело нашли в гараже — шофера или Хендерсона. А когда мы ответим на него, встанет следующий: был ли это действительно несчастный случай, или Хендерсон убил шофера, или шофер убил Хендерсона. Так или иначе следователь поинтересуется признаками сговора Летеби с убийцей. Поэтому мне очень жаль, что Летеби продолжает делать тайну из вопроса о шофере.

— О, но тут нет никакой тайны! Вернон совершенно открыто все мне рассказал. Шофера у него нет, просто нет денег платить. Кроме того, он сам неплохо водит. Но когда он собирался на остров, ему втемяшилось устроить спектакль из триумфального возвращения к очагу предков, ну любит он такие штуки. Так вот, по каким-то делам ему нужно было в Глазго, и в пабе он познакомился с человеком, который тут же начал рассказывать ему о своем горе. Он был водителем грузовика и попал в аварию, в которой, по его словам, совершенно не виноват, но его вышвырнули на улицу, и он никак не может найти работу. Вернон не очень ему поверил. Решил, вдруг тот замешан в какие-то преступные дела и отрастил бороду, чтобы его не узнали. Но он умел держать руль, потому что права и все такое у него были, и Вернон дал ему прокатиться пару миль, чтобы посмотреть. Потом предложил опла-

тить расходы, ну и еще чуточку, если тот довезет его до острова Эрран. Вернону показалось, что здорово будет по пути играть на волынке, понимаете? Вот так все и получилось. Предполагалось, что шофер проведет на острове всего одну ночь. Конечно, никто не хотел, чтобы он оставался дольше, потому что вид он имел весьма жуликоватый и его присутствие при находке клада было просто-напросто опасно. В действительности шофер не остался даже на ночь, заявив, что в таком пустынном месте ему не по себе. Его высадили на берегу и дали денег на автобус до Инвернесса. Проблема только в том, что если он нужен как свидетель, скорее всего, его не найти. Вернон не знает ни имени его, ни адреса, а шофер, по всей видимости, не из тех, кто откликнется на объявление в газетах, потому что, понимаете, может подумать, что это ловушка и полиция охотится за ним из-за прошлых подвигов. Так все наперекосяк, и все это Вернону по доброте сердца. Он просто не может видеть, как кто-то страдает, всегда такой был, понимаете.

— Понимаю. Боюсь, у меня будет к вам еще один вопрос, хотя вам он может показаться неприятным. Но все-таки я хочу его для себя прояснить. Когда Летеби вам все это рассказал?

Леди Гермия даже покраснела, как будто под сомнение была поставлена ее честность, а затем сказала:

— Да, наверно, вы не могли не спросить. Все-таки вы не знаете Вернона так, как я. Думаю, не будет вреда сказать вам. Я позвонила ему сегодня утром и попросила подбросить меня на ярмарку. Я не была уверена, что справлюсь с автомобилем мужа, и обратилась к Вернону с просьбой прислать мне шофера. А он поведал мне эту историю. У него нет от меня никаких секретов, ни единого.

Время шло, и необходимость расширить круг членов клуба самоубийц, разыгрывавшего кошмар из шотландки, дала Бридону предлог отойти. Он не до конца поверил, что у Летеби вовсе нет секретов от его самопровозглашен-

ного ангела-хранителя, но как-то заробел расспрашивать леди Гермию дальше — а вдруг это правда? Лотки с «продуктом» уже почти смели; оставшиеся столики теперь торговали по чисто номинальным ценам, и саше из лаванды можно было получить практически даром. Посетители начали разъезжаться, и под занавес состоялась лотерея. Когда плед достался миссис Уочоуп, Бридон испытал чувства человека, только что убившего лучшего друга. Однако благородство леди достойно выдержало испытание.

— Пригодится для домашнего театра, — пожала она плечами, — а может, мне удастся забыть его в поезде. Да и вообще, я на бренной земле задерживаться не собираюсь и знаю, как распорядиться этой гадостью. По завещанию она отойдет Вернону Летеби.

Есть основания опасаться, что объяснения, которые Бридон предложил жене по поводу своего поведения на ярмарке, не произвели на нее особого впечатления. Она внимательно выслушала соображения мужа, будто он, в отличие от нее, не хочет близко сходиться с населением округи и надеется, что его усилия уморить их разговорами про сокровища усопшего принца не прибавят ему популярности в глазах местной знати и землевладельцев, и они показались ей не вполне убедительными.

— Ну, как бы то ни было, — уже искреннее добавил Майлз, — тактика имела одно преимущество. Как распорядитель я выбросил свои билеты.

Глава 13

НАЖИВКА

Ливень, предреченный пророками от метеорологии, привыкшими к погодным схемам Юга, скроенным на Би-би-си, так и не обрушился на Высокогорье, но всю вторую половину дня моросило, от чего мокроты было не меньше, чем от дождя; и всепроникающая сырость грозила малярией и ревматизмом — подверженным к нему страдаль-

цам. Так что Анджела без особой благосклонности отреагировала на намерение мужа выйти в безжалостную ночь, провозглашенное им после ужина.

— Да черт бы тебя побрал, — возмутилась она. — Кроме Летеби уже не за кем следить, клад исчез, а ночка не из тех, чтобы кому-то пришло в голову искать сокровища, которых нет. Вот вчера, когда ты говорил, что ничего не случится, случился пожар, убийство и бог знает что еще. А теперь, когда убивать больше некого и дождь такой, что погасит и пылающую цистерну с бензином, ты собираешься на улицу, чтобы промокнуть до нитки. Прошу тебя, сделай попытку быть благоразумным.

— Дорогая Анджела, в тебе говорит твоя славная, такая доверчивая природа. Я иногда думаю, что потому на тебе и женился, и уж точно поэтому ты вышла за меня замуж. Неужели ты не понимаешь, что именно в такую ужасную ночь — проще просветить рентгеном гиппопотама, проглотившего гайку, — я и жду подвоха? Допустим, Летеби больше некого убивать, но может, у него остался клад, который неплохо бы спрятать. Или найти. Может, он сунул его под кухонный шкаф и ждет именно такой ночи, чтобы убрать подальше. А может, как он говорил, клад где-нибудь закопал оплакиваемый Хендерсон, и Летеби не терпится, чтобы наступила именно такая ночь и никто не увидел, как он его опять найдет и уж на сей раз присвоит. А может, нужно разметать или уничтожить какие-то следы, и как раз такую ночь Летеби вымаливал, чтобы не делать этого на виду у любопытных Бридонов. Нет, я не говорю, что все так и есть, но это чертовски вероятно.

— Майлз, мне не нравится, что ты отправишься туда один. Лодка исключается, в такой пучине ты просто утонешь. А я не в восторге от мысли, что ты воспользуешься мостом и, скорее всего, угодишь в ловушку. Как ты собрался идти?

— Ну вообще-то сначала я хотел пройти вниз по течению, в лес, напротив того места, где они нашли клад, ну, откуда мы подсматривали.

— Вообще-то? Сначала? Какие загадки. Майлз, обещай, что прежде чем твоя нога ступит на мост, ты вернешься и попросишь у меня разрешения, или... Или я иду с тобой. Провалиться мне на этом месте.

— Не ходить по мосту без твоего разрешения? Хорошо, обещаю. Впрочем, думаю, я ненадолго. Спорю, вы с Палтни не успеете разгадать кроссворд из «Юпитера», как я уже вернусь. Если тебя это утешит, надену непромокаемый плащ.

— В самом деле, нелегкое испытание иметь такого мужа, — сказала Анджела, когда они с Палтни пересели к камину — миссис Макбрейн, привычная к летним месяцам в Высокогорье, зажигала его, даже не спрашивая. — Шпионит за жуликами как заправский полицейский, и хотя, конечно, у него бывают толковые мысли, но как защититься, если одна из этих мыслей окажется пагубной, он знает не лучше нас с вами. Миссис Уочоуп утверждает, что Летеби не в состоянии совершить убийство, и это, конечно, прекрасно, но, если честно, я вовсе не уверена, что он не убил Хендерсона. Он, разумеется, был в стельку пьян — Хендерсон, я имею в виду, — во всяком случае, мы из этого исходим, так что не составляло особого труда его укокошить. Но я убеждена, Летеби о совести даже не слыхал и вполне может оказаться намного умнее, чем, пуская пыль в глаза, представляется своим родственникам. Ну скажите же что-нибудь, мистер Палтни. Хотя убейте, не знаю, чего бы мне хотелось: чтобы вы согласились со мной или принялись возражать?

— Ваше восхитительное умонастроение позволяет мне высказать искреннее мнение, не раздумывая о том, хочется ли вам слышать именно его. Мое впечатление от Летеби — однако не забывайте, что я знаю его только по разговорам, а также тому немногому, что видел во время пожара, — состоит в том, что он неизлечимый позер. Чем больше я живу на свете, тем больше убеждаюсь, что существует два типа людей — я хочу сказать, людей, о кото-

рых вообще имеет смысл говорить: те, кто делает дело, и те, кто фонтанирует идеями. Знаете, в этой фразе из «Гамлета» немалый смысл:

> И так решимости природный цвет
> Хиреет под налетом мысли бледным...*

Я бы ничуть не удивился, если бы мне довелось услышать, что этот Хендерсон кого-то убил. Мне думается, он был человеком поступка, отклонявшим любые соображения, которые шли наперекор его выгоде. Он действовал, а не стоял в сторонке, наблюдая за своими действиями, если вы понимаете, что я хочу этим сказать. А вот Летеби из породы рефлексирующих, вечно стремится произвести эффект, будто смотрит в зеркало — как я выгляжу? Впрочем, не забывает и о том, какое впечатление производит на окружающих. Этот человек — однако я могу глубоко заблуждаться, мое незнание жизни пугающе, даже в школьных делах — не из тех, кто будет действовать в сложную минуту или в момент опасности продемонстрирует быструю реакцию. Не исключено, если он решит, что жертва слаба, то может замыслить убийство, хотя я сомневаюсь даже в этом: он будет так долго думать, как бы похудожественнее убить, что жертва опомнится, прежде чем ее принесут в жертву. Но я никак не могу себе представить, чтобы он нанес удар — не говоря уже об убийстве, — в горячке. Я вообще сомневаюсь, что мистеру Летеби знакомо это состояние. Если прохожий вдруг толкнет его на улице и он упадет, его главной заботой будет поприличнее подняться; пройдет время, прежде чем он задумается о том, что хорошо бы отплатить. Но я бы долго колебался, прежде чем проверить реакцию на такой демарш, скажем, простого грузчика. Тот, скорее всего, толкнет меня в ответ, даже не задавшись вопросом, а может, у меня имелась веская причи-

---

* У. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт III, сц. 1. Пер. М. Лозинского.

на, извиняющая нестандартное поведение. Боюсь, я говорю путано, но вы понимаете, что я хочу сказать о Летеби, не правда ли?

— Понимать-то я понимаю, но не уверена, что меня это убеждает. Вы говорите, Летеби вряд ли может кого-то убить, даже хладнокровно. Тогда как же он умудрился убить Хендерсона? А если не он, то кто? Разве есть другое объяснение трупу в гараже? Оставим вопрос о мотивах, но кто имел возможность убить?

— Вы меня ради бога простите, однако я испытываю большое искушение ответить вам — почти кто угодно. Предположим на секунду — на одну воображаемую секундочку, понимаете? — что это ваш муж. Мистер Бридон сменил меня вечером около одиннадцати. Вернулся домой после полуночи, сказав вам, что был на острове, но не желая говорить, чем именно там занимался. Не успели вы приготовить ему горячий напиток, как загорелся гараж. Чисто теоретически, исходя из возможного, у кого той ночью были все шансы сделать это, как не у мистера Бридона? Пожалуйста, не думайте...

— Не извиняйтесь, мистер Палтни. У Майлза еще какой мотив. Он состоит на службе у Компании и, возможно, решил, что так лучше всего перекрыть Хендерсону возможность удрать с сокровищами, вследствие чего Компании придется раскошелиться. А кто еще?

— Ну, сэр Чарлз Эрдри.

— О, такой милашка! И потом, его-то что могло сподвигнуть?

— Возможно, у него финансовые затруднения, о которых нам ничего не известно. И допустим, нашему хозяину нужен весь клад, и он совершенно не хочется делиться с теми, кто его нашел. Он убивает Хендерсона, уверенный, что в убийстве обвинят и повесят за него Летеби, или тому придется бежать из страны. Вы ведь заметили, он не производил впечатления человека, который жаждет, чтобы юноша остался на острове. Может быть, именно по этой причине.

— Но мы могли увидеть его на мосту. Он ведь знал, что мы следим, не так ли?

— Несомненно. Но когда вода стоит низко — а в среду она стояла низко, — до острова можно добраться не только по мосту. В процессе изучения рыбьего мира я кое-что узнал о реке, и, уверяю вас, с того берега, то есть откуда сэру Чарлзу удобнее идти, на южную часть острова можно перебраться почти что вброд; проплыть придется всего пару ярдов. Однако оставим сэра Чарлза, все-таки он ваш друг. Обратимся к компании, проживающей в Стратдауни. Ее составляют люди действия, в чем не усомнится ни один человек, ставший свидетелем того, как неосторожно они отпиливают ветки деревьев, под которыми стоят беззащитные люди. Откуда они могли узнать, что начался пожар, если только кто-то — один человек или несколько — не бодрствовал поздно ночью и просто-таки ждал, что подобное должно произойти? Мотив? Они явно недолюбливают Летеби и могли по ошибке вместо него убить Хендерсона. Или леди Гермия сочла необходимым устранить Хендерсона, поскольку тот оказывал тлетворное влияние на Летеби. Что-то в этом роде.

— Боже милосердный, мистер Палтни, ну у вас и фантазия! Я понимаю, к чему вы клоните, хотя... Обычно, если убийца хоть чуть-чуть непростой, очень трудно разобраться, как кто-то вообще мог оказаться на месте преступления в момент его совершения. В нашем же случае сложно понять, почему один мог там быть с большей вероятностью, чем другой. Остров, где стоит один-единственный дом, в пяти минутах от каждого берега на рыбацкой лодке, до которого почти с любого места доплывет даже посредственный пловец; живут там, похоже, всего два человека: один таинственный незнакомец, на которого всем наплевать, другой эдакий публичный человек, у любого зачешутся руки его пристрелить, едва завидит, — да, все это дает немалый простор воображению. Странно, но Майлза, кажется, не шибко интересует убийца. Его беспокоит только этот заплесневелый клад, который кто

угодно мог закопать где угодно. Просто не понимаю, как он собирается во всем разобраться.

— Резонно предположить, что появление трупа и исчезновение клада взаимосвязаны.

— Ну да, наверно. Подозрительно только, если они не взаимосвязаны. Или все-таки связаны? Слушайте, если произошло убийство, то убийца либо Летеби, который на виду, либо Хендерсон, местонахождение которого неизвестно, либо третий, мистер Икс, который есть чистая догадка. Вы говорите, это не Летеби. Но напрягите чуточку свое богатое воображение. Если все-таки он — для чего?

— Исхожу из того, что вы сейчас отождествляете несчастную жертву эксперимента с Хендерсоном. Зачем Летеби убивать Хендерсона? Ну, когда речь идет о дележе, один лучше, чем два. Хотя тут возникает вопрос, как они договорились с сэром Чарлзом. Если последний поставил условием пятьдесят на пятьдесят, то вторые пятьдесят доставались компаньонам или выжившему компаньону. Но если он сказал: Летеби, вам я даю двадцать пять процентов, а вам, Хендерсон, еще двадцать пять — тогда вторые двадцать пять процентов отходят наследникам и душеприказчикам Хендерсона, и мотив для убийства исчезает напрочь.

— Черт подери, а это в самом деле неплохо бы выяснить. Я скажу Майлзу. Но предположим, Летеби все-таки получает вторую четверть, если убивает компаньона. Вы полагаете, это убедительный мотив?

— Если честно, нет. По оценке мистера Бридона, общая сумма от продажи клада не достигнет большого количества того, что на языке, имеющем довольно узкое распространение, называется, если не ошибаюсь, тити-мити. Представления не имею, откуда взялся этот поэтичный образ. Немногие, полагаю, станут подвергать себя риску очутиться на виселице и уж точно подставляться под косые взгляды окружающих, если им не гарантировано миленькое вознаграждение.

— Но ведь это такой же аргумент против того, что Хендерсон убил совершеннейшего незнакомца.

— Мне думается, не такой уж веский. Хендерсон из тех, кто, будучи однажды оправдан присяжными, может легко укрыться от взоров общества и посмеиваться над его суждениями. Но трудно понять, какая была необходимость исторгать из рядов человеческого сообщества совершеннейшего незнакомца. Предположим, он стоял между Хендерсоном и сокровищами, но ведь можно было найти куда более гуманный способ от него избавиться. Если, конечно, — впрочем, вам уже наверняка приходило это в голову, — если Хендерсон не собирался просто раствориться и убил незнакомца так, чтобы тело приняли за его собственное. Но тогда почему он не сразу умыкнул клад, пока его компаньон без чувств валялся в постели? В свидетели того, что он так не поступил, можете взять мои собственные глаза. Или он вернулся за сокровищами, когда на острове было полно пожарных, землевладельцев и на диво мускулистых охотников? Верится с трудом.

— Да, загвоздка. Потому что то же самое можно сказать, если незнакомец, Икс, убил Хендерсона. Он бы сразу усвистел вместе с кладом, пока можно было спокойно уйти, а не оставлял бы его там, чтобы предоставить вам возможность порыться в сундуке.

— Именно. И еще одно возражение против того, что Летеби убил Хендерсона. Естественно было бы сначала убить или хоть оглушить жертву, а уж затем оставить в гараже без сознания, чтобы она сгорела. Но в таком случае, зачем запирать дверь, подчеркивая, что это дело рук убийцы? Почему не оставить ее открытой, как при несчастном случае?

— А может, он хотел помешать Майлзу, ну, или первому, кто придет, раньше времени проникнуть в гараж?

— Но там есть окно. Ведь существовала возможность бросить или просунуть в гараж ключ, и мы пришли бы к выводу, что Хендерсон заперся сам и был слишком пьян, чтобы выбраться.

— Значит, вы думаете, что это просто совпадение — пожар и исчезновение сокровищ в одну ночь? — подытожила Анджела, с крайне недовольным видом подперев подбородок кулаками.

— Ничуть, — отозвался мистер Палтни. — Я просто предположил, что убийство, если это было убийство, едва ли совершили только из-за клада. Но разбушевавшийся пожар предоставил спонтанную возможность прикарманить сокровища. Кто-нибудь из учтивых спасателей, как, насколько я понимаю, полагает и сам Летеби, мог поддаться искушению и прихватить его с собой. Или Летеби решил укрепить свое финансовое положение, спрятав где-нибудь сокровища и заявив, что Хендерсон, который уже ничего не может сказать в свою защиту, с ними удрал — ну, чтобы получить страховку.

— Что ж, кажется, мы так ни в чем и не разобрались. Интересно, а что там поделывает Майлз? Обычно он не врет, хотя иногда опасно близок ко лжи.

Пока Анджела беседовала с учителем, на острове кое-что произошло. Впоследствии, рассказывая об этом жене и мистеру Палтни, Майлз Бридон избрал стиль остросюжетного романа, подробно излагая события и предоставляя им догадываться, о ком идет речь. Поскольку, как он выразился, в такую темную ночь нельзя с уверенностью сказать, кто есть кто. Мы не станем приносить читателю наши извинения за то, что передадим рассказ сыщика в первозданном виде, так как ему (читателю), возможно, к этому моменту разгадать загадку намного проще, чем Анджеле.

Дом на острове Эрран стоял в своего рода выемке у подножия холмика, точнее, пупырышка, по окружности укутанного густыми кустами рододендрона, а наверху поросшего пихтами. На острове почти не было ровных участков, так что северная часть дома поднималась, так сказать, на один этаж выше южной; «лишний» этаж занимал подвал, который практически не использовался.

Связывая стеклянную дверь главной гостиной — «французское окно» — с внешним миром, к ней вели каменные ступени футов десяти высотой, даже довольно изящные. У этой двери часов в девять в темный вечер пятницы вырос силуэт человека; свет падал сзади, так что его было не узнать. Человек постоял некоторое время, глядя во мрак беспечным взглядом того, кто бесцельно проводит время, а не силится что-то рассмотреть.

Через несколько минут, не увидев никого в доме, незнакомец вышел из тусклого туманного света, которым незашторенное окно прорезало окружающую тьму. Он обернулся, словно пытаясь убедиться, что в гостиной горит лампа, и бесшумно двинулся по узкой тропке, которая вела вниз к северной оконечности острова. Если у него и был с собой фонарь, он его не зажигал и с трудом прокладывал себе дорогу по ненадежной земле, поскольку даже не тропа ему указывала направление, а просто примятая трава. Незнакомцу то впивался в ногу длинный ус ежевики, то его обхватывал орляк, который ломался, когда он пытался выпутаться, то тихое чавканье предупреждало о том, что он ступил на заболоченную почву. Кругом стояла такая тишина, что звуки шагов можно было услышать в нескольких ярдах; их заглушал лишь неумолчный гул воды на порогах, ослабляемый высотой и расстоянием. Незнакомец имел такой вид, будто боялся, что за ним наблюдают, — время от времени останавливался, выжидал, словно проверяя, не вызвали ли его передвижения ответных действий в подлеске.

Дойдя до подножия склона, человек продолжил путь к мысу. Вдруг раздался резкий звук металла о скалу, как будто незнакомец что-то уронил. Только здесь включив электрический фонарь, он поднес его близко к земле, сузив круг света до предела. В вереске расплылось пятно голого камня, и он что-то бросил на землю. Упавший предмет откатился и после недолгих поисков обнаружился почти у самой тропинки. Это была золотая монета. Человек несколько мгновений постоял не разгибаясь, как буд-

то не мог решить, поднимать ее или нет. Затем медленно распрямился и продолжил путь, оставив монету.

Через какое-то время усилившийся шум указал ему, что он подошел к краю скалы, к стремнине. Было так темно, что человек поцарапался о стоявшую тут скамейку. Он опять включил фонарь и направил луч на выступ скалы, явно отыскивая ступени, ведущие к воде. Высветив их, он немного постоял, пошарил руками в темноте и уронил еще одну монету. Проверив, куда она упала, незнакомец очень осторожно начал спускаться по ступеням. При свете дня спуск был безопасен, но в темноте приходилось идти медленно, неуверенно; несколько раз, прежде чем двинуться дальше, незнакомец воспользовался фонарем. Наконец он остановился на неровном плато прямо напротив маленького островка с тремя пихтами, что угнездился посреди бурного потока. Третья монета выпала из его руки, и опять послышался звук металла о камень.

Незнакомец подошел к самой воде, где до островка было ближе всего, и бросил туда золотую монету. Она блеснула в свете фонаря, который он держал перед собой; и хотя кромка островка за бурлящей водой была освещена слабо, выступ ярдах в пятнадцати можно было различить и таким образом убедиться, что монета долетела. Теперь, двигаясь более легко и уверенно, так как всем нам проще карабкаться наверх, нежели спускаться вниз, незнакомец снова поднялся по ступеням на вершину скалы и пошел по тропинке непринужденным шагом человека, ступившего на путь домой. Он, однако, пошел не той тропой, которая вела обратно к дому, а левее, вдоль восточной скалы, мимо того места, где два дня назад был найден клад.

— Ужасно скучная история, особенно в твоем изложении, — был комментарий Анджелы. — Что-то вроде сказки Оле Лукойе? Ведь смешно думать, что ты при этом присутствовал, поскольку, как послушный мальчик, обе-

щал мне не переходить мост. Но почему ты торчал там так долго? Пока тебя не было, мы с мистером Палтни почти решили загадку.

— Если помнишь, я обещал, что моя нога не ступит на мост. По счастью, ограждение в неплохом состоянии, и всякий, кого в школе гоняли в спортзал...

— Майлз! Ты просто непереносим! Мистер Палтни, призываю вас в свидетели, какая омерзительная разновидность вранья. И этот человек называет себя моим мужем!

— Должен признаться, вследствие длительного знакомства с обычаями, принятыми у молодежи, и в результате довольно любопытной аберрации мои нравственные убеждения несколько пострадали, — ответил мистер Палтни. — Как оказалось, я способен закрыть глаза на нравственную низость обмана, если он сопровождается достаточной степенью художественной изобретательности. Находчивость мистера Бридона, не говоря уже о физической ловкости, если он в самом деле на руках перебрался по перилам, полагаю, трудно переоценить. Несомненно, он прибегнул к уловке...

— О, вы все просто безнадежны. Ладно, слушай, Майлз. Я прощу тебя при одном-единственном условии — если ты расскажешь мне, зачем все это было нужно. Видит бог, мы не купаемся в роскоши, чтобы ты разбрасывал соверены по острову Эрран. Хотя, черт подери, откуда у тебя соверены, если мне приходится делать покупки при помощи этой грязной мелко нарезанной бумаги?..

— Успокойся, Анджела. Подобное проявление раздражительности в присутствии нашего гостя едва ли подобает занимаемому нами положению. Что ж, видимо, мне придется отчитаться за время, прошедшее после благотворительной ярмарки. Я и так собирался все вам рассказать, поскольку, понимаете, вы можете оказаться полезными.

— Боюсь, мне неминуемо придется оказаться полезной. Но если ты вручишь мне мошну с соверенами, не ду-

май, что я потрачу их на игру в догонялки, им найдется применение получше.

— Если быть точным, это были не в полном смысле соверены. Речь идет о золотых монетах эпохи Георга III; в подобных случаях очень важна точность. Видишь ли, они должны послужить наживкой.

— То есть Летеби должен их найти и прийти к выводу, что они выпали из сундука с кладом? Но, по-моему, ты говорил, в сундуке, который они выкопали, не было монет, только сережки, несессеры, что там еще?

— Верно. И если бы я был уверен, что в твоем распоряжении имеется несессер 1745 года производства, я бы немедля у тебя его позаимствовал. Но поскольку такого предмета в твоей косметичке я не припоминаю, то был вынужден задействовать все свои возможности, чтобы его заменить. Убедившись, что я могу вступить во владение этими ценными экспонатами, и будучи твердо уверен, что дирекция компенсирует мне расходы, я рискнул использовать четыре из них — в общем-то больше у меня и не было — как наживку. Да, Летеби должен их найти; и его реакция обязательно покажет нам, кто он на самом деле — человек, который потерял клад, или человек, который его укрывает.

— А как мы увидим его реакцию? Нас ведь там не будет.

— Ты будешь. Не позже, чем завтра утром. Ни свет ни заря. Я же в это время буду удить рыбу с мистером Палтни.

— Удить рыбу? Да ты не отличишь муху от червяка.

— Если ты настаиваешь, я поинтересуюсь ценами на гольф в Нэрне. Но мне кажется, рыбалка лучше, потому что если ты используешь предлог, хорошо бы все видели, что это правдивый предлог. Честно говоря, я не думаю, что в такой воде можно что-нибудь поймать, но Палтни собирается показать мне, как забрасывать удочку. Так что вы с Летеби с острова будете иметь возможность за нами наблюдать.

— Ладно, с этим ясно. А каковы будут руководящие указания мне?

— Значит, ты подойдешь к дому, как я уже сказал, очень рано утром, поскольку лучше избежать неприятностей. Не надо, чтобы Летеби нашел монеты, когда его никто не видит. Ты его попросишь, достаточно убедительно, сходить с тобой к северной оконечности острова посмотреть на реку. Конечно, он может отказаться, но думаю, шансы, что он предложит себя в сопровождающие, довольно высоки, особенно если ты применишь толику своего обаяния.

— О, не волнуйся. Полагаю, мне надо будет зорко смотреть, подмечая места, где разбросаны монеты, и если возникнет угроза, что Летеби их не увидит, я как-нибудь эдак наклонюсь, давая ему шанс.

— В точности так. Когда вы дойдете до скамейки, ты немного полюбуешься видом, а потом скажешь: как здорово было бы, дескать, подойти к воде. Только ему, конечно, идти не надо, потому что он, конечно же, очень занят, и ты совершенно спокойно сама можешь спуститься по ступеням, потому что, слава богу, не боишься высоты. После этого он, разумеется, захочет пойти с тобой, и ты невзначай поведешь его к монете номер два, это у верхних ступеней, и номер три, та внизу. Что касается монеты, которую я забросил на островок, ее, может, видно, а может, и нет. Но мне кажется, он непременно должен увидеть по меньшей мере одну, и если он хоть чуть-чуть честный человек, то поднимет ее и скажет: «О, это что еще такое?» А монета на островке должна совсем его взбудоражить, так как наведет на мысль, что Хендерсон или еще кто-нибудь спрятал клад именно там, а туда не добраться из-за высокой воды.

— Вечно у тебя какие-то невероятные идеи. Ладно, я все поняла. А если монеты исчезнут раньше?

— Боюсь, это будет означать, что Летеби нельзя считать честным человеком. Кроме того, тогда он ранняя пташка, что никак не укладывается в мою схему.

Глава 14

В САДУ У ТОМА ТИДЛЕРА

Слова «ни свет ни заря» нежданно-негаданно были с треском опровергнуты. Облака ночью ушли, и хотя с влажной земли поднимался пар, солнце раскочегарилось рано и предвещало день бездыханной жары. Дауни, правда, еще мутилась водоворотами — ей требовалось время, чтобы смыть воды, скопившиеся на вершинах холмов.

— Интересно, а когда Летеби завтракает? — спросила верная своему слову Анджела. — Большинство холостяков по-свински долго валяются в постели. Кроме учителей, конечно, — заметила она из уважения к мистеру Палтни. Но затем, вспомнив, как он вчера ее подставил, сказала: — Но им, разумеется, приходится рано вставать, так что это не считается.

— Возможно, нам прояснит ситуацию миссис Макбрейн, — предположил учитель. — Она, насколько понимаю, отвечает у Летеби за снедь, с тех пор как Летеби схарчил Хендерсона... если позволите использовать подобное выражение, — добавил он, заметив мученическое выражение на лице миссис Бридон. — Могущее служить иностранцам прекрасной иллюстрацией богатства нашего английского сленга.

— Я возьму фотоаппарат, — решила Анджела. — Слава богу, захватила его с собой. Желание сфотографировать стремнину куда убедительнее, чем желание просто посмотреть на нее. Майлз, хочешь я сниму физиономию Летеби крупным планом, когда он увидит, что остров вымощен золотом? Или подошвы его ботинок, когда он будет карабкаться по скале? А что, вполне оригинальный способ определения следов. Люблю шутить за завтраком, просто чтобы посмотреть на Майлза, — объяснила она. — Бедняга, всегда завтракает с такой важностью. Как вы помните, за завтраком после свадьбы жених с невестой должны

жевать хлеб с мармеладом, чтобы все вокруг почувствовали, что такое брак*.

— Полагаю, — рискнул Бридон, — ты доводишь себя до кондиции, чтобы блеснуть беседой с несчастным Летеби. Признаю, мне он никогда не нравился, но сейчас просто сердце кровью за него обливается. А-а, вот и миссис Макбрейн. Миссис Макбрейн, вы не могли бы сказать нам, когда обычно завтракает мистер Летеби? Поскольку миссис Бридон мечтает сходить на остров и уговорить его прогуляться с ней, чтобы сделать несколько фотографий.

— О, я уверена, сэр, джентльмен не будет возражать, чтобы она поснимала, если ей так хочется. Думаю, он встал, сэр, потому что всегда, когда я прихожу убираться в половине одиннадцатого, он уже при параде. Джентльмен пьет чай, по-моему, это все; видите ли, он не из тех, кто питается строго по часам — иногда, когда прихожу, я вижу, что он отрезал себе ломоть хлеба и шмат ветчины и съел прямо в кладовке. Может, ночью, а может, днем — трудно сказать. Но я уверена, он будет рад, если миссис Бридон его навестит. Ему, должно быть, не хватает общества, он же там один-одинешенек.

— Великолепно, — сказал Бридон, когда миссис Макбрейн, поклонившись, вышла. — Час икс настал. Не теряйте времени, сударыня, надевайте поскорее вашу непромокаемую обувь и вперед, труба зовет. Мы с Палтни приложим максимум усилий, чтобы пережить ваше отсутствие. Когда ты попросишь Летеби показать тебе место, где они нашли клад, то увидишь нас на берегу. Мы будем упражняться в забрасывании удочки. А к обеду я, возможно, созрею для утомительного с тобой собеседования.

Остров, покрытый росой и залитый солнечным светом, казался горой серебра. Паром клубился набухший влагой мох; пар собирался каплями и падал с нависающих березовых ветвей в роще; пар блестел на жесткой тра-

* См. роман У. Коллинза «Тайна».

ве, на орляке, на сером налете листьев азалии. С дальнего берега, с холмов медленно уплывал последний туман. На мгновение пристанище клада почудилось почти гостеприимным, словно за ночь испарилось довлевшее над ним проклятие. По крайней мере, Анджелу не терзали предчувствия, одолевавшие ее мужа два дня назад; она с легким сердцем прошла по подъездной аллее и черенком лопаты, единственным имевшимся поблизости подручным средством, постучала в приоткрытую дверь.

Летеби не вышел поинтересоваться, кто к нему пришел, как будто ожидал гостей. Он был без пиджака и в домашних туфлях; брился, возможно, вчера, но точно не сегодня. В Челси, однако, особенно не церемонятся, и Летеби нисколько не сконфузился.

— Заходите, заходите, миссис Бридон, — сказал он. — Позавтракаете? Или еще чего-нибудь? Хотя полагаю, вы уже давным-давно позавтракали. Я на самом деле только из-за стола. И не говорите мне, что миссис Макбрейн заболела, вдруг утратила трудоспособность или еще что-нибудь в этом роде. Вы ведь не для этого пришли? Я было думал, что более или менее в состоянии управиться с хозяйством, однако оказывается, без миссис Макбрейн оно не доставляет ни малейшего удовольствия.

— Нет, благодарю вас, у нас все в полном порядке. Просто я немного заскучала в одиночестве, поскольку Майлзу пришла в голову безумная мысль научиться удить рыбу. Вот, решила сделать пару фотоснимков, и мне подумалось, а не будете ли против, если я попрошу вас сходить со мной к оконечности острова, знаете, напротив погоста. Боюсь, за пару дней до вашего приезда мы самым злодейским образом сюда вторглись и обошли остров по тропинке. То место поразило меня своей красотой. Если бы его только можно было прилично снять. Не то что фотоаппарат... — Тут Анджела запнулась и слегка покраснела, вспомнив фотографию карты, о которой Летеби, конечно, было прекрасно известно и которой ее муж придавал такое значение.

Однако Летеби ничуть не смешался.

— Да, вы правы, — сказал он. — Фотоаппарат всегда врет, не так ли? Знаете, если вы секундочку подождете, я сейчас надену настоящие ботинки и отведу вас туда. Все-таки еще слишком сыро. На самом деле я не задумывался о том, что здесь довольно красиво, но если настроиться на эту волну, остров действительно вполне симпатичен. Вы уверены, что не хотите шерри или еще чего-нибудь?

Анджела была поражена, как непринужденно Летеби поддерживает нечто вроде светской беседы в этом хлеву, да к тому же находясь под подозрением в мошенничестве, поджоге, а может, и убийстве. Не менее поразилась она и тому, как легко ей передалось настроение хозяина. Если судить по небрежной манере вести разговор, у него действительно кристально чистая совесть. Неужто так оно и есть? Или эта совесть просто-напросто атрофирована и способна отпускать шуточки в тени виселицы?

Они неторопливо шли по тропинке, поскольку оба вроде бы никуда не спешили. Анджела заводила разговор на самые разные темы, но все время выворачивала на ботанику, чтобы иметь возможность пристально всматриваться вниз, на землю, и, можете не сомневаться, лихо этой возможностью пользовалась. То она задавалась вопросом, зачем рододендроны пускают ростки так близко к земле, когда ясно, что люди их потопчут; то вспоминала, как няня в детстве запрещала ей есть чернику; то наклонялась в попытке уловить целебный запах восковницы; то восклицала при виде красивых или особенно странных поганок, фантастическому росту которых способствовал недавний дождь.

— Как она похожа на рулеты с вареньем, которые подают в ресторанчиках «Тайгерс», правда? Нет, вы только гляньте на эту запеканку! Спорим, при близорукости недолго и перепутать.

Так бойко она молола языком, а в душе испытывала нечто вроде отчаяния. Они уже должны были дойти до то-

го места, так подробно ей описанного, где лежала первая монета: слева от тропинки, рядом с выступом скалы. Вот ведь этот выступ? Но в низкой траве ничего и не думало блестеть. И Анджела всерьез сорвала глянцевую имитацию творожной запеканки; ей вдруг пришла в голову абсурдная мысль: может, гриб так вымахал за ночь, что зонтиком накрыл искомую монету? Нет, под грибом ничего не было.

Анджела торопливо нагнала спутника, ее задержка могла вызвать вопросы. А вдруг человек, который в дезабилье с таким видимым удовольствием курил утреннюю сигарету, уже прошвырнулся по тропинке и подобрал золотую наживку? Ладно, даже если так, рассуждала она, Летеби вряд ли дошел до ступеней на скале и, уж конечно, не спускался вниз. Они приблизились к единственно недостающему звену в цепи ловушек, которые могли изобличить подозреваемого...

Когда показалась скамейка под пихтами, Анджеле, дабы не выйти из роли, первым делом пришлось всмотреться в сказочный островок, который казался таким воздушным, что странно было, как его не унесли бурлящие воды, в цитадель из скал, в обглоданные деревья, в опасные, поросшие вереском склоны на том берегу, в надгробия на погосте Глендауни над вершинами холмов.

— А что, Карл Эдуард вполне мог припрятать там лишний багаж, а? — воскликнул Летеби. — Уверен, с тех пор на этом камешке побывало не так уж много человеческих существ. А если спустить лестницу, туда не так уж трудно добраться. Впрочем, можно даже попробовать прыгнуть с шестом.

Неужели, спросила себя Анджела, человек, который так легко рассуждает о способах перебраться на островок, мог всего пару часов назад пройти по цепочке соверенов? И монеты привели его к тому самому месту, о котором он сейчас разглагольствует? И теперь он убежден, что пропавший компаньон в самом деле перепрятал туда клад? Если так, способность Летеби блефовать безгранич-

на, у него даже голос не дрогнул. Зато Анджеле, когда она отвечала, пришлось взять себя в руки:

— Да, странно, что об этом не подумали. А знаете, мистер Летеби, боюсь, отсюда объектив не захватит вид. Если вы покажете, где тут ступени, я, пожалуй, спущусь к воде. Ради бога, не трудитесь спускаться сами. Со мной все будет в порядке, я совершенно не боюсь высоты. А у вас, думаю, куча дел.

— Ну разумеется, я спущусь. Ничто не придает такую изюминку жизни, как мысль о том, сколько всего тебе нужно сделать. Ступени вот тут, справа.

Они прошли мимо разросшегося густого орляка, заслоняющего обрыв; за ним еле заметная тропинка вела к спуску, который тоже вроде был отвесным, однако, как выяснилось вблизи, служил началом головокружительной овечьей тропы. Ни на подступах к ней, ни по бокам Анджела не увидела золотой монеты. Пучки вереска давали надежную опору ногам на тропе, которая футов двадцать вела вниз; затем начиналась узкая деревянная лестница, на которой мог поместиться всего один человек. Дальше шел уже более пологий спуск, и ступени, вырезанные в естественных отрогах скалы, позволяли одолеть финишную прямую без особых сложностей.

Анджела пошла первой и обнаружила, что идти намного легче, чем казалось сверху. Единственной серьезной опасностью было то, что лестница, как и почти все деревянные сооружения на острове, кое-где подгнила и под человеческим весом могла просто рухнуть с поддерживающих ее опор. Увидев это, Анджела крикнула Летеби подождать, пока она сойдет с лестницы, и, внимательно осматривая каждую следующую ступеньку на предмет ее прочности, быстро спустилась. Какое-то время она стояла внизу и смотрела, как на фоне крутого обрыва, сверху обрамленного густой бахромой орляка, Летеби делает первые осторожные шаги по лестнице. Отвернувшись, миссис Бридон стала изучать вырезанные в скале ступени, и тут сзади, чуть повыше, послышался резкий скрежет ме-

талла по камню, что-то несколько раз отскочило от скалы и улеглось в нескольких футах от нее. Это был ключ.

Не составляло особого труда понять, откуда он взялся. Ключ, Анджела не сомневалась, выпал из вместительного кармана куртки Летеби, возможно, словившего какой-нибудь торчащий из полуразвалившихся перил лестницы гвоздь, который его и вывернул. Ей захотелось крикнуть, чтобы молодой человек не разбрасывался личными вещами, когда внизу стоят люди, но она вспомнила, что действует от имени заговорщиков, что имеется загадка, которая просто кричит о том, чтобы ее разгадали, и что ключ играет в ней некую роль. Вероятность, что это тот самый ключ от гаража, стремилась к нулю, но попытка стоила свеч; при необходимости несложно будет незаметно вернуть пропажу Летеби. Анджела засунула ключ в пояс платья и, когда провожатый присоединился к ней у нижних ступеней, не сказала ни слова — сам он, судя по всему, ничего не заметил. Миссис Бридон не замедлила привлечь его внимание к растению, которое буйно росло у подножия скалы, и спросила, что это, не морской ли укроп. Что вообще такое морской укроп и почему поэт называет безумцем того, кто его рвет?* Летеби ответа не знал, но Анджеле было все равно. Она по инерции искала глазами золотую монету и ничего не могла найти.

Упорная безденежность острова начинала действовать ей на нервы и отвлекать внимание от окружающего. Обрывки дурацких стишков из игры, в которую она недавно играла с детьми, стучали у нее в голове.

Мы идем в огромный сад,
Здесь живет Том Тидлер.
Будем мы везде искать
Золотые фишки.

Искать надо было очень осторожно, затаив дыхание, потому что Том Тидлер притворялся, что спит, хотя все

---

* См.: У. Шекспир. Король Лир. Акт 4, сц. 6.

прекрасно знали, что он только притворяется. На острове Эрран из игры ничего бы не вышло, атмосфера здесь была какая-то жуткая... Анджела усилием воли встряхнулась и, отстегнув со спины фотоаппарат, подошла к громко шумевшей воде. Фотосъемка, по крайней мере, давала возможность пристальнее присмотреться к островку. Анджела напрягла зрение и прямо напротив, у самой кромки воды, увидела золотой кружок.

Под предлогом того, что ей нужен совет по поводу расстояния, высоты, лучшего ракурса каменистой поверхности, миссис Бридон все время оборачивалась к Летеби и видела, что его взгляд просто прикован к берегу, где лежала монета. Но он так и не дал понять, что заметил ее; даже не прищурился, разглядывая, что же там блестит. Анджела, разумеется, тоже не проронила ни звука, однако была немало смущена его молчанием. Может, он близорук? Или молчит, поскольку ожидал увидеть там монету и не хочет этого показать? К счастью, разбираться в этом Майлзу, не ей. И Анджела решила посвятить свое внимание тому, что сейчас было настоящим. Скалы, деревья на них сияли непереносимой красотой, и она просто обязана сделать приличный снимок. С вероломной любезностью миссис Бридон позволила Летеби снять ее на фоне островка.

Условлено было, что обратно, к мосту, Анджела поведет Летеби по тропинке в скале, чтобы он увидел забрасывание удочек в действии. Но теперь она решила отменить этот пункт программы. Надо, чтобы Летеби отвел ее обратно в дом, а там при помощи какой-нибудь хитрости, которая пока еще не приняла у нее в голове отточенную форму, она от него избавится и вставит ключ в замок сгоревшего гаража. Миссис Бридон была почти уверена, что завалы еще не разобрали, а дверь, насколько она помнила, развалилась, рухнув частично в гараж, частично на улицу. Чтобы проверить ключ, потребуется не больше минуты, замок все равно где-то там... Должно получиться.

— Мистер Летеби, — сказала она, — вы позволите сфотографировать дом, просто чтобы закончить пленку? С южной стороны, где сейчас солнце, он, мне кажется, такой симпатичный.

Возле дома Анджела краем глаза увидела на пепелище гаражную дверь, и ее осенило.

— Знаете, по-моему, невозможно сделать хорошую фотографию дома, если никого нет в окне. Вы не очень против, если я попрошу вас взять бокал и предстать, скажем, во втором окне слева? Это было бы так мило, с вашей стороны. Боюсь, я до смерти вам надоела.

И Летеби, продемонстрировав непомерную добрую волю, снялся во втором окне слева. По расчетам Анджелы, хозяин никак не мог догадаться, что, пока он поднимался по лестнице, гостья вставила ключ в замок гаражной двери и обнаружила, что он подходит.

— Чтоб тебе пусто было, — сказал Майлз Бридон, когда она вернулась домой. — Я полдня забрасываю эти штуки с какими-то дурацкими ниточками, насаженными на крючки, Палтни пытается убедить меня, что очень важно делать это правильно, а ты с Летеби даже не показываешься. Ну почему, скажи на милость, женщины не могут общаться с представителями противоположного пола так, чтобы не забывать обо всех предшествующих договоренностях?

— Спросил он, не подозревая, что женат на самой изощренной воровке всех времен и народов. О, Майлз, как мне повезло!

— И все-таки, что с монетами? Давай сначала про них.

— Ты имеешь в виду, как отреагировал Летеби, когда их увидел?

— Вообще-то, я тебя туда посылал именно за этим.

— Никак не отреагировал, он их не видел. В конце концов...

— Не видел? Что, погасло солнце, а он вдруг ослеп? Я думал, такой нехитрый маневр тебе по силам. Ты не провела его мимо монет?

— Еще как провела. Их там просто не было.

— Не было?! Это худшее из всего, с чем мы до сих пор сталкивались. Неужели он следил за мной ночью, а потом все подобрал? Но зачем, черт возьми? Кому еще гулять по острову кроме нас? А нам он всегда мог помешать. Хотя, думаю, все так и было. А это, заметь, доказывает, что Летеби вовсе не душа нараспашку, ничего подобного. Он проглотил наживку и вопреки нашим ожиданиям не сделал ответного хода. Значит, теперь нам кое-что о нем известно. А что монета, которую я зашвырнул на островок?

— С ней все в порядке, ее невозможно не увидеть. Но если Летеби ее и заметил, то он очень неплохо владеет собой. Даже не дрогнул, а, поверь мне, я внимательно за ним наблюдала.

— Ну да, не мог же он ее сунуть в карман, там все-таки вода. Черт, как бы я хотел знать, видел ли он меня ночью. Понимаешь, мне надо было, чтобы он решил, будто монеты выпали несколько дней назад, в ночь пожара, если точнее; причем выпали у Хендерсона. А-а, должен был сказать себе Летеби, так это Хендерсон умыкнул клад! И потом отреагировать как честный или, соответственно, бесчестный человек. Но если он видел меня ночью...

— А он точно тебя узнал? Ты говорил, было так темно.

— Ну, он мог догадаться, что это я. Не так уж много тут народу. Главное, если он меня видел, то наверняка понял, что это ловушка, и тогда его реакция не так интересна. Делать нечего, надо попробовать что-нибудь еще. А что ты там, кстати, говорила про везение?

И Анджела рассказала про ключ. Непосредственным комментарием на ее повествование был долгий свист, и Бридон, обхватив голову руками, какое-то время сидел, обдумывая новые обстоятельства дела.

— Что, много не вытянешь? — спросила наконец Анджела.

— Ну почему же. Видишь ли, по словам сэра Чарлза, который, в свою очередь, передал мне слова Летеби, последний вообще не знал, что гараж запирается на ключ.

Что не так уж и невероятно в этих удивительных краях, тут все ходят где и как им заблагорассудится. И не так уж невозможно, что ключ валялся на видном месте, а Летеби просто не знал и не потрудился узнать, для чего он. Но ты не будешь запихивать себе в карман ключ, причем довольно тяжелый, если не собираешься его использовать или уже не использовала.

— Однако запихнуть ключ ему в карман мог кто-то другой.

— Теоретически да, например, в ночь пожара. Но шансы, что за это время Летеби его там нашел, невероятно высоки. А значит, он не выложил ключ только потому, что знал, для чего тот нужен, и был твердо намерен оставить его у себя. А значит, даже если Летеби стал обладателем ключа нечаянно, он просто-напросто обманул сэра Чарлза и, подозреваю, полицию тоже. Но я действительно не понимаю, почему он не выбросил его в реку, а держал в кармане, откуда тот запросто мог выпасть во время головокружительного спуска со скалы. Нет, тут что-то не так с этим ключом. Так и можешь написать домой своим детям.

— Скажи, а ты не можешь использовать ключ для очередного теста на реакцию? Первый, если я правильно понимаю, по большому счету провалился. Если, как ты говоришь, Летеби прекрасно знает, что это за ключ, и не хочет с ним расставаться, то довольно скоро он его хватится и наверняка захочет вернуть. А мы можем подбросить его туда, где он будет искать — хоть в то место, где он его и потерял. Посмотрим, придет ли он.

— Да, но, знаешь, мы все-таки граждане, и меня неотступно преследует мысль, что нам стоит попридержать ключ и передать его полиции. Там, несомненно, захотят посмотреть отпечатки пальцев, ну, если они подозревают Летеби, что, предполагаю, они и делают. Я мог бы попытаться и сам, но это вряд ли много даст. Головка у ключа не плоская, там нет поверхности как таковой. И все-таки, думаю, лучше с ним не расставаться.

— Конечно, ведь отпечатки пальцев ни о чем не скажут — пальцев Летеби, я имею в виду. Он же должен был держать его в руках, после того как кто-то — кто бы ни был — засунул ключ ему в карман, правда?

— Да, хотя на ключе, конечно, могут обнаружиться еще чьи-нибудь отпечатки. Но тогда мы не будем знать чьи. О господи, как же мне хочется разобраться, в чем тут дело!

— Какая жалость! Я-то думала, мой ключ тебя подбодрит.

— Знаешь, давай пока забудем, что кто-то мог сунуть ключ Летеби в карман. Что означает ключ? Он означает, что Летеби запер в гараже Хендерсона, или его труп, или еще чей-то труп, и по сути сжег, повернув ключ в замке. Но зачем? Человек в гараже почти наверняка был уже мертв, ну по меньшей мере без сознания, когда начался пожар.

— А почему, собственно?

— Поскольку, судя по тому, как горел огонь, он вспыхнул в гараже. Сначала выгорело все внутри, а потом уже занялись стены. Значит, смысл запертой двери не в том, чтобы не дать человеку выйти, а в том, чтобы на довольно длительное время предотвратить его спасение или обнаружение тела. Дверь сделана грубо, внизу щели, я сам в них смотрел, но, разумеется, из-за дыма ничего не увидел. И ты хочешь мне сказать, что на свете найдется преступник, который не засунет ключ под дверь, чтобы все выглядело, как несчастный случай?

— Если только кто-то не хотел, чтобы это выглядело, как убийство.

— Ты имеешь в виду, что некто Икс совершил убийство и затем попытался спихнуть его на Игрека, где Игрек предположительно Летеби? Но зачем? И почему он не стырил клад, если намеревался это сделать? И для чего так старался инсценировать несчастный случай? Ведь лампа должна была подвести нас именно к такому выводу. Если, конечно, это в самом деле не несчастный случай. Нет,

воля твоя, не самое убедительное объяснение, во всяком случае, какое-то неаккуратное. Подкладкой такой схемы почти наверняка является месть, а это не вяжется с компанией Летеби — Хендерсона. Такие гоняются за деньгами, все, что они делают, они делают ради денег. Я с самого начала, как и говорил тебе, подозревал обман, но не такой. И если бы не запертая дверь, то я бы уже раскусил орешек, ну или был бы чертовски близок к этому.

— Тогда слава богу, что дверь была заперта, потому что я не понимаю ровным счетом ничего, а ты настолько непереносим, когда сам понимаешь, а я нет... Майлз, скажи мне хотя бы одно. Как ты думаешь, Хендерсон погиб?

— О, в этом-то и заковыка. Как бы я хотел знать! Если он жив и бежал, оставив вместо себя труп своего заместителя, то почему без клада? Если причиной его смерти стал несчастный случай, кто и зачем запер дверь? Если его убили — кто и зачем? Летеби — единственно возможный ответ, и знаешь, это неправильный ответ. Я сегодня утром звонил сэру Чарлзу и спросил его, как ты и посоветовала, на каких условиях они договорились поделить сокровища. Он утверждает, что предложил двадцать пять процентов Летеби и двадцать пять Хендерсону. Так что Летеби вовсе не нужно было убирать Хендерсона.

— А если они собирались, так сказать, потерять клад и получить выплату по страховому полису?

— Тогда устранить Хендерсона было выгодно. Но устранив его до пропажи клада, Летеби не мог выдвинуть претензии к Компании. Последняя, насколько я ее знаю, не выплатит ни пенни, пока Хендерсон не объявится живым.

— Как все запутано, правда?

— Восхитительно сдержанная формулировка. Знаешь, иногда долгими зимними вечерами, когда у меня уже сошелся пасьянс и я из вежливости трачу свое драгоценное время, чтобы превратить в моток тот ворох, который ты умудряешься напутать из...

— Это не я, грубиян, это в магазине.

— Не важно... Так вот, когда я трачу час, а то и два, чтобы показать тебе, чего можно достигнуть, располагая набором по-настоящему ловких пальцев, то инстинктивно всегда тяну с конца, постепенно пробираясь к началу. Но иногда неплохо модифицировать подход, плюнув на конец и обратившись к началу. Если ты внимательно следила за моим образным сравнением...

— Ты хочешь сказать, что собираешься вернуться к началу истории? Погоди-ка, что это было? А-а, вспоминаю, первым делом тебя насторожила лодка не в том месте, где ей полагалось быть. Ты тут же принялся строить из себя сфинкса.

— Зачем вести дневник, если за тебя это делает жена? Ты права, именно так. Теперь давай отмотаем еще назад, если, конечно, у тебя получится. По всей видимости, передвинуть лодку могли только Летеби и Хендерсон. Если так — когда?

— Наверно, они пробрались на остров до начала срока аренды и провели там чудный денек. Помнишь, миссис Макбрейн говорила...

— Не обязательно. Если хорошенько подумать, даже маловероятно. В это время там рыбачил — надеюсь, я правильно использую термин — сэр Чарлз. Сто к одному, если бы эти ребята взяли лодку для увеселительной прогулки, то напоролись бы на своего будущего хозяина в момент, когда тот удит рыбу и не ждет нашествия незваных гостей. Если у них что-то было на уме, они вряд ли стали бы шуровать под носом у сэра Чарлза посреди бела дня.

— Да, но когда, кроме как посреди бела дня? Под каким предлогом они провели бы на острове ночь?

— Ты не до конца разматываешь. Этот дурацкий паводок заставляет думать, что река — огромное препятствие, которое если и можно преодолеть, то только на лодке. Но когда мы приехали сюда и за месяц до этого любой мог спокойно ее переплыть, а где-то, возможно, и перейти вброд, надо только знать где. Что мешало Хендерсону и Летеби вполне открыто приехать сюда и осмо-

треться? А потом они могли найти лодку и подумать: «О, почему бы не использовать?».

— Майлз, дорогой, а не может быть так, что ты чуточку непоследователен? Зачем такая полезная лодка, если, как ты говоришь, эту чертову речку легко переплыть?

— Ну, некоторые предпочитают ходить в сухой одежде. Кроме того, бедолаги, которым нужно перевезти тяжести — клад, например, — считают, что удобнее положить их в лодку, чем толкать, закрепив на какой-нибудь резиновой ерунде. Нет, при прочих равных всегда суди о других по себе. Когда я увидел лодку, мне сразу же пришло в голову, что ее можно использовать...

— Вообще-то это пришло в голову мне.

— Вот видишь, даже тебе пришло в голову, что она могла стать одной из тех удач, которой непременно воспользуется злоумышленник. Практически несомненно, что добытчики, напоровшиеся на лодку примерно за неделю до нашего приезда, подумали то же самое. Конечно, теоретически возможно, что они ее не трогали до начала срока аренды. Но если честно, мы знаем, что это не так. Поэтому не исключено, они использовали ее в ту самую ночь.

— Почему?

— Потому что они здесь были. Я даже начинаю думать, что Хендерсон наведывался сюда и раньше. Хотя если они разрабатывали совместный план, думаю, Вернон Летеби тоже мог счесть благоразумным присутствовать при его реализации. Должен же он был понять, что имеет дело с жуликом, что бы там ни говорил о Хендерсоне. Итак, я делаю вывод — вполне логичный с моей стороны, хотя он, конечно, может оказаться весьма далеким от истины: той ночью для каких-то своих целей они пользовались лодкой. Интересно, для каких.

— Мне кажется, ты хочешь сказать, что наши кладоискатели — по счастливой случайности или же обладая какой-то тайной информацией — нашли сокровища сра-

зу же, в первый свой приезд. А тогда у них очевидным образом мог появиться соблазн сразу его умыкнуть, оставив, скажем так, подонки, которыми потом можно поделиться с сэром Чарлзом и государством. Чем и объясняется то обстоятельство, что в сундуке не было ни одной монеты, так? Они могли взять деньги и оставить украшения.

— Да, может быть, как-то так. Но сейчас это не очень важно. Переместившаяся лодка означает, что на ней что-то перевозили. Тогда где они ее пришвартовали? На нашем берегу, где усадьба Стратдауни? Или на другом, где дорога ведет из Глендауни в Замок Грёз?

— Наверно, первое проще. Короче, я хочу сказать.

— Да, но тут дорога далековато от реки, а невесело топать по полю в темноте, когда не знаешь местности. Зато на том берегу дорога подходит прямо к реке. И уж конечно, там куда меньше народу. Тут в любую минуту можно наткнуться на Макбрейнов. В-девятых и в-последних, предлагаю поискать следы их передвижений. И без толку обшаривать наш берег, тут мы все уже обсмотрели, и слева и справа; непременно наткнулись бы на что-нибудь подозрительное.

— Ты хочешь сказать, что намерен пошерстить на том берегу, потому что там ты еще не был. Напротив южной оконечности острова, полагаю? Потому что дико было бы пытаться пришвартовываться на севере, где сплошные обрывы, до самого погоста.

— Да, там премилое местечко, прямо-таки создано для причала. Да так создано, что если орудовать в темноте, то тебя почти наверняка приведет именно туда. Пятьдесят к одному, что найти ничего не удастся. Но черт возьми, давай все-таки съездим после обеда. Я до смерти устал ждать, пока Летеби начнет действовать, а Палтни не прочь подежурить, до рыбы ему сейчас все равно не добраться.

— В любом случае не повредит, — согласилась Анджела.

Глава 15

ЗЕМЛЯК НОКСА

Они поехали по долине мимо усадьбы Стратдауни, намереваясь сделать круг и вернуться по мосту, что стоял ниже по течению. На обратном пути дорога вела мимо пасторского дома Глендауни, и Майлз вдруг выразил желание нанести визит его хозяину.

— Чтобы выведать что-то у Маклина, потребуется немало времени, — сказал он, — но я начинаю думать, что оно того стоит. Говорить придется тебе. Меня он записал в наглецы.

Холм слева резко забирал вверх и падал в котловину; лес сменился каменистыми откосами и склонами, кое-где поросшими вереском. С вершин холмов били в глаза блестящие каскады еще по-зимнему полноводных ручьев; мирная тишина и покой, не несущие угрозы, как на острове, заполняли все ваше существо, погружая его в безмолвное благоговение. Когда всякое человеческое жилье, казалось, отступило далеко назад, справа неожиданно выросли каменный мост и несколько домов; в пустынном уголке, где, по сути, нет селений, этого было достаточно, чтобы зваться деревней, и к Бридонам вернулось ощущение жизни. Они пересекли мост и двинулись по дороге, которая, петляя, время от времени заводила их на территорию Замка Грёз, где они несколько опасались встретить владельца, чье несвоевременное гостеприимство могло бы отвлечь их от цели. За замком дорога опять углубилась в лес, их окутала прохлада, а вид загородили наползающие папоротники и валуны. Но там, где дорога ныряла вниз и исчезала стена из деревьев, был слышен рев мятущейся Дауни, несущей к морю непривычный для нее груз воды.

За последней, самой низкой котловиной справа показались полуоткрытые в нерешительном жесте приглашения ворота. Покрытие под колесами тщетно претендова-

ло на звание дороги, хотя если на вашу машину можно было напялить гусеницы, у вас имелся шанс поближе познакомиться с рекой даже без риска вторгнуться в чужие владения. Майлз пришел к резонному выводу, что это и есть то место, которое они ищут: удобный подъезд к берегу, где рыбаки могут подойти к машине, которая отвезла бы их домой или, наоборот, подвезла бы подкрепление в виде бутылок и пакетов с сэндвичами. Одинокий крестьянин, корпевший над картошкой, вместо того чтобы оказать хоть какое-то сопротивление непрошеным гостям, поднес руку к кепке. Колея вихрилась следами множества колес, однако не столь четкими, чтобы можно было надеяться реконструировать полуночные события трехнедельной давности, если таковые и имели место. Ярдов через пятьдесят перед Бридонами вдруг выросла каменная стена, и они вынуждены были остановиться. Забравшись на нее, супруги увидели Дауни и выступ острова. Почти напротив дымчатое солнце отражалось от черепицы на крыше дома.

Никаких сомнений, берег, на который они вышли, был хорошо знаком лодкам. Естественная бухта имела около двенадцати футов в ширину, пологий откос очень светлого песка прямо просился под место для причала, однако высокая вода не оставила следов и не позволяла понять, как давно он использовался, хотя на гнилом деревянном шесте сохранились следы цепей. Любой, кому нужно переправиться через реку, неминуемо выбрал бы для причала именно это место. Слева, чуть повыше, рос высокий дрок, над которым нависали березы. Несколько дюймов влажного песка у кромки воды свидетельствовали о том, что шел, хотя и медленный, отлив. Единственные следы принадлежали кроликам, стягивавшимся сюда по вечерам на водопой.

— Убей меня, не понимаю, как ты, собственно, собираешься откопать что-нибудь на этом месте преступления, если, конечно, преступление имело место, — сказала Анджела. — В доме — совсем другое дело. Даже самая

нерадивая горничная время от времени протирает пыль, так что если где-то что-то лежит, примерно понятно, с каких пор. Но под открытым небом, там, где побывало неизвестно сколько народу, все просто занесет илом. Посмотри хоть на эти спички. Как понять, сколько времени они тут валяются: несколько недель или много месяцев? А вот этот лист приходской газеты — если это в самом деле приходская многотиражка (в любом случае для Летеби слишком благочестиво), — так залило дождем, что даже приблизительно нельзя сказать, когда его здесь бросили. А вон в дроке застряла какая-то тряпка, похоже на лоскут зонта. Просто невероятно, сколько везде клочков зонтов, хотя никогда не увидишь каркас. Тебе это не кажется подозрительным, Майлз?

— О, трещи себе на здоровье, но заодно пройдись по берегу, может, окажешься полезной и что-нибудь высмотришь. Конечно, такие уголки — на свежем воздухе, у реки — излюбленные пристанища бродяг, влюбленных, не знаю, кого еще. Хотя, смотри-ка, это уже интереснее.

— Что ты нашел? Неужели автобусный билет?

— Ты будешь смеяться, но это в самом деле автобусный билет. И не местный. Глазго, Каукэдденс — это ведь район Глазго. Но я имел в виду кое-что поинтереснее. Вот. — И Бридон протянул Анджеле грязные подтяжки для носков.

— Восхитительно! — воскликнула та. — Наверно, ты повезешь их в Глазго и покажешь по очереди всем старьевщикам в надежде, что кто-нибудь из них вспомнит джентльмена, которому их продал, да как тот выглядит. Проблема только в том, что находящихся в пользовании подтяжек для носков будет несколько миллионов, а если ты их разрекламируешь...

— Не валяй дурака. Ты полагаешь, подтяжки для носков — это просто подтяжки для носков. Какое заблуждение. Ты полагаешь, для сыщика — это пустой номер. Сильно ошибаешься. Сейчас я тебе докажу, насколько сильно. Прежде всего, я уверен, что данное изделие вы-

сокого качества. Может быть, конечно, их носил какой-нибудь приказчик из Инвернесса, но едва ли. Как понимаю, местная молодежь ими не пользуется. Довольно здравомыслящая, надо сказать, молодежь. Терпеть не могу подтяжки для носков. Дальше, лежат они тут недолго, поскольку, несмотря на дождь, не сильно полиняли. Следующее, как они могли спасть с ноги? Ведь они ее обхватывают, да еще прикреплены к носку вот этой маленькой резиновой прищепкой. Вряд ли они спали во время ходьбы. Даже если расстегнулись наверху, все равно ведь прицеплены к носку. Вывод: их сняли. Причем снял человек, который предположительно собирался либо купаться, либо грести на веслах.

— Звучит, конечно, убедительно. Но я не понимаю, что это тебе дает. Здесь могут купаться сотни людей.

— И много сотен ты видела после нашего приезда? А ведь почти все время стояло пекло. Знаешь, эти реки Высокогорья ужасно холодные; в них особенно не покупаешься, исключая детей, разумеется. Но дети не носят подтяжек для носков. А взрослые не очень плещутся в воде. Мне представляется, здесь, чтобы искупаться, раздевался взрослый человек, не очень давно и почти наверняка ночью.

— Почему ночью? Кто, кроме тебя, настолько безумен, что пойдет здесь купаться в полночь?

— Конечно, я предполагаю, но эту догадку подпирают два веских довода. Во-первых, высока вероятность того, что джентльмен оставит свою одежду именно там, где ее снял. А когда у него тут под носом остров и противоположный берег, где внезапно могут появиться дамы, он, как воспитанный купальщик, не станет раздеваться на открытом месте, ведь у него под рукой чудесная раздевалка в виде зарослей дрока. И во-вторых, тот, кто привык носить эти дурацкие подтяжки, стоит ему только снова одеться, тут же заметит, что одной не хватает. И он бы наверняка ее нашел, если бы было чем посветить. Поэтому я исхожу из того, что раздевался и одевался он в темноте.

— Ладно, а зачем ему вообще заниматься такими глупостями? Кстати, это ведь не ты? Или ты?

— Я уже сказал тебе — а по-настоящему заботливой жене это должно быть известно, — я не ношу эти ужасные подтяжки для носков. Только ради бога не заводи волынку, что одежду нужно содержать в порядке, как раз становится интересно. Итак, никто не будет купаться здесь в полночь ради удовольствия, значит, были дела. А поскольку мы пытаемся объяснить, почему лодка, стоявшая на причале у необитаемого острова, была отшвартована, думаю, позволительно высказать предположение, что нашему господину пришлось плыть на остров, иначе добраться до лодки он не мог. А так как лодку нужно было вернуть на место, то, после того как он закончил свои дела, ему с необходимостью пришлось плыть обратно. Как, с точки зрения логики?

— Еще какие-то подробности?

— Только то, что он, вероятно, спешил. В любом случае достаточно для демонстрации того, что не следует пренебрегать подтяжками для носков. Знаешь, если ты считаешь себя такой умной, можешь прочесать подлесок, вдруг найдешь что-нибудь более впечатляющее. А я тем временем займу свои титанические мозги этими подтяжками. Что же они, черт подери, затеяли? Что прятали тут в кромешной тьме, за много дней до того, как вообще по праву могли попасть на остров? Это, без дураков, не дает мне покоя.

Десять минут спустя Майлз Бридон слегка вздрогнул и, открыв глаза, увидел перед собой жену.

— Надеюсь, ты как раз ломал голову над тем, с какой ноги эта штука, с левой или с правой, — сказала она. — Потому что...

— Потому что ты ничего не нашла? Ладно, не переживай, с этим тоже можно работать.

— О, но кое-что я как раз нашла. Конечно, скорее всего, ты ее сам туда и подбросил, поскольку основное свое время тратишь на то, что расшвыриваешь по окру-

ге экспонаты восемнадцатого века. И тем не менее, если поднимешься и потычешь во-он там в песок... Разве я не умница, что оставила все, как было?.. Посмотреть стоит.

До находки нужно было чуть пройти по берегу, в тень уже упоминавшейся березовой рощи. Из песка возле нависающего берега выглядывал краешек небольшой коробочки. Майлз осторожно вытащил ее носовым платком, на случай если его отпечатки пальцев окажутся лишними. Коробочка напоминала табакерку из далеко не благородного металла. На внутренней стороне крышки обнаружился раскрашенный портрет. По парику и ордену Подвязки вы невольно идентифицировали бы изображенного на нем человека как принца Карла Эдуарда. Больше в коробочке ничего не было. В ходе дальнейших раскопок более сувениров также обнаружено не было.

— Кое-что понятно, — пробормотал Бридон, когда они опять уселись в машину. — Я хочу сказать, понятно, почему она здесь, но не как сюда попала. Или предоставить больше прав разного рода случайностям? Хотя я почему-то терпеть не могу этого делать.

— Противоречит моим догадкам, да? — спросила Анджела. — Помнишь, я говорила, что они могли снять, так сказать, сливки, а потом уже рассказать о кладе сэру Чарлзу. Блестящая мысль, однако эта табакерка, конечно, не обладает такой ценностью, чтобы ее немедленно хотелось прикарманить. Скорее любопытный экспонат, который лучше оставить для официального предъявления. Такая симпатичная, настоящая. Хотя, может, и редкая.

— Видишь ли, не исключено, что как раз поэтому ее и оставили. Не великая ценность, но по ошибке с ними перемешалась. Табакерку собирались переложить в другую кучку, но почему-то этого не сделали. Такая небрежность меня тревожит. Вне зависимости от ценности табакерку не могли сознательно бросить в кустах, ведь это навело бы на дьявольски мутные подозрения. А если она просто выпала? Но тогда очень странно, что поклажа была так

скверно упакована. Или она выпала из кармана? Тоже невероятная беспечность. И как узнать?

Хоть Бридоны и не были уверены, стоит ли по пути домой наведаться с визитом к мистеру Маклину, вопрос решился сам собой. Пастор стоял у ворот, как обычно, нетерпеливо поджидая слушателей. Восхищение, высказанное Анджелой при виде солдатского строя флоксов и табака на аккуратной грядке, оказалось вовсе не обязательным. Маклин, напрочь забыв о своем недовольстве скептичностью Майлза, был настроен на общение, тут же вызвавшись провести их по погосту и показать открывающуюся панораму. Вид приютившегося в брызгах стремнины острова без труда подвел разговор к пожару, трагедии и сокровищам. Пастор сам поднял тему.

— Мистер Летеби еще не уехал? — спросил он. — Я даже подумывал навестить его. Но мне сказали, против него не выдвинули обвинений.

— Не думаю, что он сейчас уедет, — ответил Бридон. — Тогда велика опасность, что обвинение таки выдвинут. Но он, знаете ли, бодр. Моя жена видела его сегодня утром.

— Да, мистер Летеби не производит впечатление человека, которого мучают угрызения совести, — кивнула Анджела. — Или проклятия. Мистер Маклин, прошу вас, расскажите поподробней об этом проклятии. Понимаете, мне так интересно. Мой муж настолько упрям, что не верит во всякие такие штуки, впрочем, у него никогда не было воображения. А ведь то и дело слышишь странные истории про дом, где нельзя жить и он годами пустует, про богатства, которые нельзя передать по прямой от отца старшему сыну. Вы правда полагаете, тут что-то есть? Я почти готова поверить, что это все ерунда, но очень трудно переступить через факты. Что вы об этом думаете?

— Господи, миссис Бридон, ради бога, не задавайте мне вопросы, ответы на которые доступны только богословам. Не стану утверждать, что я изучал эту дисциплину. А здесь, понимаете, скорее предсказание, нежели про-

клятие, как я и говорил уже мистеру Бридону. Жил тут давным-давно человек по имени Хэбингтон, он считался немножко пророком. Так вот он говорил, понимаете, что если кто-нибудь коснется клада принца Чарли, не будет мертвым покоя на погосте Глендауни. А с тех пор как начались разговоры о том, что приедут эти джентльмены копать сокровища, по долине пошли гулять темные истории, верьте моему слову. Странно только, что у людей начались видения не до, а после того, как раскопали клад.

— Какие видения, мистер Маклин? Умоляю, расскажите. Майлз ничего толком не сумел объяснить.

— Вот как? Но, насколько помню, я ему не так уж много и сказал. Видите ли, я долго живу на свете, миссис Бридон, и если чему научился, так это тому, что пока еще никому не повредило, ну или совсем чуть-чуть, — держать язык за зубами. Правда, если вам интересно почему, это другая история. Тут неподалеку живет один человек, его ферму отсюда не видно, но она всего в нескольких сотнях ярдов за островом, его зовут Пэттерсон. Он вовсе не дурак, этот Пэттерсон, довольно рассудительный для этих мест малый. Так вот, с ним случилась такая история. Както ночью он плохо спал, это было в июле, двадцать первого, он запомнил число, понимаете, потому что это день смерти Робби Бёрнса. Так вот, значит, как я уже сказал, он плохо спал и около двух часов пополуночи услышал, как у черного хода мяукает кошка, просится домой. Он вышел, впустил кошку — знаете, у него доброе сердце — и пару минут постоял на улице. Той ночью небо покрывали облака, а для нас здесь это имеет значение, могу вам доложить, потому что уже недели две как дождей почти совсем не было. По удачному совпадению, из-за облака всего на пару минут как раз выглянула луна и осветила реку — сами увидите, красота, да и только. Нет, не буду отрицать, в иную минуту, да еще ночью, можно легко ошибиться, в самом деле ты чего-то там видел или тебе привиделось. Но Пэттерсон упорно твердит, что видел, как к острову плыла лодка, не очень далеко от его жилища.

И, понимаете, она шла не по течению, а строго поперек, как будто ею управляли. Но странность в том, что в лодке никого не было, точнее, не было гребца.

— Простите, — вставил Бридон, забыв, что передал бразды правления Анджеле. — Вы хотите сказать, что в лодке никого не было? Или пассажир был, только он, насколько мог разобрать Пэттерсон, не греб?

— Понимаете, мистер Бридон, и да и нет. Насколько разглядел Пэттерсон, тот, кто был в лодке, грести не мог. По очень простой причине. Он был в гробу.

— В гробу! — воскликнула Анджела. — Но... вы ведь не хотите сказать, что он сидел в гробу? То есть Пэттерсон просто видел гроб в лодке?

— И ваш знакомый уверен в том, что это был именно гроб? — уточнил ее супруг.

— Видите ли, мистер Бридон, он не утверждал, что рассмотрел все гвоздики, с такого-то расстояния. Но предмет имел форму гроба, и, знаете, Пэттерсон еще сказал, что совсем забыл о предсказании старого Хэбингтона, ну, насчет того, что мертвецы не обретут покоя в могилах, хотя, конечно, и слышал о нем в детстве. Как вы понимаете, миссис Бридон, в долине немало людей, которые твердят, что пророчество сбылось. Но если вы спросите меня, верю ли я в него, я бы скорее воздержался от суждения. Я ничего такого не видел. Но я не одобряю подход саддукеев, которые все толковали по-своему.

— Мне показалось, вы говорили, — перебил Бридон, — что ходили слухи о каких-то огоньках, которые примерно тогда же видели в месте, где их в общем-то не должно было быть.

— Еще как ходили, мистер Бридон, но если честно, я не придаю им большого значения. Во-первых, вам это подтвердит и ваш друг мистер Палтни, тут водится лосось. И хотя мы живем далеко от города и браконьерство здесь не очень широко распространено, я бы не рискнул отрицать, что сему явлению может найтись вполне естественное объяснение. А во-вторых, приблизительно тог-

да же на склоне, вон там, случился пожар. Отсюда прекрасно видны последствия. Я сам поспешил на помощь, но огонь угас, прежде чем мы с Макбрейном добрались до места. Так вот если с другого берега смотреть на отражение, легко решить, что это огоньки на погосте Глендауни, хотя в действительности они на расстоянии целой мили, на склоне.

— Вы, наверно, не помните... запамятовали, какого точно числа это было?

— Прекрасно помню, в ночь на двадцатое, как раз перед тем, как Пэттерсон видел... ну, то, что он видел. Мне нужно было держать небольшую речь на скромном ужине, который мы устраивали в память Робби Бёрнса, и я помню, что накануне как раз прокручивал в голове основные тезисы, когда заметил на склоне огонь.

— А у вас здесь часто случаются пожары? Миссис Макбрейн, кажется, возлагает всю вину на отдыхающих.

— В сухое лето, как в этом году, всегда бывает несколько лесных пожаров, всегда ходят слухи о поджогах, но доказательств никаких. Чтобы в лесу начался пожар, много не надо, мистер Бридон. Но этот случился вовсе не в лесу, а на самом что ни на есть открытом холме, и сгорело-то всего несколько кустов утесника и пара бревен. Они были недалеко от дороги, пропитаны бензином, и мы подумали, что какие-то автомобилисты наладили на обочине небольшой пикник, разожгли для собственного удовольствия костер, а потом как следует не потушили, вот он ночью и разгорелся снова. Эти люди способны на все... я имею в виду народец, который ездит на дешевых автомобилях, — запнувшись, добавил пастор.

— Это плата за то, что вы живете в таких красивых местах, — вставила Анджела. — Подумать только, какой вид открывается из окна! Конечно, у вас будут злодеи на колесах вроде нас, шастают взад-вперед, только раздражают.

— А кстати, о похоронах. — Маклин снова взял тон, подобающий священнику. — Следователь сказал, что можно забрать останки несчастного Хендерсона, так что

погребение состоится завтра после обеда. Может быть, вы увидите мистера Летеби, так передайте ему день и час — в три часа, если ему удобно. С ним нужно бы посоветоваться, поскольку, полагаю, он является самым близким несчастному Хендерсону. Странно, как мало нам известно о семье и происхождении усопшего. Но, в конце концов, мы все здесь странники.

— Как чутко с вашей стороны, что вы принимаете участие в несчастье, — подольстился Бридон. — Видимо, никому не известно, к какой конфессии принадлежал наш бедный погибший. Судя по тому, что о нем рассказывают, он вряд ли часто посещал церковь.

— Мистер Бридон, — торжественно ответил пастор, — вы наверняка обратили внимание, что Хендерсон — имя шотландское. А если есть основания считать, что покойный был земляком Нокса*, Церковь Шотландии сделает для него все, что в ее силах.

Сообщить, что им пора ехать, выпало Анджеле, и предложение пастора выпить чаю — весьма робкое, поскольку, как оказалось, миссис Маклин отлучилась, — было решительно отклонено на том основании, что к Бридонам собиралась заглянуть миссис Уочоуп.

— Если мне не изменяет память, я впервые благодарен поэту Бёрнсу за факт его существования, — заметил Бридон по дороге домой. — По счастливому стечению обстоятельств, Маклин запомнил связанные с ним даты. Значит, пожар на холме в ночь на двадцатое. Затем предположительно, хотя, пожалуй, даже наверняка, двадцать первого — прибытие Летеби и Хендерсона для знакомства с островом. В ночь на двадцать второе — это, несомненно, странные передвижения лодок между островом и тем берегом. Все связано, не так ли? И все происходило больше чем за неделю до начала срока официальной аренды. Очень интересно.

---

* Джон Нокс (1510—1572) — шотландский религиозный реформатор, заложивший основы пресвитерианской церкви.

— Да, только какой же противный этот Пэттерсон, или как там его. Видел, как лодка-призрак плыла от берега к острову. Вот, наоборот, чудесно бы совпало с моим предположением насчет клада. Потому что, конечно же, длинный ящик в лодке точь-в-точь похож на гроб, правда? Нет, они не взяли его с собой — теперь я это понимаю, — ведь им надо было потом найти в нем клад, так? Правда, они могли перетаскивать в нем сокровища, и Пэттерсон видел их, как раз когда они везли его обратно. Кстати, похоже, ты пришел к мысли, что в гараже все-таки был Хендерсон?

— Ну, судя по всему, под этим именем он будет похоронен, а поскольку Хендерсон вряд ли когда-нибудь объявится в этих краях, не страшно, если это кто-то другой. Видишь ли, уже прошло время, а вроде бы больше никто не лишил общество своей компании, так что экономичнее предположить, что тело объясняет исчезновение. Единственное, как ты говоришь, что в таковом случае с Летеби?

Миссис Уочоуп, которая, как выяснилось, нанесла неожиданный визит племяннику, рассказала, что он впал в безнадежно бескомпромиссное состояние, не предпринимает ничего, чтобы снять с себя подозрения, и, похоже, даже не пытается предъявить права на страховую выплату за утраченный клад.

— Он бы хоть сделал вид, что честный человек, — негодовала тетка. — Разумеется, всем известно, что это не так, но, я думаю, если мы хотим удержать общество, известная доля лицемерия необходима. Сомневаться в том, что он нашел барахло, не приходится, как и в том, что оно исчезло. Если это он его стащил, то должно же у него иметься мужество хоть для кражи. Все, конечно, говорят, он, дескать, убил Хендерсона, а потом прикарманил клад, чтобы все выглядело, как будто вор и убийца — неустановленное лицо. Я, конечно, сказала ему, что от человека, действия которого являются предметом расследо-

вания, в свете все-таки ожидают умеренной жадности, но с таким же успехом можно говорить с ослом. Хотя, наверно, чем больше тайн, тем больше вам это по вкусу, мистер Бридон? Что может сравниться с чувством собственной нужности?

— Да, каюсь, не вполне уверен, что жажду его откровений, — признал Бридон. — Если у вашего племянника есть объяснение загадки и он держит его в тайне, было бы досадно получить ответ, как раз когда я чувствую, что способен отыскать его самостоятельно и недалек от этого. А если его преподобие блуждает в потемках, как и все мы, что, кстати, я вовсе не считаю невероятным, его правда может только сбить с толку. А скажите, миссис Уочоуп, если вы не против выступить свидетелем-экспертом против собственной плоти и крови, вы разбираетесь в якобитских реликвиях?

— Это почти неприлично, но кроме них меня мало что интересует. А вы что-нибудь нашли?

— Что?! Майлз нашел?! Да вовсе даже не он! — запротестовала Анджела. — Усилия, приложенные для обнаружения подлинных подтяжек для носков двадцатого века, повергли его в глубокую кому, а мне, пока он там пребывал, пришлось за него копать. Но знаете, миссис Уочоуп, вещица и впрямь чудесная. Где она, Майлз?

— Ах эта! — воскликнула леди, когда ей показали табакерку. — Да, таких не много. Одна стоит у меня в Мортоне. Понимаете, их рассылали главам якобитских семейств перед самым 1745 годом, чтобы они получили представление о наружности принца Чарли. Иначе, полагаю, вам в дверь беспрестанно стучались бы всякие бродяги, уверяя, что они и есть принц. Хотя, если подумать, такая вот картинка, как с коробки шоколадных конфет, создает очень слабое впечатление о человеке; это может быть любой молодой человек того времени. Конечно, все уже давно кануло в Лету, осталось всего несколько таких табакерок. Короче, великой ценности они не представляют, тут много не наторгуешь. Но вы, несомненно, видите

в этом ключ, мистер Бридон? Полагаю, было бы бестактно спрашивать, где вы ее нашли?

— Мы ее нашли — то есть, простите, Анджела нашла — на том берегу, у самой воды. Мы, грешным делом, подумали, что табакерка имеет отношение к кладу. Но если нет, то не совсем понятно, как она там очутилась. Однако вы говорите, вещица не бог весть что. И вероятно, никогда не имела особой ценности?

— Во времена принца Чарли она не имела вообще никакой ценности. И если вы пытаетесь доказать, что он оставил ее на острове Эрран в числе других личных вещей, то перед вами стоит нелегкая задача. Да, черт подери, не мог же он хотеть, чтобы его таким образом узнали. Но разумеется, эта часть истории может быть выдумкой.

Беседа, инспирированная табакеркой, совершенно внезапно была прервана. Дверь в гостиную безо всякого стука отворилась, и в дверном проеме появилась немыслимая фигура бородатого шофера, доставившего Летеби на остров в первый его приезд.

Глава 16

ЕЩЕ ОДНА ЛОВУШКА

Всем известны мгновения, когда становится трудно дышать и сознание парализуют несовместимые реакции. Первым делом хочется рассмеяться; потом вы вспоминаете, что перед вами человек, который, по вашей версии, вроде бы боролся за жизнь в гараже; затем до вас доходит, что, возможно, это переодетый преступник и его бесцеремонный визит может нести угрозу мирному дому. Однако вновь прибывший имел скорее смущенный, нежели угрожающий вид. Беспомощность, с какой он ощупывал голову за ушами, настойчиво внушала мысль, что на нем парик, причем из тех, что проще надеть, чем снять. И вот уже послышались неразборчивые извинения, прерываемые приступами безудержного смеха.

Бридон первым справился с растерянностью, воскликнув:

— Бог мой, да это же Палтни!

Анджеле пришлось помочь пришельцу, поскольку тот никак не мог развязать узелки на ремешках маски. Она же высвободила учителя из мешковатого пальто, скрывавшего тщедушную фигуру.

— Господи, мистер Палтни, — горячо заговорила миссис Бридон, — вам надо было медсестру с собой привести. Мне стоило таких трудов не закричать. А миссис Уочоуп выглядит так, что ей просто необходимо плеснуть виски. Боже милостивый, да зачем же все это было нужно?

— Миссис Уочоуп, — пробормотал пожилой джентльмен, — мне так неудобно. За миссис Бридон я не волнуюсь, прекрасно знаю, ее ничем не напугать. Странная штука, разгуливая в гриме, вы с ним не сливаетесь; такое ощущение, что все должны догадаться обо всем с первого взгляда. Впрочем — и это едва ли нужно специально оговаривать, — если бы я только мог предположить, что у нас к чаю будут гости...

— Прощаю вас, мистер Палтни. Давайте не будем разводить речей. Умираю, как хочу чаю, с бренди или без. И пожалуйста, не называйте меня гостем, а то я чувствую себя, как в детской, знаете, когда ребенку только что вымыли уши. А все-таки, — добавила миссис Уочоуп, когда сели за стол, — коли уж мы вас простили, придется объясниться. Что бы вы сделали, если бы мое присутствие не напомнило вам о такой штуке, как разум?

— Признаюсь, я не продумал план операции. Конечно, попытайся я сыграть роль, не подвластную моей природе, нервы бы сдали. Самому богатому воображению не под силу представить, будто я могу сесть за руль.

— Да перестаньте же говорить загадками, — рассердилась Анджела. — Где вы вообще раздобыли этот грим? Купили в Инвернессе? Знаешь, Майлз, а маска отменная.

Пожилой джентльмен принял вид оскорбленной невинности.

— Это подлинник, миссис Бридон. Дело случая, что я наткнулся на него в несколько необычной обстановке, которая и подсказала мне идею, возможно, не самым удачным образом воплощенную в жизнь.

— Отнюдь, мистер Палтни, это было блистательно. Сразу видно, что вы уже целую вечность подрабатываете Санта-Клаусом. Но скажите же наконец, где вы все это нашли? Вы ничуть не лучше Майлза умеете отматывать историю назад. Мы оставили вас следить, не придет ли что-нибудь в голову мистеру Летеби.

— Видит бог, оставили, — кивнул мистер Палтни, — и я готов был забрасывать удочки со всей верностью помпейского стража. Но действия мистера Летеби крайне осложнили мою задачу. Не простояв на посту и четверти часа, я увидел его на оконечности острова. По всей видимости, он намеревался пройти тропой, по которой вы спускались сегодня утром. Похоже, у него были кое-какие дела. Во всяком случае, под мышкой молодой человек нес короткую лестницу.

— Лестницу! — воскликнул Бридон. — Интересно.

— Мне подумалось: дело ясное — боюсь, у меня дурная привычка сразу перескакивать к выводам, — он идет по следу золотых монет, которые увидел на острове утром. Вероятно, они навели его на мысль — а они ведь и были задуманы, для того чтобы навести его на эту мысль, — что клад перепрятан, предположительно Хендерсоном, на островке посреди стремнины. С этой стороны расстояние до островка ничтожное, и лестница под мышкой вроде бы была нужной длины и могла послужить мостиком.

— Верный ход мыслей. Мне бы ваши мозги, Палтни. И что же вы сделали?

— Видите ли, особенно делать было нечего. Летеби не мог меня увидеть, или увидел бы, если бы ему вздумалось всматриваться, но место там, как вам известно, определенно тенистое. Так вот, когда он начал спускаться, я потерял его из виду и продолжить наблюдение мог только, если бы двинулся по берегу на север, пока не заглянул бы,

так сказать, за угол острова, что было не очень просто, поскольку мне пришлось бы пройти приличное расстояние по открытой местности и Летеби почти наверняка меня бы заметил. А если бы он меня заметил, то скорее всего оставил бы свои истинные намерения и принялся делать вид, что собирает ракушки или что-нибудь в этом роде. Поэтому я решил: пусть он себе занимается, чем хочет, а я тем временем, пока уверен, что он занят, осмотрюсь на острове. Мистер и миссис Бридон, вероятно, уже сообщили вам, миссис Уочоуп, я страдаю неисцелимым пороком любознательности.

— В самом деле, — подтвердила Анджела. — Дайте ему нюхнуть запаха преступления, так он наверняка возьмет ложный след и пройдет много миль по пересеченной местности. Ну и как, с толком осмотрелись, мистер Палтни? Или вы всерьез думали, что Майлз что-то пропустил?

— Разумеется, нет, миссис Бридон, я понимал, что соревноваться с мистером Бридоном, с моей стороны, заносчиво. Но кое-что он просто не мог увидеть, поскольку на тот момент этого кое-чего еще не было. Я имею в виду машину — автомобиль Летеби. Не знаю, памятно ли вам, но мы познакомились, когда несчастный Моттрам умер при столь избыточно запутанных обстоятельствах. Я тогда как следует пошарил под сиденьями автомобиля и нашел довольно интересный набор сэндвичей и десятифунтовых банкнот. Конечно, пытаться повторить успех, и особенно повторить его точно в том же виде, всегда ошибка. Но человеческий разум, видимо, обладает природной склонностью к рутине. Словом, когда я дошел до конца подъездной аллеи, так и не разработав точного плана действий, то вдруг понял, что уже роюсь под подушками в машине Летеби. Я был вознагражден почти сразу же. Сиденья, как я понимаю, специально сделаны так, чтобы под ними можно было что-то разместить, не создавая кавардак. И я нашел там то, что вы видели несколько минут назад — ко-

стюм шофера полностью, а также вот эту маску, которую, пожалуй, можно считать еще страшнее того облика, коим одарила меня природа.

— Так вы их стащили? — поинтересовалась Анджела. — Должна сказать, вы довольно смело обращаетесь с чужим имуществом. Миссис Уочоуп, напомните, я потом расскажу вам про виски.

— Видите ли, я понимал, что сейчас этот реквизит мистеру Летеби ни к чему. Трудно найти предлог вырядиться шофером, после того как вы старательно всем объяснили, что никакого шофера на острове нет. По той же причине его преподобие вряд ли станет проверять, на месте ли маскарадный костюм. А даже если обнаружит пропажу, едва ли станет о ней заявлять, поскольку это повлечет за собой определенно неудобные для него объяснения. Ну, считайте, что я пал жертвой своего недозрелого чувства юмора. Но вы просто обязаны проявить снисходительность к школьному учителю в отпуске. Однако я подумал, что вас, Бридон, это заинтересует, ну, как своего рода вещдок под буквой А, который может поспособствовать решению вашей маленькой задачки.

— Скорее все-таки под буквой Я. И тем не менее признаю — это любопытно. И готов добавить, что, по моему мнению, ваш вещдок очень даже может пригодиться... Скажи, Анджела, увидев сейчас в дверях Палтни, ты на кого подумала? Я имею в виду не логические выводы, по здравом размышлении, а первую, инстинктивную реакцию? Ты решила, что это все-таки шофер? Или переодетый Летеби? Или что?

— О-о, дай подумать... Вроде бы крошечный участок мозга послал сигнал, что это может быть переодетый Летеби. Но самое первое ощущение, так как я жуткая трусиха, было, что это переодетый Хендерсон, который явился действовать всем на нервы. Ты такого ответа ждал?

— Именно. А теперь поставь себя на место Вернона Летеби и представь, что ты вдруг столкнулась лицом к ли-

цу с несуществующим шофером. Ты знаешь, что его не существует, и у тебя не может появиться искушения перепутать его с Верноном Летеби. Неужели первым делом ты не скажешь себе: «Эге, а вот и Хендерсон вернулся!»?

— Однако какие же вы, сыщики, циничные люди! — воскликнула миссис Уочоуп. — Это то, что у вас называется третьей степенью устрашения, да? Подсовываете моему несчастному племяннику человека с внешностью погибшего компаньона и, если он грохнется на колени, кричите: «Хватайте убийцу!»

— Все не так страшно, миссис Уочоуп. Но видите ли, проблема в том, что нам неизвестно, что думает ваш племянник о Хендерсоне. Он считает, что тот жив или мертв? Это оставляя в стороне вопрос о том, кто его убил, если вообще кто-то убивал. Так вот, если мне удастся показать ему нечто, что может оказаться то ли Хендерсоном во плоти, то ли призраком Хендерсона, я увижу его реакцию, вовсе не выдвигая против него обвинение в убийстве. Летеби может, например, сказать: «Привет, старина, вы откуда?» Тогда он полагает, что Хендерсон жив. А может среагировать как-нибудь поинтереснее, скажем, в духе Клавдия*. Тогда для нас забрезжит свет.

— Не думаю, что прилично сводить его с переодетым Палтни, — заявила Анджела. — Не знаю, что думает сам мистер Палтни, но в этих бакенбардах у него малосимпатичный вид.

— Я не собираюсь больше привлекать господина учителя к участию в любительских спектаклях, — ответил Бридон. — Он неважный актер. На сей раз я собираюсь переодеться сам. Вот только как нам поставить сцену явления призрака?

— Можно просто нагрянуть во время чая, — предложила миссис Уочоуп, бросив строгий взгляд на мистера Палтни.

---

* Имеется в виду отец Гамлета в одноименной трагедии Шекспира.

— Майлз, — подала голос Анджела, — мне бы не хотелось, чтобы ты заходил в чужие дома в таком маскараде, даже не зная, имеется ли там огнестрельное оружие. Простите меня, миссис Уочоуп, я понимаю, с моей стороны некрасиво предполагать, что ваши родственники при виде незваных гостей имеют обыкновение сразу же стрелять, но, поверьте, если бы у меня было хоть какое-нибудь оружие, я бы пальнула в мистера Палтни не задумываясь. Он так меня напугал. Тебе лучше предупредить его, не объясняя, кто именно придет. Ну, якобы имеется важная для него информация... не знаю, что-нибудь такое.

— Боюсь, эта фраза навязла в зубах. Но в сложившейся ситуации предупредить, пожалуй, нелишне. А степень устрашения тут все-таки не такая высокая, как в случае с Клавдием. Если я пошлю ему записку, которая заставит его думать, что автором ее, несомненно, является Хендерсон, по тому, придет Летеби на встречу или нет, мы поймем, кого он ожидал увидеть — человека или призрака.

— Судя по всему, мы уверены в том, что шофером переодевался именно Хендерсон? — уточнила миссис Уочоуп. — А не мой невообразимый племянник?

— В первый раз, когда мы его видели, это не мог быть Летеби. Ваш племянник и шофер сидели рядышком.

— Если следовать этой логике, — заметила Анджела, — то следует вспомнить, что позже мы видели, как рядышком сидели шофер и Хендерсон.

— Похоже, они напяливали бакенбарды по очереди, — пробормотала миссис Уочоуп.

— Да вообще ничего не получается! — всплеснула руками Анджела. — Когда шофер поехал встречать Хендерсона, Летеби был на острове. Ты сам его видел, Майлз, а ведь машина уже уехала. Значит, был третий человек, пожелавший остаться инкогнито.

— Волосы. — Бридон поднял указательный палец. — Ты забыла всклокоченные волосы. Все говорит о тщательно разработанном плане, и трудно поверить, что они продумали сложнейший маневр, да так его и не провели. Судя

по всему, наши друзья с самого начала знали, что мы за ними наблюдаем, и организовали свой приезд так, чтобы внушить нам мысль о призрачном шофере. Они приезжают вдвоем, причем Летеби наяривает на волынке, а страдалец Хендерсон, которому на весь этот спектакль наплевать, сидит скрюченный за рулем. Затем Хендерсон, вдругорядь переодевшись шофером, отправляется встречать самого себя на вокзал. Летеби тем временем торчит на мосту. Удостоверившись, что я его увидел, он, крадучись, идет по берегу и переплывает реку. Хендерсон, съехав с дороги, подбирает его на берегу и передает костюм шофера, сбагрив таким образом прискорбно непрезентабельный гардероб. Они немного катаются, чтобы протянуть необходимое время, и возвращаются с вокзала. На дороге случайно встречают вас с Палтни. Вы стоите так, что возникает угроза узнавания — ведь ты видела Летеби раньше. Сняв шляпу, Вернон Летеби прикрывает лицо рукой, не сообразив, что тем самым дает тебе возможность рассмотреть его волосы. И ты как замужняя женщина, имеющая привычку делать нелицеприятные замечания по поводу внешнего облика своего супруга, в самом деле замечаешь, что прическа у него не в порядке. Так мы, к нашему удовольствию, понимаем, что он заходил в воду.

— Значит, вы думаете, — сказал мистер Палтни, — что, увидев усатого шофера, Летеби — просто в силу привычки — решит, что это Хендерсон? И наоборот? Хендерсон решил бы, что это переодетый Летеби? Но знаете, Летеби, несомненно, удивится, что его друг разгуливает в маскарадном костюме без веских на то причин. В жаркий день подобная маскировка весьма обременительна, experto crede*.

— Но разве у Хендерсона нет веских причин? — не уступал Бридон. — Если, конечно, допустить, что он еще жив. Ведь неудобный факт наличия в гараже трупа никто

---

* Верь опытному (*лат.*).

не отменял; и если это труп не самого Хендерсона, то, похоже, он все-таки имеет к нему какое-то отношение. Нам также известно, что лондонской полиции неймется определить его местонахождение. Для встречи в общественном месте — а ты правильно говоришь, Анджела, для встречи с Летеби лучше выбрать приличное общественное место — маскарад естествен. Вот только как нам заставить Летеби поверить, что Хендерсон все еще обретается в этих краях? Ведь его интерес к данной местности был продиктован исключительно тем, что здесь предположительно обретался клад. Который, из чего бы он там ни состоял, исчез. Почему вместе с ним не исчез и Хендерсон? А нам нужно послать Летеби сигнал, который должен создать впечатление, что он именно от Хендерсона, а не от кого другого.

— Можно подключить подтяжки для носков, — предложила Анджела.

— У тебя странная привычка попадать в девятку, но не в десятку, — задумчиво произнес Бридон. — Не думаю, что подтяжки имеют для него какое-либо особенное значение. А вот табакерка — да. Хотя мы обнаружили ее на берегу, она относится к делу, с которым связаны только Летеби и Хендерсон, больше никто. Если он найдет рядом с запиской табакерку...

— Тогда поторопись со своими коварными замыслами, — сказала Анджела.

— Кто тебе сказал, что я затеваю какое-то коварство? Просто подброшу Летеби записку. И если ему угодно будет думать, что она от Хендерсона...

— Да с тобой никакого сладу нет! Как ужасно, миссис Уочоуп, быть женой человека, начисто лишенного представлений о морали. Я очень надеюсь, вы предупредите племянника, что его ожидает знаменитый фарс в исполнении Палтни и Бридона. Просто чудовищно, сидим здесь и в вашем присутствии обсуждаем его, как будто это преступник, а ведь у нас против него нет решительно ничего конкретного.

— О, если это все, чего вам не хватает, дорогая, я могу рассказать много интересного. Нет, право, я вовсе не жду извинений за пропесочивание моих родственников. Думаю, мои религиозные убеждения пошатнула именно та проповедь, когда мне сообщили, что на небесах я повстречаюсь со всеми своими дядюшками и тетушками. Только, что бы вы там ни задумали, не говорите Гермии Дженнингс, что нож наставлен на моего племянника. Она к нему неравнодушна и буквально вчера пела мне, какой Вернон замечательный представитель нового поколения, безупречно порядочный и все в таком роде. Мне кажется, по сути, она имела дерзость сказать мне, что сегодня бал правит молодежь.

— Статистика этого не подтверждает, — заметил мистер Палтни, садясь на своего конька. — Среди возрастных групп в последнее время преобладает срединная. А сегодня, полагаю, справедливо даже говорить о том, что трем седьмым населения перевалило за тридцать пять. И наблюдается тенденция к росту этого показателя. Если я проживу еще десять лет, думаю, трудно будет говорить о перевесе молодежи — в плане численности, я хочу сказать.

— Давайте вы прочтете мне лекцию о народонаселении в другой раз, — нетерпеливо бросила миссис Уочоуп. — А в настоящий момент мне просто необходимо уединиться и прийти в себя после потрясения, виной которому явились вы. Ладно, миссис Бридон, берегите мужа. Хотя, если честно, я не думаю, что ему грозит какая-то опасность в потасовке с моим племянником, который, как я вам уже говорила, полный идиот и уж точно не станет пулять сразу, даже если теоретически и способен наскрести духа в кого-то выстрелить. Если позволите, я загляну завтра или послезавтра узнать, как дела.

Когда миссис Уочоуп ушла, Бридон заперся в спальне с большим листом бумаги, в который была завернута одна из покупок, сделанных Анджелой на благотворительной ярмарке, и попытался сочинить письмо Летеби, отбрасы-

вая один вариант за другим — текст казался ему то слишком угрожающим, то слишком мелодраматичным. В конце концов он удовольствовался следующей редакцией, исполненной печатными буквами химическим карандашом:

Планы изменились. Надо встретиться. Сегодня, полдвенадцатого, на берегу, где Стратдауни, там напротив, где была лодка. Пополам.

— Вроде бы достаточно безграмотно, — прокомментировала Анджела, войдя в комнату, как раз когда Майлз закончил. — Если бы ты добавил еще что-нибудь про дуб с дуплом, вышло бы само совершенство. А что за вздорная мысль встречаться в такое премерзкое ночное время? Просто, чтобы я подольше не спала, или зачем?

— Видишь ли, мне показалось, можно добиться большего художественного эффекта, если удастся создать впечатление, что Хендерсон залег на дно и не хочет, чтобы его видели. Если он жив, то в самом деле лелеет такие желания, поскольку история с гаражом требует объяснения. Половина двенадцатого показалась мне подходящим временем, поскольку приличные люди вроде нас с тобой ложатся часов в одиннадцать, так что на берегу будет пусто. А более поздний час связан с риском, что Летеби заснет в кресле и не появится.

— А его не смутит место встречи? Как-то не очень красиво тащить его по мосту, когда не видно ни зги, ведь придется красться на цыпочках, чтобы не разбудить треклятых Бридонов.

— Поставь себя на место воображаемого Хендерсона. Если он бродит по округе, трясясь за свою жизнь, то с его стороны чертовски дерзко заявиться на остров, тем более что у Летеби есть машина. Перейдя мост, он, Хендерсон то есть, легко может попасть в ловушку, а Летеби будет на нейтральной территории. Кроме того, мне надоело шастать по ночам, и я решил не слишком удаляться от нашей входной двери. Еще замечания?

— А вот это «пополам»? Если бы клад умыкнул Хендерсон, никаких вопросов. Но как мы поняли, этот подвиг совершил Летеби. А коли так, он прекрасно об этом осведомлен. И что тогда предлагает делить Хендерсон? Или с какой стати Хендерсон рассчитывает, что Летеби собирается поделиться с ним добычей? Странно как-то.

— Видишь ли, мы ничего не знаем наверняка. Если клад у Летеби, он не удивится тому, что Хендерсон предлагает поделить его в ходе переговоров, хотя, конечно, может решить, что тот блефует. Понимаешь, Летеби попал в серьезный переплет, ему в любой момент могут предъявить обвинение в убийстве. Хендерсон же может предложить взять вину на себя, при условии что получит свою долю и уберется с ней подобру-поздорову; это вполне правдоподобно. Если же Летеби не стащил сокровища, ушки у него после этой записки вскочат на макушке, и он придет с церковной тарелочкой для сбора средств. А ты, кажется, с кем-то говорила по телефону?

— Да, пришла телеграмма. Угадай от кого. Терпеть не могу, когда мне говорят «угадай», а ты? В наши края едет Лейланд собственной персоной. Он прибудет сегодня вечером и завтра почтит нас своим присутствием. Наверно, тому полисмену, который приходил сюда, напряжение оказалось не по силам, и пришлось обратиться за помощью в Скотленд-Ярд. Или ты полагаешь, он едет сюда в отпуск и будет канючить, чтобы ему тоже дали поудить? Ему про тебя рассказал Шолто.

— Не уверен, что это их епархия. Но Скотленд-Ярду, конечно, интересно, где Хендерсон, так что они вполне могли спихнуть на кого-то свою работу. Черт, и зачем я с этим связался. Лейланд решит, что я полный дурак. Если, конечно, сегодняшняя ночь не подкинет козырей.

— Имей в виду, если он найдет что-то такое, что ты пропустил, я его возненавижу. Ладно, так как же ты собираешься передать послание? Здешней почте потребуется около трех дней, а свидание сегодня. Или мы бросим его Летеби в окно и дадим деру?

— Нет. Была у меня одна мысль, но все зависит от того, в каких отношениях ты состоишь с миссис Макбрейн.

— О, я ее приручила. Ты хочешь, чтобы она оставила послание во время уборки? Она ходит на остров убираться как раз в это время.

— Таков мой план. Скажи ей, что это сюрприз, дескать, ничего не говорите Летеби. Из твоих уст это прозвучит правдоподобно.

— Лучше Эдвард. Он совсем раздухарился. А где оставить записку? В прихожей?

— Нет, тут ошибиться нельзя. Летеби непременно должен ее обнаружить. Если я правильно понимаю хозяйкины методы наведения чистоты, она сначала убирается на кухне, а затем накрывает для Летеби в столовой, чтобы он при желании мог перекусить, так? Значит, если миссис Макбрейн поставит табакерку со вложенным посланием на видное место, например, на буфет в столовой, его преподобие просто обязан будет напороться на нее в продолжение вечера. Он, конечно, задумается, откуда она взялась, но с нами табакерка не связана никак. А даже если он догадается, скорее всего, придет из любопытства. Но тогда, если повезет, его собьет с толку маскарад. Да, шансы наши невелики, но я просто обязан попытаться сделать что-нибудь, пока Лейланд не сунул сюда свой нос. В жизни не видывал таких жуликов.

Глава 17

НОВЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ВООРУЖЕННЫМИ МОШЕННИКАМИ

Вечером Бридон, заявив, что слишком занят мыслями, дабы сосредоточиться на разговорах, раскладывал пасьянс. Карты вопреки ожиданиям не принесли ему привычного озарения и, если судить по складкам на лбу, даже не успокоили. Правильно ли он поступил, назначив

встречу Летеби? Ведь велика опасность, что тот насторожится, поймет, что против него существует контрзаговор. Прочно ли он насадил наживку или следовало дать более ясный намек?.. Нет, ясность преждевременна. Не слишком ли рискованно исходить из того, что Летеби явится на встречу с мирными намерениями? Может, лучше положить в карман пистолет? Так, на всякий случай? Летеби явно не из тех, кто способен изумлять окружающих ловкостью рук, так что вряд ли успеет выстрелить первым. Фонарь точно нужно взять. И как лучше поступить? Сразу, в момент его появления, навести луч света на Летеби, чтобы привести в замешательство? Или подождать, пока он включит свет, неожиданно представ перед ним в образе Хендерсона?.. Что сделает Летеби, если знает (или предполагает), что Хендерсон мертв? Развернется и убежит? Замрет как вкопанный? Грохнется в обморок? А если наоборот, то есть если он предполагает (или знает), что Хендерсон жив? Что тогда? Тогда он заведет разговор. Можно ли чего-то добиться, подольше изображая из себя Хендерсона? Да, если только получится. Перед ужином Бридон попробовал свой канадский выговор и решил, что он в неплохой форме. Да, наверно, стоит какое-то время побыть в шкуре Хендерсона. Вдруг Летеби проговорится и выдаст какую-нибудь роковую для себя тайну. А маску можно будет сбросить в любой момент.

Признается ли он, увидев то, что было найдено на берегу реки? Или придется давить на него дальше? Например, достать ключ от гаража и задать пару вопросов? Если он продемонстрирует хоть какие-то признаки искренности, может, лучше будет пойти с ним в дом и дать выпить? Только вот Летеби лживый насквозь, у него вечно такой взгляд, такая манера говорить... Ежесекундно надо иметь в виду, что он, недолго думая, порадует тебя какой-нибудь правдоподобной ложью. Не слишком ли рискованно поступаться преимуществом внезапности?.. Постепенно Бридон засомневался в разумности всего плана. Так бывает, когда мы надолго предаемся бездействию. А что, ес-

ли Летеби, получив таинственное приглашение, запаникует и решит бежать? Он запросто может уехать на машине; на дороге никаких признаков полицейских кордонов. Сегодня после обеда полисменов вообще не было видно. Хотя какие-то меры предосторожности они наверняка приняли. Звонок Лейланда говорит о том, что версия несчастного случая им не очень по душе. А все-таки, если Летеби решит, что это ловушка, розыгрыш, и просто не придет? Сколько его ждать, если он манкирует приглашением?.. Тревожные огоньки вспыхивали в глубине сознания, пока на поверхности пытался возобладать тот минимум мыслительной сосредоточенности, которой требовал знакомый пасьянс.

Анджела и мистер Палтни были отправлены спать до одиннадцати; важно, чтобы, когда Летеби пойдет мимо, в доме не было света. В последний момент Анджела, навообразив всяческие опасности, связанные с ночной экспедицией, еще попыталась взбрыкнуть, спросив, нельзя ли спрятаться где-нибудь поблизости, чтобы насладиться спектаклем. Но ей было строго отвечено, что так проще всего выбить человека из колеи. Однако прежде чем подняться наверх, она все-таки помогла Майлзу надеть маску и выказала удовлетворение достигнутым результатом.

— На тебе она смотрится поприличнее, чем на Эдварде. Хотя не могу сказать, что значительно улучшает твою внешность. Только не лезь в воду. И если приведешь Летеби для объяснений, говори тихо, не буди Эдварда.

Странное ощущение нереальности происходящего возникало оттого, что Бридон, отправляясь на очень серьезное дело, все время забывал и лишь изредка вспоминал о том, что имеет вид фарсового персонажа — прямо шотландский пьяница с карикатуры. В маске было трудно дышать, и это вызывало в памяти рождественские вечера, когда нужно потихоньку прокрасться в детскую; все удовольствие в том и состояло, чтобы идти крадучись. Бридон усилием воли напоминал себе, что сегодня ночью ему предстоят недетские игры.

На улице, как обычно, было очень тихо; точнее, неумолчный шум воды и бурление прилива у опор моста стали уже так привычны, что заместили в голове представление о тишине. Пару раз мимо пронеслась сова. Небо обложили облака, и только слабые проблески во мраке позволяли не потерять узкую тропинку, петляющую вдоль кустов рододендрона, но Бридон, привычный к темноте, не нуждался в помощи фонаря. И все-таки он чувствовал, что мрак и тишина давят на него не так сильно, как если бы он был на острове. Жуткая, угнетающая атмосфера разрядилась, когда он оставил позади бетонный мост. Здесь, на берегу, от нее не осталось и следа. Там все время казалось, будто за вами кто-то идет, вы вздрагивали от любой попавшей на щеку брызги. На берегу ощущалась лишь тайна, о которой говорил разум, а разум в силах с ней справиться. Да, хватит шататься по острову в кромешной темноте; предстоящую встречу он организовал намного лучше. Тут можно встретить только существа из плоти и крови.

Бридон вернулся мыслями к сегодняшним открытиям. Что все-таки означал полуночный десант будущих арендаторов? Что они перевозили в лодке? Если клад — поддельный или настоящий, — почему он был упакован абы как, о чем свидетельствует выпавшая табакерка? Интересно, что Летеби пристрастился к речным купаниям... А потоки воды, низвергшиеся за последние пару дней, стали настоящим подарком для верного своему долгу сыщика. Пока вода стояла низко, уследить за живущими на острове не представлялось возможным, или надо было нанимать целую армию дневных и ночных соглядатаев. Но всего три дня дождей на западе — и река стала нешуточной преградой, не хуже тюремных стен. Никто в здравом рассудке не возьмется за весла, когда вода с бешеной скоростью устремляется в узкие протоки, а попытка пуститься вплавь означает немедленную смерть. И вот уже ваше тело снесло на пару миль вниз по течению — а там и до места погребения недалеко... Мысленному взо-

ру Бридона предстал погост Глендауни, и сыщик попытался вспомнить мягкие речи пастора, его рассказ о видениях, как при обсуждении вопроса о предании земле праха Хендерсона он напустил на себя вид неподдельной скорби. «Земляк Нокса» — слова стучали в голове, как будто были ключом к загадке, которая, казалось, еще чуть-чуть, и дастся в руки. Как это в припеве к песенке про Бокса и Кокса? Там же упоминается его имя. Ну да, конечно:

Так выпьем же за молодчину Нокса.

Для Маклина это прозвучало бы кощунством. Земляк Нокса — какая странная аллегория возможностей добра и зла.

Тем временем Бридон добрался до места встречи — хорошо известной ему поляны в лесу недалеко от берега, откуда днем было видно пришвартованную прямо напротив лодку № 1. Проложив себе довольно глубокое русло в глине, к реке тянулся небольшой ручеек; с краю стояла шаткая, перекошенная изгородь, разделявшая два участка. Бридон на секунду включил фонарь и быстро достал то, что принес. До встречи оставалось около четверти часа, а ему предстояло кое-что сделать. Некоторое время сыщик прислушивался, словно пытаясь убедиться, что Летеби еще не пришел. Затем, склонившись над водой в нескольких ярдах от изгороди, он начал водить рукояткой трости в бурлящей Дауни. Пару раз он вынимал трость и разочарованно смотрел на нее. Сильное течение мешало держать ее вертикально. А, вот так-то лучше! Бридону удалось подцепить прочную веревку, которая либо была к чему-то привязана, либо ее оттягивал груз. Хотя скорее всего, один конец был привязан к ветке или корню дерева в нескольких футах под водой у самого берега, а другой прикреплен к грузу — канат тянулся к середине реки. Бридон дернул, и дальний конец подался; сыщик вытягивал его из воды ярд за ярдом, и наконец по песку зашур-

шал небольшой парусиновый мешочек, крепко привязанный к веревке; с него капала вода. Да, так хорошо. Может, и необязательно, но придает дополнительный налет правдоподобия встрече, слишком уж отдающей пафосом. Бридон еще стоял, нагнувшись над парусиновым мешочком, когда его вместе с этим мешочком вдруг залил свет. Он поднял глаза и прищурился на луч мощного электрического фонаря, бивший на него сверху, примерно от изгороди, от которой он недавно отошел. Фонарь, конечно, находился в руках человека, скорее всего, на уровне груди, но даже очертания фигуры было не разобрать. Из-за внезапности, молчания, которое хранил вновь прибывший, Бридон на секунду растерялся. Затем включил собственный фонарь, который еще держал в руке, и смутно, но все-таки разглядел над снопом направленного на него света лицо Хендерсона.

— Все бросай и руки вверх, живо, — были единственные слова Копателя, пристально смотревшего на странного согбенного человека.

Бридону показалось, Хендерсон несколько озадачен, хотя трудно было сказать — из-за маскарада или парусинового мешка. Сыщик засунул фонарь в карман — он заметил в правой руке собеседника револьвер, а на лице крайне неприятное выражение. Того словно загнали в угол, при малейшей неожиданности он готов был стрелять. Однако по каким-то затейливым психологическим законам страх еще не овладел рассудком сыщика; руки машинально отпустили фонарь и поднялись вверх; сознание затопила смесь ошеломления и стыда. Как-то так получилось, что он позорно все запорол. Но еще непереносимее провала были приведшие к нему неверные умозаключения. Почему Хендерсон жив? Кто погиб в гараже? Неужели послание, адресованное Летеби, которое тот должен был найти пару часов назад, попало в руки Хендерсона? Если так, то каким образом? Они заодно? Или Хендерсон перехватывает всю корреспонденцию Летеби? Где

он пропадал все это время? Как ему удалось так глубоко залечь на дно? И так некстати выскочить? Прямо как черт из табакерки.

Как только Хендерсон вспомнил, что у него имеется голос, и принялся излагать положение дел, мысль о том, что они с Летеби заодно, немедленно была отброшена за ненадобностью. Речь получилась длинная, довольно беглая, хотя ее трудно было назвать вершиной ораторского искусства, если последнее заключается в том, чтобы избегать постоянного повторения одного и того же слова. Выражением, произносимым в монологе с особенной эмфазой, было «облапошить»; все остальные вы едва ли решились бы передать в руки впечатлительного наборщика. Смачная филиппика позволяла сделать следующие выводы: первое, Хендерсон исходил из того, что в костюм шофера нарядился Летеби; второе, он полагал, что послание, назначившее встречу, писал тот же Летеби; третье, он считал — довольно логично, — что Летеби удрал с кладом; четвертое, он истолковал слово «пополам» как предложение ему, Хендерсону, получить долю, взамен сняв с Летеби висевшие на том подозрения; пятое, он не расположен это предложение принимать; шестое, он, в свою очередь — в порядке усовершенствования плана — склоняется к мысли привязать псевдо-Летеби к дереву и заткнуть ему рот кляпом, пока сам он уберется восвояси с пожитками, какие только унесет. Однако, как у многих неопытных авторов, синтаксические конструкции Хендерсона страдали тем, что прилагательные никак не дружили с существительными и формулировки достаточно простых тезисов требовали нестерпимого количества лексем.

Бридон слушал, все еще находясь в каком-то тумане, до него доходил лишь общий смысл сказанного, и даже тот немедленно отправлялся в арьергард сознания. А на передовой неистовствовал простой инстинкт самосохранения в сочетании с решимостью, почти такой же инстинктивной, не дать Хендерсону уйти. Рассудок за-

топила волна негодования, но сыщик понимал, что позволить ему прорваться нельзя, что, если у него есть хоть малейший шанс выпутаться из петли, в которую он угодил в результате своих неудачных маневров, действовать надо спокойно. Первым делом предстояло решить, разыгрывать ли из себя Летеби и дальше или устранить недоразумение. Если он раскроет себя, от неожиданности противник может размякнуть. Но все-таки даже в собственном обличье сыщику трудно было надеяться на то, что удастся умилостивить обманутого кладоискателя. Если же он продолжит играть Летеби, Хендерсон может испугаться, что на шум из дома выползет Бридон, и попытается получить свою долю. Сотни сопутствующих вопросов, имеющих практическое значение, проносились у него в голове. Есть ли у Хендерсона машина? Если нет, как он собирается уходить от преследования в этой пустынной местности? Существует ли опасность, что он решит угнать из незапертого гаража его, Бридона, машину? Есть ли надежда, что Палтни (или опасность, что Анджела) попытается ему помешать? Можно ли привязать человека к дереву, который этого не хочет, когда твоим единственным аргументом является револьвер, но ты вряд ли умудришься держать пленника на мушке, поскольку руки будут заняты узлами веревки? До каких пор блефовать? До каких пор пытаться не убивать? До каких пор пытаться не шуметь? Если он побежит и ему удастся вырваться из неумолимого круга света, начнет ли Хендерсон стрелять или заколеблется и пустится в погоню, которая еще неизвестно чем закончится? А если позвать на помощь, услышит ли его кто-нибудь или вслед за этим немедленно последует выстрел? Как же смешно и неудобно несколько минут подряд держать руки поднятыми, даже на высоте плеч.

К сожалению, Хендерсон столкнулся со всеми сложностями, связанными с выполнением двух задач. Привязать человека к дереву и одновременно держать его под прицелом было не так-то просто, и Копатель разразился

громкими комментариями, делая особое ударение на том, что можно было бы достигнуть более удовлетворительных результатов, если бы фигуру незваного наблюдателя освещал дневной свет. Какое-то время под влиянием всех этих угроз Бридон размышлял, не пора ли себя разоблачить, но затем решительно стиснул губы, рассудив, что Летеби не обладает быстрой реакцией в крайних обстоятельствах и Хендерсону это известно. А недооценивая находчивость жертвы, он, возможно, рано или поздно ошибется. Какого нелестного мнения Копатель придерживался о своем недавнем компаньоне, можно было судить по его презрительным приказам:

— На слове «вперед» ты медленно, очень медленно идешь к этой изгороди и просовываешь свою жирную голову между двумя верхними перекладинами. Руки кладешь на верхнюю и держишь, пока я их не привяжу. Если я только увижу, что рука тянется к карману, стреляю, не требуя объяснений. Это понятно? А теперь — вперед!

Яркий свет фонаря, неудобная поза, вообще бедственность положения вынудили сыщика подчиниться. Он уже не мог сосредоточиться на том, какие способы спасения имеются в его распоряжении. Покориться или — что сопряжено с опасностью — попытаться бежать? Бридон ощутил какую-то легкость в голове, где все стучали бессмысленные слова «земляк Нокса». Как человек, который не до конца проснулся, он, выполняя приказ, выставил вперед левую ногу. Нога ступила на глинистую землю, осклизлую после дождей. Тяжелый ботинок, подходящий для игры в гольф, залип, и его начало стаскивать с ноги. Ботинок сидел неплотно, и Бридону пришлось поджать пальцы, чтобы его удержать. Возможности, предоставленные этой случайностью, подействовали на сыщика волшебным образом. Обычно мозги у Майлза работали медленно, однако имели обыкновение под влиянием ситуации внезапно ускорять протекающие в них процессы. Он увидел свой шанс и начал действовать по наитию, почти машинально.

Если бы ему было предоставлено время привести в порядок мысли и развернуть всю цепочку рассуждений, он сказал бы (вероятно, Анджеле), что человеческая нога — лучшее орудие для достижения удаленных целей. Руке, чтобы набрать силу удара, нужно замахнуться от торса, а значит, придется изменить позу. Противник может это заметить и увернуться. Но нога обладает энергией собственных мускулов, и высвобождение этой энергии практически не скажется на положении тела; по крайней мере, не настолько, что это увидит человек, пристально наблюдающий за вашими руками и опасающийся, как бы вы не достали пистолет. На конце же каждого из двух мощных таранов, в любой момент готовых к броску, цивилизованный человек имеет оружие, а человек, запасшийся снаряжением для известных занятий в сельской местности, очень даже мощное оружие, подбитое железными гвоздями. Майлз Бридон чуть качнулся, поелозил ногами, а затем движением человека, который, пройдя по распаханному полю, отряхивает с обуви грязь, вынес вперед правую ногу. Но стряхнул он не грязь, он стряхнул ботинок.

Лягаясь, вы не ошибетесь в направлении удара, сложно только точно рассчитать высоту. Бридон целился в лицо, но удар пришелся чуть ниже; однако сыщик понимал, что удар из ниоткуда в грудь тоже приведет противника в замешательство. Ему выпала удача, которой он не заслужил: ботинок угодил Хендерсону в левую руку и аккуратно выбил из нее фонарь. Левая нога, пальнувшая наугад в темноту, сразу, как только ее обладатель перенес вес на другую конечность, попала в цель — это впоследствии подтвердила ссадина на лбу у Хендерсона. Метнув второй ботинок и оставшись в носках, Бридон без труда отбежал на несколько ярдов влево, подальше от реки, где было светлее, и драка могла представлять нешуточную угрозу. Хендерсон не стал стрелять — то ли его выбила из колеи боль, то ли он сообразил, что шанс попасть в цель упущен. Из одного кармана шоферского пальто Бридон вынул фонарь, а из другого револьвер. Фонарь он держал в вытяну-

той руке, но не мог решить, включить его или дать возможность сделать первый ход противнику. В темноте ничего не было видно кроме луча от фонаря Хендерсона там, где он целехонький упал в траву.

Минута или две прошли в полной тишине, каждому участнику сцены казалось, что он слышит дыхание противника. Затем луч света дернулся, как будто фонарь выскользнул из руки Хендерсона, когда тот попытался его поднять. Свет отполз в сторону берега; на траве появилось фантастически яркое пятно, легкий полумрак за ним позволял различить окаймлявший этот участок берега орляк. Перед зарослями лежал парусиновый мешочек с привязанной к нему веревкой — точно там, где положил его Бридон. Сыщик все ждал, что Хендерсон поднимет фонарь, но в круге света вдруг появилась темная фигура. Человек наклонился, подобрал мешочек и побежал по тропе, ведущей к дому. Бридон понял, что произошло, но поздно; рванул за вором, но поздно; попытался дотянуться до украденного клада, но поздно. Единственное, что он успел, это вовремя затормозить и не перевалиться через стену орляка в бурлящую воду. Странно, в темноте так легко ступить на роковой откос, когда думаешь, что внизу ровная земля.

Хендерсон, взяв хороший разбег, держался тропинки, которая ярдов сто шла строго по прямой; к этому маневру его вынудили плотная стена рододендронов справа и река слева. В горячке погони забыв о собственных страхах, Бридон осветил тропу и увидел Хендерсона, как раз выбегающего из пятна света. Не выключая фонаря, он бросился за ним; опасность, что беглец пустит свою парфянскую стрелу*, казалась меньше, чем риск оступиться в темноте и упасть в реку. Погоня заставила его забыть о тревоге за Анджелу, и он разбудил ночное эхо криками о помощи. Хендерсон, несомненно, рассчиты-

---

* Отступая, парфянские всадники часто, осадив коня, поворачивались в седле и пускали стрелу.

вал выскочить на дорогу позади домика садовника, прежде чем его обитатели успеют поинтересоваться причиной такой спешки. Но не успел он пробежать и половины пути, как внезапно вспыхнул еще один луч фонаря, на сей раз впереди, и послышался тягучий, такой узнаваемый голос:

— Стойте, Хендерсон, я вас вижу. — Это был голос Вернона Летеби.

Незадачливый кладоискатель притормозил скорее от изумления, чем от испуга. В его представлении маску и кепку шофера мог надеть только тот, кто делил с ним тайну их существования; свои проклятия и угрозы он вроде бы адресовал Летеби, и вроде бы Летеби подчинился, а потом взбрыкнул. Откуда же он тут взялся? Обежал заросли рододендронов и бросился ему наперерез? Чтобы подтвердить эту обнадеживающую мысль, беглец обернулся, но увидел луч первого фонаря, все еще следующего за ним по пятам. Хендерсон остановился, в свете блеснула рукоятка револьвера. Он опять обернулся на Летеби, и тем, кто видел, как он беспомощно озирается по сторонам, было сложно сказать, ошибся ли беглец направлением или судорожно обдумывает еще одну попытку бегства. Что бы там ни было, Хендерсон бросился в заросли орляка, и плеск воды дал понять, что он бухнулся в реку, там, где она подходила близко к тропинке. Бридон быстро подбежал, но ничего не мог разглядеть. Летеби, прислонившись к стволу низкорослого дуба и направив луч фонаря между ветвями, мгновение видел, как что-то темное барахтается на гребнях волн, но пятно стремительно удалялось. В голову не приходила даже мысль о том, чтобы пуститься вплавь по такой воде. Только овца была бы в ней беспомощнее, чем человек.

Бешеная белая стремнина швыряла искромсанное, безжизненное тело, его перебрасывало с волны на волну лицом вниз, оно пронеслось мимо расселины в скале, где три дня назад был явлен на свет клад с якобитскими драгоценностями, мимо северного выступа, островка

посередине потока, мимо большого скалистого массива, на вершине которого над рекой навис погост Глендауни. Вместе с сучьями, которые горные ручьи нашли-таки в себе силы сплавить в реку, сломанными бревнами с причалов лесопилок, грудами листьев и травы, смытыми со спешно покинутых овечьих пастбищ, темное тело, такое же безжизненное, такое же неприглядное, как бревна и кучи мусора, отнесло к морю. Человек, гибель которого оплакивали в ночь пожара, возродился лишь на несколько минут, прошедших в суматохе и оглашаемых бранью, и вода истребила то, что пощадил огонь. Труп тщетно искали всю ночь и в конце концов нашли в трех милях ниже по течению — его прибило водой к покрытой галькой отмели, где сквозь камни пробивались заросли каких-то колючек. На сей раз одежда позволила идентифицировать Хендерсона, а в кармане плаща был найден парусиновый мешочек, содержимое которого он нашел, потерял, опять нашел и погиб при попытке удержать.

Летеби помог Бридону добраться до дома, поскольку после напряжения решающей сцены, которой предшествовала нервотрепка последних дней, тот был в состоянии, близком к обмороку. Анджела, не принимая никаких возражений, велела мужу отправляться в постель и запретила до утра вести утомительные разговоры, хотя возбуждение Летеби, подкрепленное горячительными напитками, придавшими ему силы для возможной беседы, настроило его на доверительную волну. Молодой человек пообещал рассказать свою историю назавтра, чем Бридону и пришлось удовольствоваться. Он быстро погрузился в сон, но прежде истощенные мозги дали ответ на один вопрос. Поставив горячий виски на стул возле кровати, он вдруг расхохотался и крикнул жене:

— Земляк Нокса... Боже милосердный, земляк Нокса! Почему же мы не подумали об этом раньше?

Анджела, решив, что он бредит, просто выключила свет.

Глава 18

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

— Я было хотел объяснить вам все какое-то время назад, — сказал Летеби.

Они сидели на острове возле дома, где с поросшего разбухшим от воды мхом и вереском пятачка, некогда предположительно бывшего лужайкой, открывался вид на беспорядочно растущие березы и азалии, а на горизонте — на неминуемые рододендроны и орляк. Летеби закинул ноги на круглый каменный стол, испещренный затейливыми надписями — наследием прежних жильцов. Разваливающийся стул, на котором он сидел, накренился до последнего предела. Панаму юноша надвинул на самые глаза, она защищала от опять нещадно палившего солнца, а может, прикрывала стыдливый румянец, заливавший его лицо по ходу рассказа, если, конечно, этот человек еще способен был краснеть. Майлз и Анджела, как и обещали, зашли после завтрака обсудить его положение неофициально, прежде чем на них предсказуемо нахлынет толпа визитеров. Майлз уселся на траву якобы ловить паучков. Анджела — не очень убедительно — взялась за вышивание. Все понимали: Летеби так много нужно рассказать, что смотреть в сторону было актом простого милосердия.

— На самом деле, — продолжил Летеби, — я решился, когда приехала Уочоуп, это все изменило. Мне известно, вы друзья, и я не собираюсь никого обсуждать. Но вы должны понять, я далеко не всегда совпадаю с леди во мнениях, о чем весьма сожалею, поскольку бóльшая часть того, при помощи чего я могу смело смотреть в лицо миру, зависит от нее. Ну еще какие-то странные обрывочные детские воспоминания. И вдобавок она трещит без умолку.

— Вы уверены, что необходимо говорить о миссис Уочоуп? — спросила Анджела. Питая симпатию к пожилой даме, она не одобряла Летеби и все еще немного зли-

лась на него за то, что прошлой ночью он не оказался Хендерсоном. Точнее, Хендерсон оказался не им.

— Так ведь она, можно сказать, все и напортила, хотя к этому мы еще вернемся. История началась с того, что как-то вечером в приличном подпитии я рассказал Копателю о кладе принца Чарли и о карте на стене, которую, по смутным воспоминаниям, вроде бы ребенком видел в Замке Грёз и связал с кладом — я тогда читал «Остров сокровищ» или что-то в подобном детском роде и примерил историю на себя, знаете, как бывает в таком возрасте. Мне показалось, на бедного Копателя моя ахинея произвела впечатление, хотя потом я пришел к выводу, что на самом деле он решил, что это все-таки ахинея, но захотел выудить деньжищ, разработав дельный план, который я сейчас изложу. Короче, мы наведались в Замок Грёз, и Хендерсон своим карманным фотоаппаратом сделал снимок карты. Полагаю, вы его видели, мистер Бридон, когда заходили к нам.

— Видел. Ведь вы этого и добивались, не правда ли? А кстати, для чего вам было нужно, чтобы я увидел карту?

— Мы опасались, что слишком скорая находка наведет вас на подозрения, и решили, будет чуточку правдоподобнее, если вы увидите, что нам помогло. Разумеется, мы не сомневались, что меньше чем через минуту вы соедините буквы линиями и найдете точку пересечения. Но если бы мы показали эту штуку, попахивало бы каким-то умыслом. Вот мы и оставили ее на столе, дав вам возможность посмотреть самому.

— Знаете, я вовсе не хочу с ходу вас пытать и все такое, но вы не откажетесь поведать мне — это единственная причина, по которой вы оставили карту на столе?

— Вроде бы больше ничего... Не совсем понимаю, к чему вы клоните.

— Хорошо, сформулируем иначе. Существуют ли копии снимка?

— Нет, насколько мне известно, нет. Фотография, конечно, по краям мутновата и наводит на мысль, что ее де-

лали с похмелья, но буквы вышли четко, кроме *А*, на пленке в этом месте было пятно — вы, разумеется, заметили.

— О, будьте уверены, заметил. Но я избавился бы от множества хлопот, если бы точно знал, что по округе не разгуливает пара копий. Однако продолжайте.

— Знаете, я считал это скорее забавным времяпрепровождением. Не очень-то я верю в то, что Карл Эдуард стал бы разбрасываться драгоценностями, а местные жители оставили бы их валяться, лишь бы не искать. Но мы договорились, что попытаемся, и если клад действительно окажется там, где якобы должен быть, мы его просто выкопаем и поделим с владельцами, все по-честному, без возни под столом. По крайней мере, я намеревался так поступить, и старый бедный Копатель говорил то же самое, но тому, что он говорил, трудно придавать большое значение. Понимаете, сэр Чарлз не самый гнусный представитель рода человеческого, хотя с арендой он крепко нас прижал. Но я бы не хотел оказаться в бегах со шляпой, наполненной сокровищами, на которые у него все права. Не знаю почему, но даже полагая, что вся мораль, а в особенности мораль коммерческая, обветшала, все-таки, надувая светского, как говорится, знакомого, вы испытываете отвратительное чувство.

— Однако чужих это, очевидно, не касается, — сухо вставил Бридон. — А тем более учреждений, страховой компании, например.

— В самую точку. Идея Копателя состояла в том, чтобы, если в указанном месте ничего не обнаружится, привезти какой-нибудь псевдоклад и выкопать его — как полагается и где полагается. Он сказал, проще простого найти компанию, которая застрахует нас от утраты клада, буде мы таковой обрящем. (Он просто блефовал, он не верил, что найдутся простофили, которые на самом деле застрахуют нас на случай, если мы ничего не найдем.) Это означало, что один из нас должен бежать. Очевидно — Копатель, потому как нужно ведь было просто-напросто испариться, по крайней мере на какое-то время, а ему это

было проще, особых корней у него тут нет. Кроме того, почему-то представлялось более правдоподобным, что именно я оформлю полис на случай его мошенничества. По его словам, имея шесть часов форы, он гарантированно ушел бы от полиции. А Хендерсон, надо сказать, в этом разбирался.

— Не сомневаюсь, — кивнул Бридон. — Чего я не совсем понимаю, так это в какой мере, до какой степени вы ему доверяли. Вы утверждаете, полис, оформленный вами в Компании, был частью... э-э... ну, скажем, обговоренного вами с Хендерсоном плана. Вы действительно не опасались, что он оставит вас с носом?

— Еще как опасался. Понимаете, Хендерсону вообще нельзя было доверять. На самом деле я как раз собирался рассказать, мы же чуть не поссорились с ним из-за того, как именно ему уходить. Он все твердил, что будет более правдоподобно, если он сбежит с барахлом. А я говорил, что это все прекрасно, но страхование дело ненадежное. И, если честно, не хотел позволить ему — по возможности — прихватить ценности. В конце концов мы договорились, что он улепетывает налегке, а сокровища мы опять закапываем в месте, где оба или кто-то один без труда их найдет.

— Говоря о сокровищах, вы имеете в виду псевдосокровища?

— Так я других и не видел. Вы, конечно, скажете, что псевдоклад, особенно поскольку он должен датироваться, если быть точным, серединой восемнадцатого века, не так-то просто раздобыть, когда у вас в карманах пусто, как у нас с Хендерсоном. Но тут у меня имелся козырь. У тетушки моей неподалеку, чуть севернее Перта, дом, который она предоставила в мое распоряжение, потому что сама им практически не пользуется. И дом этот до потолка набит якобитскими реликвиями; довольно бестолковая коллекция, доложу я вам, а некоторые экспонаты просто приводят в содрогание, но как раз то, что нам было нужно для театрализованного представления. Абсолютно под-

линная местная легенда утверждает, что клад Карла Эдуарда состоял из безделушек, подаренных ему французскими дамами. Мне ничто не мешало надергать из этого кошмарного ассорти наиболее ценную на вид ерунду, побросать в саратогский сундук и дать Хендерсону, чтобы он его закопал, а потом опять выкопал. Никто ничего не терял, зато чистый доход за счет страховой компании.

— Я как раз представляю эту компанию, — задумчиво проговорил Бридон. — Не знаю, отдавали ли вы себе в этом отчет.

— Еще как отдавал, с самого начала. На приеме, по-моему, это было у Обри Вентворта, ко мне подошла Гермия Дженнингс и сказала, что вон тот человек очень просил ему меня показать. По счастью, я в тот вечер был более или менее трезв и хорошенько вас рассмотрел, пока вы были заняты другими делами, а потом у кого-то, не помню, про вас разузнал. Конечно, я вас понимаю, вы отстаиваете права Компании. Но видите ли, моя мораль до таких вершин не дотягивается. Страховое дело, на мой взгляд, честная игра. Я рассказываю вам все это, поскольку на самом деле из нашей затеи ничего не вышло, так что вам не удастся спустить на меня цепных псов закона.

— А продолжите-ка вашу историю, — предложила Анджела.

— Да, разумеется. На чем я остановился? Так вот, единственное, чего я не нашел в Мортоне, был якобитский баул. А вещички просто в сырой земле как-то не очень смотрятся. Кроме того, довольно сложно было добиться того, чтобы экспонаты приняли грязный, лежалый вид. Знаете, мы немало потрудились над тем, чтобы серебро потускнело и все такое прочее. В общем, Хендерсон сказал, что купит саквояж в известном ему старом магазинчике в Лондоне, в каком-то медвежьем углу; там не задают никаких вопросов. Признаюсь, я не на шутку разозлился, когда он заявился в Мортон с огромным сундуком, который смастерили будто специально для того, чтобы таскать в нем майские деревья.

— О, так это был его выбор? — уточнил Бридон. — Интересно. Когда вы говорите, что Хендерсон «заявился», вы хотите сказать, у него имелся автомобиль?

— Нет, мне пришлось одолжить ему денег, чтобы он взял машину напрокат; то, что он нашел, было скорее для коммивояжеров, смахивало на небольшой грузовик. Видите ли, он сказал, очень важно, чтобы его заранее хорошо узнали в округе под другим именем и внешностью. А когда он потом пустится в бега и поднимется шум, он вернется к этой своей измененной внешности и никому не придет в голову его подозревать. Мне подумалось, звучит на самом деле разумно. И он решил представиться человеком, который ходит из дома в дом и продает пледы. Чтобы он смотрелся понатуральнее, мы накупили в Глазго несметное количество пледов. Он наклеил усы и еще придумал себе совершенно невозможную бабочку. Звался он Хьюисон — ведь Копатель довольно прилично говорил по-шотландски, не только на этом своем ужасном канадском наречии. Ну вот он и приторговывал пледами, всучивал всем, у кого хватило ума их купить, недели две, до того как мы приступили к осуществлению своей затеи на острове. На самом деле он сказал мне, что вполне тут примелькался.

— Мистер Летеби, почему, ради всего святого, вы позволили ему купить плед из шотландки? — не удержалась Анджела.

Впервые за время беседы Летеби, казалось, слегка смутился.

— Да-а, — расстроенно протянул он, — похоже, вы все тут разведали. Знаете, я велел ему купить эту жуть, поскольку думал, что так его запомнят. Он хотел, чтобы его запомнили, понимаете.

— Действительно запоминается, — признала Анджела, но почувствовав, что это прозвучало не совсем вежливо, попыталась вернуться собственно к теме беседы: — Наверно, эта машина с пледами пригодилась, чтобы привезти сюда сокровища?

— Да, попозже. Мы перевезли «сокровища» из Мортона примерно за неделю до того, как начинался срок аренды. Какой смысл был снимать их с места раньше необходимого, правда? На самом деле, кроме меня, в Мортоне никто не живет, стало быть, можно было не бояться, что кто-то хватится коллекции. А вот переправить ее на остров оказалось действительно непросто, особенно в сундучище, который купил Хендерсон. У меня довольно много знакомых на Флит-стрит, и кое-какие газеты раззвонили об этой истории, так что было нелегко передвигаться, не привлекая к себе внимания фоторепортеров. А сундук бросался в глаза за милю.

— И все-таки брать лодку было ошибкой, — заметил Бридон. — Вернее, вам следовало вернуть ее точно на то же место, откуда вы ее взяли. Надо было захватить побольше веревки. Это была первая насторожившая меня деталь, заставившая задуматься о том, что вы затеяли какую-то игру.

— Как я люблю это выражение — «затеяли игру»! Нравственная пилюля в облатке метафоры из мира развлечений, так что англичанин проглотит и не поперхнется. С этой лодкой, уверяю вас, было совсем не смешно. Понимаете, в последний момент выяснилось, что Хендерсон не умеет плавать, во всяком случае, он так сказал. И лезть в воду пришлось мне, а ночью, доложу я вам, здесь ужасно холодно.

— Моему мужу не нужно... — начала было Анджела.

— ... А мистеру Летеби не нужны вводные замечания, — торопливо перебил ее Майлз. — В половине одиннадцатого мы встречаемся с Лейландом, сэром Чарлзом и всеми остальными желающими. Так что, если не возражаете, давайте пробежимся до конца. В день, когда вы приезжали осмотреть остров, вы навестили это место и перевезли груз оттуда, где была пришвартована лодка, где к реке подходит дорога, ведущая на Глендауни, так?

— Да... А откуда вам это известно? Впрочем, неважно. Да, именно так. Мне пришлось переплыть реку с длин-

ной веревкой; перебросив таким образом канат, я привязал его к лодке. А до того мы перетащили лодку на другую сторону острова; это было довольно рискованно, но вроде бы нас никто не видел. Я привязал канат к обоим концам лодки, соорудив нечто вроде парома; Копатель перетянул ее на берег, загрузил, и я вернул ее обратно на остров уже с грузом. Копатель в зарослях орляка там же, поблизости вырыл небольшую яму — сходите посмотрите, сделано на славу, — и мы закопали в ней готовый к употреблению реквизит. Правда, потом мне еще нужно было вернуть эту проклятую лодку обратно к месту причала — и все в мокрющем купальном костюме. На курорте, конечно, ходить в нем приятнее.

— А зачем, собственно, нужен был трюк с веревкой? — спросил Бридон. — Разве на веслах не проще?

— Я ему так и говорил. Но, знаете, в некоторых вопросах Копатель был страшным занудой. Принялся ворчать, что плеск весел будет слышен на много миль, а сундук такой огромный, что либо помешает грести, либо просто навернется в воду и все прочее.

— Так это тоже была его идея? Значит, пока вы там плавали и гребли, Хендерсон просто полоскал ноги. А он проявлял признаки нетерпения?

— Ни капельки. Когда я привязал наконец канат, он даже оказался чем-то там занят, мне пришлось кричать, только тогда он пошел за сундуком. Нет, Копатель вообще никуда не торопился. Правда, время нас не поджимало, и, если бы не жутко холодная вода, было бы довольно занятно.

— Значит, все ваши сокровища вы упаковали в сундук? Как следует? Ничего не могло выпасть?

— Боже мой, так это вы нашли табакерку? Но тогда... Значит, я вчера получил ваше послание? Я-то думал, оно от Копателя. Но вы этого и добивались, разумеется. А знаете, мне нравятся ваши представления об игре. Если вы нашли табакерку на берегу, тогда она выпала, когда мы грузили сундук. Понятия не имею как, мы все отлич-

но законопатили. Я был уверен, там даже мышь не проскочит.

— Еще мы нашли ваши подтяжки для носков, — сказала Анджела. — Они у нас, в домике.

— Благодарю вас, миссис Бридон, рад, что они попали в хорошие руки... Ну что вам еще интересно? Вы, конечно, видели, как я приехал. С Копателем, который переоделся шофером. Потом, если вы следили за мной, я в который раз переплыл реку, а Копатель подобрал меня на дороге, ведущей в Глендауни. Я загримировался, и мы вернулись обратно — вы об этом догадались. Следующие несколько дней, точнее, ночей, было ужасно много дел: перенести в дом этот гигантский чертов сундук, потом утрамбовать его так, чтобы выглядело естественно.

— Вы несли на руках? — спросил Бридон. — Или опять пригодилась лодка?

— Нет, мы боялись вас, лодку не брали.

— Но, кажется, не было никакой необходимости все время хранить сокровища в сундуке? Разве вы не могли облегчить себе жизнь, нося их по частям?

— Да, знаю, Хендерсон так и говорил. Но, понимаете, на самом деле эта идея не приводила меня в восторг. Я как-то меньше беспокоился за коллекцию, если она была заперта в сундуке, а ключ у меня. Хендерсон, надо сказать, не самый надежный компаньон для уединенного пребывания на острове. Он, казалось, вообще не спит, а на меня это место действует так, что около десяти глаза начинают слипаться. Мне даже думается, он что-то подсыпал мне в виски, да я просто уверен в этом, особенно в последнюю ночь. Ну да ладно, значит, мы отволокли сундук в такой, знаете, дровяной сарай, около гаража, и забросали дровами. Пока вроде все шло хорошо, торопиться было некуда. Остров мы сняли на месяц и думали, что чем больше времени уйдет на поиски, тем будет правдоподобнее. Но именно в этот момент появилась тетушка Корнелия и, как я уже сказал, все испортила. Я получил от нее письмо. Погодите, когда это было? Во втор-

ник. В письме она спрашивала, не буду ли я возражать, если она остановится в Мортоне по дороге на север. Придумать предлог для отказа было невозможно, поскольку она хотела только переночевать и знала, что в Мортоне есть люди, которые о ней позаботятся. Но понимаете, это ставило крест на всей затее, точнее, заставило нас ужасно торопиться. Потому что свои якобитские штучки Корнелия бережет как зеницу ока и, конечно же, пошла бы проверять, все ли они на месте и все ли с ними в порядке. Так что оставалось только найти клад раньше, чем мы планировали, то есть в среду, и организовать исчезновение в четверг, разумеется, объединив бегство Хендерсона с возвращением побрякушек в Мортон. По счастью, получилось, ничто не предвещало, что все пойдет наперекосяк, хотя времени у нас было совсем немного. На самом деле я предлагал найти клад во вторник, но Хендерсон и слышать об этом не хотел.

— О, и почему же? — поинтересовался Бридон.

— Сказал, не успеет найти подходящую расселину в скале, закопать, да потом еще и выкопать. Так что в конце концов договорились на среду.

— И позвонили леди Гермии с просьбой привести меня?

— Такая мысль просто напрашивается, правда? Во всяком случае, вы пришли, так что эта часть истории вам известна.

— Значит, вы закопали клад накануне, во вторник ночью.

— На самом деле в среду утром, безбожно рано. Копатель сказал, если мы отправимся туда слишком рано, нас могут увидеть, и я пошел спать, а он разбудил меня на рассвете. Как я уже сказал, не исключено, он что-то подсыпал мне той ночью. Помню, я проснулся с прегадким ощущением во рту. А работка еще та, доложу я вам, надо было перетащить сундук через вершину холма, а нас всего-то двое, а он как будто бы стал еще тяжелее. Но мы справились, и Копатель аккуратно его закопал. Так что

все было готово, и я, повторюсь, оставил карту на столе, уверенный, что вы во всем разберетесь.

— М-да... А кстати, почему карта была под книгой?

— Под книгой? Случайно, скорее всего. Я оставил ее сверху. Странно. Но какая разница, ведь сработало... Затем надо было избавиться от барахла до приезда треклятого оценщика. Он бы тут же увидел, что особой ценности оно не представляет, и, кто знает, может, даже узнал бы кое-какие экспонаты из Мортона. Я устроил так, чтобы он приехал с утра, а Хендерсон должен был усвистеть с кладом еще раньше. Боюсь, сейчас будет сложно. Скажите мне, когда начнете путаться, ладно? Мы, конечно же, разыграли карту уморительного шофера. Хендерсон должен был надеть маску и костюм и отвезти меня на вокзал; а вы должны были решить, что он остался на острове. Я даже написал вам письмо с просьбой присмотреть за Хендерсоном, пока меня не будет, и собирался оставить его по дороге на вокзал в домике садовника. Правда, до этого не дошло, и письмо я сжег. Я там просил вас пригласить Хендерсона на гольф или что-нибудь в этом роде. Разумеется, предполагалось, что вы придете к нам и не обнаружите ни Хендерсона, ни сокровищ.

— Да, понимаю. Клад вы, конечно, увезли на машине. Вам не кажется, что все это довольно прозрачно?

— О, все было продумано тщательнейшим образом. Мы должны были доехать до вокзала, у каждого был обратный билет. Я должен был сесть на поезд в Инвернессе, а Копатель — разумеется, в гриме — ехать на машине до Авимора. Преимущество этой железнодорожной ветки в том, что можно ехать наперегонки с поездом. В Авиморе Хендерсон должен был снять костюм, засунуть его под сиденье автомобиля и сесть на поезд с багажом в виде большого чемодана с наклейкой, на которой большими буквами было написано «Дж. Хендерсон», что, как мы полагали, привлекло бы к нему внимание. А я тем временем должен был сойти с поезда, оставив багаж, нацепить

усы и на машине доехать до Блэр-Атолла. Там мы опять должны были поменяться местами: я должен был приехать на вокзал одновременно с поездом, без шляпы и всяких этих глупостей, и опять войти в свой вагон, как будто просто гулял по платформе. Копатель же должен был проехать небольшое расстояние до Питлохри (от этой станции мы добираемся до Мортона), там подкатить к вокзалу и встретить меня, как полагается, почтительно поздоровавшись и все такое. Псевдошофер должен был обратить на себя внимание в разных местах, улавливаете мысль? В общем-то это нетрудно.

— Неужели нельзя было организовать исчезновение Хендерсона как-нибудь попроще?

— В такой спешке нет. На наклейке было указано, что багаж следует до Лондона, правда, полиция могла спохватиться, что интересующий ее пассажир сошел в Блэр-Атолле. Но только его в любом случае невозможно было связать с мнимым шофером. Ведь легко доказать, что шофер ехал от Инвернесса до Питлохри на машине, а Хендерсон, и на это нашлись бы свидетели, по меньшей мере один перегон сидел в поезде.

— Понятно. И несомненно, остроумно. А это была его идея или ваша?

— Моя, от начала до конца. На самом деле Копателя не очень волновало, как он сойдет со сцены; просто сказал, что справится. Понимаете, если вы привычны к путешествиям и трансатлантическим лайнерам, исчезнуть-то не сложно. Главное, выехав из Мортона, он собирался двинуть на Глазго по западной прибрежной ветке, это недалеко. Что касается его доли страховки, она оставалась бы у меня, до тех пор пока он, ничем не рискуя, со мной свяжется.

— Пожалуй, ему это могло показаться несколько ненадежным. Ладно, в среду вечером, вы оба, готовясь привести в исполнение свой план, конечно, нервничали. Потом вы, поскольку почувствовали вялость и, возможно, были одурманены, отправились в постель, уснули и спа-

ли до тех пор, пока я не вломился к вам с криками «Пожар!». Так?

— Видите ли, я не до конца уверен. Вы ведь знаете, как бывает, когда вам на самом деле до смерти хочется спать. Трудно сказать, просыпались вы на мгновение или вам просто приснилось. Вряд ли я стал бы давать показания под присягой, но у меня такое ощущение, что ночью я проснулся и видел, как старина Копатель подглядывает в щелочку моей двери. Так родители смотрят, заснул ли ребенок. Только я, наверно, тут же опять провалился, так что ручаться не могу. Но вероятно, именно поэтому, когда вы меня разбудили, я первым делом подумал про Хендерсона и был готов поверить, что с ним случилось что-то ужасное.

— Полагаю, вы решили, что это Хендерсон сгорел в гараже — сначала. Мы все так решили. Может быть, вам вопрос покажется дерзким, но я все время ломал себе голову: вы так думали вплоть до минувшей ночи, пока не увидели его на берегу?

— А что мне еще было думать? Но мы несколько забегаем вперед. А в тот момент у меня даже сомнений не возникло в том, что произошло. Хендерсон меня опоил и собирался ночью дать деру с кладом, но сам несколько перебрал и, как полный идиот, когда пошел вывозить машину, взял керосиновую лампу. Потом он ее уронил, ну и загорелось. Я решительно не мог понять, как дверь оказалась заперта. И до сих пор не понимаю, хотя, конечно, похоже, ее запер Хендерсон. А это, видимо, должно привести к выводу, что у Хендерсона на кого-то был зуб — бог знает, на кого и за что. И он с этим кем-то довольно затейливым способом разделался. Но тогда, повторюсь, я решил, что дверь просто захлопнулась, от чего сдвинулась щеколда замка. Полагаю, если она чуть выдвинута, в принципе это возможно. Но если вы спросите меня, чем хоть одна живая душа могла заниматься той ночью в гараже, кроме, разумеется, Хендерсона, я пас, просто не представляю. А вы?

— Согласен, трудно понять... А накануне вечером машина стояла в гараже? Потому что если да, то, конечно...

— На самом деле, перед тем как завалиться на боковую, я пошел в гараж проверить, все ли готово. Машина была там. Так что вывел ее, полагаю, Хендерсон. И правильно сделал, потому что на следующий день она мне нужна была позарез. Времени на обдумывание хитроумного плана не оставалось; я просто запихнул проклятое якобитское старье в отделение для инструментов, а в общем-то, куда пришлось, и рванул в Мортон. Еще я очень переживал из-за табакерки, ее отсутствие могла заметить Корнелия. Поездочка была еще та, скажу я вам; я буквально засыпал за рулем и в ужасе просыпался. Но я все успел; если бы тетка чего-то хватилась, я бы, конечно, уже знал. Последние дни мне было совсем невесело, но, понимаете, приходилось торчать тут. Ведь если бы я уехал, возникла бы куча подозрений. Все же думали, что это я укокошил старину Копателя.

— А других причин нет? — спросил Бридон. — Я поигрывал мыслью, что вы, может быть, надеетесь найти настоящий клад. Что вы подумали, прочитав мое вчерашнее послание? Там говорилось про пятьдесят на пятьдесят.

— Допустим, послание настоящее, от Хендерсона (в чем я вовсе не был уверен). Тогда из него можно заключить, что Хендерсон попытался провернуть какой-то другой, свой план, но у него не получилось и он вернулся к нашей изначальной идее, а именно разуть «Бесподобную» и барыш поделить пополам. Мысль о том, что Хендерсон решился на доброе дело и предлагает со мной поделиться, я, разумеется, даже не рассматривал. Вы его не знали, в противном случае поняли бы меня. А кстати, по-вашему, он болтался тут все это время? Мне бы хотелось с ним переговорить, прежде чем он грохнулся в воду. Он, конечно, гадко со мной поступил, но все-таки я хотел бы уладить с ним кое-какие вопросы. Прошу вас, мистер Бридон, скажите, что вы на самом деле обо всем

этом думаете. Вы наверняка понимаете много такого, чего я не вижу.

Бридон взглянул на наручные часы.

— Пора домой, — сказал он. — Я договорился, что минут через десять к нам заглянет несколько человек, которых интересует эта история, и я с удовольствием поведаю им все, что вы мне только что рассказали, если позволите, а потом, полагаю, мне придется попытаться реконструировать действия Хендерсона. Если вы желаете узнать все поскорее, милости просим, присоединяйтесь к компании. Если нет, можете проведать нас вечером.

— А что, собственно, за компания?

— Ну, один мой друг, из полиции, мы вместе были на фронте. Он приехал, поскольку проделки Хендерсона вызывают его должностное любопытство. И конечно, сэр Чарлз.

— Я-то как раз всегда считал, что, учитывая обстоятельства, в которых обычно сталкиваешься с полицейскими, с ними легко поладить. Но сэр Чарлз невыносимый зануда... Кто-нибудь еще?

— Миссис Уочоуп грозилась заглянуть.

— Вопрос решен. Я готов выслушивать замечания, касающиеся моего поведения, от кого угодно, только не от тетушки Корнелии. Она чересчур эмоциональна, особенно когда речь заходит о движимом имуществе. Но если не возражаете, буду счастлив побеседовать с вами вечером. Вы точно не хотите ничего больше узнать? Я уже много месяцев не испытывал такого порыва искренности. А кстати, миссис Бридон, готов ответить на ваш вопрос. Помните те колючки? Это все-таки не морской укроп. Я тут нашел справочник дикорастущих растений, спустился к берегу и сверил.

— Как мило с вашей стороны. Мистер Палтни говорил, что видел вас с лестницей. Простите, что взвалила на вас свои проблемы.

— Да, здесь трудно уединиться. Верно, я брал лестницу. Если честно, робею карабкаться по скалам. Вы ведь

помните, каких усилий мне стоило тогда спуститься. А тут столько переносных лестниц, вот я и решил избавить себя от нервного потрясения. Я захвачу вечером книгу и покажу вам растение, которое имею в виду.

Глава 19
ДВОЙНАЯ ИГРА

Яркое солнце, выглянувшее с утра, оказалось недолговечным; его загородила величественная гряда облаков, и Майлз с Анджелой возвращались к домику садовника в атмосфере таинственности и полумрака. Возникало ощущение, что проклятие все еще висит над островом, хотя Хендерсон и поплатился за осквернение святыни. Трудно было избавиться от мысли, что каждая заросшая тропинка хранит следы враждебных сил, что коренастый дуб и взметнувшаяся к небу лиственница ломают голову над так и не раскрытой тайной. Дауни, где вода с прошлой ночи понизилась на несколько футов, тихонько посмеиваясь и журча, бежала мимо валунов у моста, словно осознавая, что выполнила свой долг стража. И мятущемуся воображению Анджелы почудилось, будто дым из каминной трубы расплывается в воздухе вопросительным знаком.

— Майлз, а на этот раз он говорил правду? — спросила она.

— Почти наверняка. Я задавал вопросы крайне беспорядочно, и он ни разу не сбился. Понимаешь, во время этих ужасных очных ставок всякий может грамотно врать, отвечая на последовательные вопросы. Но если запутать следы, вдруг пропустить пять вопросов и сразу перескочить к шестому, это сбивает с толку, человек начинает путаться, по крайней мере сомневаться. С Летеби этого не произошло, из чего я делаю вывод, что он говорил правду. И вообще я сегодня не заметил, чтобы он со свойственной ему тщательностью подбирал слова. Он даже сказал

то, чего никогда не сказал бы, если бы больше знал, чем делает вид, что знает.

— А именно?

— Забыл. Но вспомню. Все, что он говорил, совпадает, насколько мне удалось разузнать, с действительно произошедшими событиями. Это окончательно убеждает меня в том, что он не лжет. И догадаться не мог, потому что просто не знает всего, что тут случилось. Так что, думаю, Летеби можно оставить в покое.

— Но почему ты не спросил у него про ключ от гаража?

— Ты не поверишь, но мне сдается, ему ничего не известно. А я старался по мере сил избежать прокурорского тона. Анджела, ты не против, если я попрошу тебя помолчать две минуты, пока мы дойдем до дома? Теперь у меня, пожалуй, сложилась вся картинка. Хочу еще раз пробежаться по главным пунктам, убедиться... А миссис Уочоуп все время сбивает с мысли.

Лейланд, первый из прибывших гостей, встретил их у входа, и Бридон спросил у него, удалось ли идентифицировать труп.

— Еще бы, — ответил посланец Скотленд-Ярда. — Без всяких яких. Не то чтобы у бедолаги хорошо сохранилось то, что было лицом, но на теле много татуировок, а у нас имелся с них рисунок. Он ведь из тех кочевников, кто делает себе татуировки на случай всяких непредвиденных обстоятельств вроде этих. Могу сказать, у меня гора с плеч, потому что против этого Хендерсона накопился солидный список обвинений, и доказывать их все пришлось бы до второго пришествия. Мне с самого начала не хотелось думать, что это он погиб в гараже. Слишком похоже на несчастный случай, чтобы объяснить полное отсутствие следов. Вам так не показалось?

— Еще как показалось. Вы правы, тут все с первой минуты пошло не так. Скажите, Лейланд, а у вас есть что-то на молодого Летеби? Я только что его выслушал, и, чтобы объяснить все тем, кто вовлечен в эту историю,

мне придется повторить его рассказ. Так вот, из признаний Летеби можно заключить, что да, он имел преступные намерения (хотя и не собирался никого убивать), но цепь случайностей уберегла его от нарушения закона, и черты он не преступил. Однако если мой рассказ навлечет на него непредвиденные неприятности...

— Не думаю, что тут имеется повод для беспокойства. Конечно, мы за ним приглядывали, поскольку история с гаражом наводила на мысль о том, что Хендерсона, возможно, убил именно он. Но если все-таки имело место убийство, теперь его надо записать на счет Хендерсона. Скотленд-Ярд всегда готов предоставить мертвым погребать своих мертвецов.

Миссис Уочоуп явилась, страстно желая узнать события минувшей ночи, слухи о которых, предположительно имеющие своим источником чету Макбрейнов, уже взбудоражили округу.

— Дорогая, — сообщила она Анджеле, — в жизни не слышала ничего более поразительного! И как мило со стороны вашей и Майлза было подумать о том, чтобы в будущем гангстеры и им подобные, дабы почувствовать себя в безопасности, всегда кричали: «Ноги вверх!» — и ставили людей на голову. Просто невероятно! Никогда больше не буду с вами спорить, мистер Бридон, если только вы не в домашних тапочках. А теперь, ради всего святого, просветите мою несчастную голову относительно того, что же все-таки случилось. Мне, конечно, известно, и я вам уже говорила, Вернон слишком глуп, чтобы совершить приличное убийство, но я все-таки решительно не понимаю, кто же той ночью обратился в пепел, и вообще, почему это был не Вернон, коли уж на то пошло. Невозможно себе представить, чтобы человек жил с моим племянником под одной крышей и захотел убить кого-то другого. О, мы еще ждем гостей? Ну конечно, сэра Чарлза. Эти деловые люди всегда умудряются опаздывать. О, а вот и вы, сэр Чарлз! Да, мы ждали вас целую вечность. Ну, мистер Бридон, для начала расскажите нам, что мой родственник

имеет сказать в свою защиту. А потом сложите все вместе. Я буду очень огорчена, если вы не сумеете этого сделать.

Как и следовало ожидать, откровения, приведенные в предыдущей главе, произвели заметное впечатление на слушателей. Почти каждый новый поворот событий сопровождался взволнованным «Боже милосердный!» со стороны миссис Уочоуп и сдержанным «Что же дальше?» со стороны сэра Чарлза. Лейланду потребовалось некоторое время, дабы убедить обоих, что полиция не может считать правонарушением преступление, которое было запланировано, но так и не совершено. Когда гости наконец успокоились — Анджела к этому времени уже почти приплясывала от нетерпения, — Бридон не стал отклонять просьбу изложить всю историю в том виде, в каком он ее видит.

— Прежде всего зарубите себе на носу, — начал он, — что Хендерсон искренне верил в существование клада, спрятанного на острове Эрран. Да, для Летеби это была скорее игра, да, они с Летеби продумали план, имеющий целью найти в скале псевдоклад, но Хендерсон вполне серьезно искал настоящие сокровища. Далее, он был убежден в том, что подсказка, где их искать, содержится в старой карте, точнее, грубом плане, который висит у вас в Замке Грёз, сэр Чарлз, в комнате, где хранятся хартии, грамоты и документы. Вы, вероятно, узнаете ее по очень грубому, сделанному мной по памяти наброску. Понятия не имею, каким временем она датируется или якобы датируется, но Хендерсон явно думал, что ее составил тот, кто знал, где находится тайник, и что пометок на ней достаточно для того, чтобы его обнаружить. Они с Летеби приехали в замок под предлогом того, чтобы договориться об аренде, и тайком сфотографировали карту, которой Хендерсон придавал первостепенное значение.

Он хотел украсть клад; его вовсе не приводила в восторг мысль делиться с вами, сэр Чарлз, с короной и даже с Летеби. Но Летеби ему был нужен, хотя бы как болван. Лучшее прикрытие для находки и последующего присвое-

ния всамделишного клада, — так, вероятно, сказал он себе, — это спрятать поблизости мнимый и найти его. Будет ли раскрыт мошеннический трюк или нет, не важно, поскольку к тому времени он с настоящим кладом будет уже очень далеко, и расхлебывать кашу придется сообщнику.

— Это выражение восходит к... — начал мистер Палтни.

— Дорогая, — строго обернулась миссис Уочоуп к Анджеле, — вы достаточно хорошо знаете этого человека, чтобы велеть ему заткнуться?

— Ну, тогда скажем «платить по счетам», — улыбнулся Бридон. — Одним словом, вы должны понять, это в истории главное. Летеби собирался искать сокровища, которых, скорее всего, не существует. В случае подтверждения факта их блистательного отсутствия он планировал заработать нечестным трудом, инсценировав находку клада и убедив страховую компанию, что Хендерсон его украл. Он полагал, у Хендерсона такой же план. Но план Хендерсона был совершенно другой. Он хотел, использовав псевдоклад, завладеть настоящим и оставить с носом не столько даже белый свет, сколько самого Летеби. И то, что я, пытаясь раскрутить это дело, был, как вы увидите в дальнейшем, полным идиотом, объясняется глупейшим просчетом: я долго считал, что Хендерсон и Летеби заодно, и только под конец начал понимать, что Хендерсон ведет двойную игру. Если вам будет угодно, Палтни, мы обсудим происхождение этого выражения позже, а пока вам придется, не перебивая, позволить мне рассказать вам о тех, кто натаскан в ведении двойных игр.

Я должен был догадаться обо всем, когда мой взгляд упал на карту, точнее ее снимок. В тот день, когда мы с леди Гермией ходили на остров и миру был явлен псевдоклад, фотография лежала на столе. Леди Гермия, несомненно, действовала по договоренности, согласно которой она должна была привести меня на остров именно в это время. И наличие на столе столь важного документа именно в этот момент наводит на мысль, что его об-

ладатели меня к нему подталкивали. Однако карта была прикрыта, строго говоря, сверху лежала книга. Как я теперь понимаю, книгу положил Хендерсон, чтобы спрятать от меня карту. Летеби хотел, чтобы я ее увидел, Хендерсон — нет, в планы последнего не входило, чтобы я с ней ознакомился. Но я, как последний маразматик, решил, что карту мне подсунули они, и, следовательно, они пытаются обвести меня вокруг пальца. Обвести вокруг пальца, Палтни.

Чтобы создать впечатление, что клад самый что ни на есть настоящий, мошенникам надо было заставить меня думать, будто он был обнаружен именно в месте, указанном на карте. Летеби так и рассуждал. Он уверял меня в этом, и я убежден, он говорит правду. Но я обладаю утомительной привычкой пытаться быть самым умным, и, как тебе известно, Анджела, с меня семь потов сошло, пока я разобрался, где в карте ловушка. Я разобрался, ура, но сделал из этого неправильные выводы.

Вот перед вами карта, точнее, ее копия. Оригинал, как, вероятно, заметил сэр Чарлз, почти такой же грубый. Остров представляет собой почти овал с несколько уплощенными оконечностями. Кроме того, проигнорированы выступ на севере в восточном направлении и на юге в западном направлении. Вот буква *E*, которая обозначает просто-напросто восток. Карта была сфотографирована (или снимок был отпечатан) так, чтобы W с другой стороны было не видно, так же как букв *N* и *S*, которые, вероятно, тоже есть на карте. Имеются еще буквы *B*, *C* и *D*, которые явно служат указанием. И обратите внимание на пятно, которое на фотографии выглядит так, будто его посадили при проявке. Даже моя жена сразу поняла, что пятно посажено для того, чтобы заляпать букву *A*.

Предположив, как сделал я, что карта должна ввести в заблуждение, я немедленно пришел к выводу, что пятно на букве *A* появилось не случайно. Даже безнадежный тупица поймет: сторонний человек, наткнувшись на кар-

ту, догадается, что под пятном скрывается буква *A*. На какое-то время его может сбить с толку буква *E*, но рано или поздно до него дойдет, что здесь была *A*, и место, где предположительно находится клад, находится на пересечении линий *AC* и *BD*. (И вы увидите, что псевдоклад был найден именно в точке пересечения двух линий, так, как они помечены на этой карте.) Нет, человек, который хотел заморочить мне голову, не мог пытаться скрыть тот факт, что здесь была *A*, или причину, по которой она здесь была. Значит, он пытался скрыть от меня ее вид. Почему?

Я не собираюсь дожидаться, пока вы догадаетесь, потому что, по правде сказать, мне самому понадобилась для этого куча времени, хотя к тому моменту я уже достаточно продвинулся. Но если бы я дал вам время, вы бы все поняли, что разные буквы алфавита в разной степени подходят человеку, который хочет сфальсифицировать документ, перевернув его вверх ногами. Например, слово «ОНО» читается что так, что так. Но довольно много букв, если перевернуть надпись, себя изобличат, если одновременно не подставить зеркало или не поместить лист на просвет. На самом деле — как сказал бы Летеби — это буквы *B*, *C*, *D*, *E*, и *K*; по-моему, все. Если написать «ВЕС», перевернуть лист вверх ногами и наставить на него зеркало, то вы прочтете в зеркале «ВЕС». Но если проделать то же самое со словом «ВАС», то вы расстроитесь. Буква *A* окажется перевернутой.

Вывод: тот, кто пытался ввести меня в заблуждение, хотел, чтобы я прочитал карту вверх ногами и лицом вниз, то есть в зеркальном отражении. Он замазал букву *A*, которая испортила бы всю игру, и оставил *B*, *C*, *D* — с ними все было в порядке. Он оставил *E*, с которой тоже все было в порядке, но сознательно убрал все остальные направления, с ними номер не прошел бы. Поскольку передо мной был фотоснимок, я без труда понял, как это было сделано. Стоит только перевернуть снимок в рамке вверх ногами и лицом вниз, и выйдет то, что нужно, толь-

ко немного мутно. Но фотография, я забыл сказать, и была мутновата.

К сожалению, у меня не оказалось под рукой зеркала — ты, Анджела, уже улеглась, — но особой сложности задача не представляла. Видимо, на оригинале, до всех этих фотографических фокусов, искомая точка тоже находится в восточной части острова, только ближе к югу, не к северу, чуть южнее того места, где стояла на приколе лодка № 1 — кстати, именно там, где вы, Палтни, в ту ночь ее видели. Итак, я разгадал загадку и принял необходимые меры предосторожности. Но я упорно полагал, что это уловка, при помощи которой Хендерсон и Летеби хотят заморочить мне голову; я не додумался, что это Хендерсон морочит голову Летеби. Я не понял — хотя особой роли это и не играло, — что клад, который на моих глазах вытащили из-под земли, был лишь коллекцией музейных редкостей. Боюсь, это не моя епархия, миссис Уочоуп. Я пришел к следующим выводам: настоящий клад нашли там, где было указано на неискаженной карте. Хендерсон с Летеби отобрали наименее ценные предметы, к тому же неудобные в транспортировке, и перепрятали их в ложный тайник, чтобы выкопать и предъявить городу и миру, а ценные и удобные экспонаты схоронили во мраке ночи, не собираясь никому показывать.

У меня было совсем немного времени все это обдумать, потому что события начали развиваться с бешеной скоростью: пожар, труп, который нашли в запертом гараже... Теперь я, пожалуй, могу переключиться на Хендерсона и объяснить, каковы были его намерения в ту ночь. При помощи карты — настоящей карты — он нашел сокровища. Он копал по ночам и ничего не говорил Летеби. (Обычно он брал с собой фонарь со свечой, отчасти, конечно, потому что он не такой яркий, как электрические, но отчасти, думаю, для того чтобы Летеби не заметил, как здорово они подсели, а это непременно произошло бы, если бы Копатель пользовался электрическим фонарем.) Под конец ему пришлось поторопиться, так как ваш при-

езд в Мортон, миссис Уочоуп, смешал его планы даже больше, чем планы Летеби. Но клад он нашел и к бегству по воде подготовился. Бежать он, разумеется, собирался, когда все на мили вокруг будут заняты тушением пожара в гараже. Копатель собирался переправить груз на берег и там, как только минует опасность, переложить его в арендованную машину, на которой он развозил свои пледы. Машина должна стоять где-то неподалеку; полагаю, полиция скоро ее найдет. Хендерсон опоил компаньона и, чуть позже украдкой заглянув в комнату, убедился, что пойло возымело действие. Все было готово, оставался только гараж. Хендерсон взял керосиновую лампу и вышел из дома. Он специально вылил остатки виски, который уже не мог вместить сам, чтобы все потом подумали, будто, отправляясь по своим освещенным лампой делам, он был в дрезину пьян. Возможно — так мог думать Копатель, — любопытные сыщики придут к выводу, что он хотел бежать с псевдокладом, пока компаньон спит. Но к каким выводам они там придут, не имело значения, поскольку к тому времени все должны были решить, что он погиб — пал жертвой рокового несчастного случая, опрокинув керосиновую лампу. Никто не узнал бы, что настоящий клад вообще существовал. Что же до псевдоклада, пусть Летеби выкарабкивается, как может. Конечно, никаких выплат со стороны Компании не будет — ведь застрахована была честность Хендерсона, а не его жизнь.

Бридон умолк, и сэр Чарлз, уже некоторое время беспокойно ерзавший на стуле, увидел возможность задать не дававший ему покоя вопрос:

— Вы меня простите, мистер Бридон, ваше повествование восхитительно, если можно так выразиться, проясняет дело, но не считаете ли вы, что нам будет проще следить за ходом вашей мысли, если вы прямо сейчас скажете нам, чей же труп был найден в гараже?

— Ах, вы об этом! Ну разумеется. Правда, я, конечно, не знаю доподлинно, что это был именно он, могу лишь догадываться, но, боюсь, его звали Энгес Макалистер.

Глава 20
ИГРА НА ТРОИХ

Было занятно наблюдать, какой эффект произвело сообщение Бридона. Миссис Уочоуп, мистер Палтни, Лейланд, казалось, пришли в полное замешательство. Анджела нахмурила брови; по ее лицу можно было прочитать, что ей недавно попадалось это имя, но она никак не могла вспомнить, где именно. У сэра Чарлза отвисла нижняя челюсть, и он беспомощно водил губами, пытаясь дать хоть какой-то ответ.

— Но... боже мой... ведь... мистер Бридон... Что вы такое говорите?

— Боюсь, это не шутка, но Хендерсон в общем-то и не собирался шутить. Если помнишь, Анджела, Летеби сказал нам, что не может себе представить, чем хоть одна живая душа могла заниматься в гараже поздней ночью. Он бы ни за что не использовал это выражение, если бы участвовал в том, что произошло; оно слишком близко к правде. В гараже и в самом деле не было ни одной живой души — кроме Хендерсона. Он приволок туда скинутую оболочку души, которая некогда была живой. Мертвое тело, позаимствованное им для этой цели. Нам давно следовало об этом догадаться, несмотря на пуговицы и ботинки, которые легко подбросить. Тело слишком уж сгорело для живого человека, если вы понимаете, что я имею в виду. Конечно, несчастный случай, а уж такой пожар тем более едва ли сохранил бы что-нибудь кроме костей, но ведь там просто ничего не осталось. Должен признаться, я был далек от этой мысли, пока меня не навел на нее пастор, заявив, что готов похоронить Хендерсона на своем кладбище, поскольку если покойный носил шотландское имя, то скорее всего был пресвитерианцем и, как выразился мистер Маклин, земляком Нокса. Слова звенели в глубине сознания, но на первых порах не поддавались толкованию. И только вчера, перед тем как заснуть, я догадался. Как там в стишке?

Доктор Нокс скупал товар.
А делили весь навар
Бёрк и Хейр — тупой мясник
И ворюга-озорник*.

Хендерсон был земляком того эдинбургского хирурга, который стяжал столь дурную славу во времена, когда похитители трупов выкапывали из могил тела для анатомических театров.

Копатель, хотя теперь его с полным правом можно назвать Гробокопателем, сразу обратил внимание на удобную близость погоста к месту действия и, когда разъезжал с пледами, провел там одну долгую ночь, при помощи своей жутковатой сноровки выкопав прах человека, который, согласно свидетельству на могильном камне, умер не так давно. Надо сказать, Хендерсон попал бы в дурацкое положение, если бы тот оказался одноногим. Потом, как следует полив все бензином, на пустынном, огороженном склоне он развел огонь, сжег останки и, набросав поверх пледы, увез их, прежде чем пастор и Макбрейн подоспели к месту предполагаемого пожара. Обугленный скелет он закопал в прибрежный песок у дороги, ведущей в Замок Грёз, прямо напротив южной оконечности острова. Сюда-то Копатель вернулся на следующую ночь вместе с Летеби и псевдокладом, упакованным в длинный, жутко неудобный сундук, который сам же и купил.

Ведь это Хендерсон, ты помнишь, Анджела, купил сундук; ему приглянулась форма, поскольку перед Гробокопателем стояла особая цель. Это Хендерсон сказал, что не умеет плавать, и спровадил Летеби на остров; это Хендерсон уговорил компаньона перетягивать лодку веревкой, а не грести на веслах. В результате он получил предлог целую вечность проторчать на берегу, в то время как Летеби, находившийся на острове, не мог его ви-

---

* В начале XIX в. содержатели постоялого двора Уильям Бёрк и Уильям Хейр убивали своих постояльцев и продавали трупы для препарирования врачу Роберту Ноксу.

деть. Летеби перед заплывом разделся, а ключ от сундука, как он сам сказал, лежал у него в кармане. Хендерсон достал ключ, вытряхнул все из сундука, выкопал из песка скелет — тот был недалеко — и засунул его в сундук вместо клада. Времени у него было в обрез, он даже заставил Летеби ждать; вот закапывать псевдоклад в то же место, где какое-то время лежал скелет, он мог уже не торопясь. Но все-таки в спешке упустил из виду табакерку, которую вчера нашла моя жена.

Так что Пэттерсон говорил чистую правду — он действительно видел, как при лунном свете по реке перевозили гроб. Да и Хэбингтон оказался прав: когда нашли клад, мертвые лишились покоя на погосте Глендауни. Не знаю, как именно Копатель по частям переправлял псевдоклад на остров. Полагаю, на лодке, в одну из бессонных ночей, после того как они поселились на острове. Оставалось лишь снова упаковать их в сундук и вынуть скелет. Скорее всего, он управился с этим в ночь перед находкой псевдоклада. Конечно, у Летеби в ту ночь тоже было ощущение, будто его опоили. А скелет под кучей дров в дровяном сарае дожидался, пока его перенесут в гараж в качестве несомненного доказательства для всех и каждого, что Хендерсон стал жертвой рокового несчастного случая вследствие небрежного обращения с керосиновой лампой.

Он все продумал, например, не запер дверь, чтобы отвести подозрение в каких-то махинациях — все должны были понять дело так, что Хендерсон надрался до бесчувствия и не смог спастись. Облив все бензином в непосредственной близости от скелета, он пустил красного петуха, бросил лампу на пол, спешно покинул обреченный гараж и рванул к лодке № 1, где находился настоящий клад. Только когда Хендерсон добежал до лодки, клада там, конечно, уже не было.

— Как не было? — воскликнул сэр Чарлз. — А кто же его взял?

— Так я и взял. Когда я разгадал тайну карты, как раз настало время сменить Палтни, который следил за лодкой

№ 1. И он привлек мое внимание к тому обстоятельству, что она переместилась. Я сразу же понял, что лодка стоит именно там, где был настоящий клад. Так что когда Палтни ушел, я переплыл реку на нашей лодке и увидел в лодке № 1 льняные мешки. В один небольшой мешочек были ссыпаны драгоценные камни, в остальных явно преобладало золото. На вид они были довольно тяжелые, а я не хотел поднимать шум. Я переплыл обратно на лодке № 1, оставив взамен нашу — на вид она точно такая же, — сошел на берег, привязал к кладу прочную веревку, которую захватил с собой на случай надобности, затопил его, а другой конец веревки закрепил у берега. Затем мне пришло в голову, что мешочек с камнями неплохо бы привязать к другой веревке, вдруг кто-то захочет его выловить. А значит, пришлось нырять, потому, Анджела, у меня и были мокрые волосы.

— Ты все-таки невообразимый нахал, я же прямо спросила тебя на следующий день, знаешь ли ты, где клад. И ты сказал, что, скорее всего, его стащил либо Летеби, либо Хендерсон!

— Прости, но я специально подчеркнул, что мои сомнения относятся к ценностям, выкопанным в тот день после обеда и находившимся в кожаном сундуке. Я ни слова не сказал о другом кладе. Я все время был чрезвычайно корректен. Например, не стал телеграфировать Шолто, когда был обретен псевдоклад. Он потом жаловался, но ведь я отправил ему телеграмму, как только был найден настоящий клад — мною найден.

— Вы меня простите, — вставил сэр Чарлз, — но один вопрос, по моему мнению, не терпит отлагательств. Может быть, мистер Бридон, вы не откажетесь сообщить нам, где сейчас находится клад? Поскольку, если не ошибаюсь, я частично являюсь его владельцем.

— Золото, вероятно, там, где я его оставил, на дне реки. Веревка укажет, где именно, хотя, чтобы выудить его, вам понадобится багор или что-нибудь в этом роде. А камни прошлой ночью прихватил Хендерсон, незадол-

го перед тем как упасть в реку. Может, у Лейланда есть какие-то сведения?

— Да, при нем был найден мешочек, — откликнулся Лейланд, — он сейчас в участке. Поздравляю вас, сэр Чарлз.

Прошло некоторое время, прежде чем Бридон смог продолжить свой рассказ:

— Увидев, что клад исчез, Хендерсон, разумеется, пришел в бешенство, но не слишком удивился. Он сделал вывод, что Летеби, выведав его секрет, притворился спящим и умыкнул клад, пока сам он возился в гараже. Что ему было делать? Вернуться означало утратить все преимущества мнимой гибели, кроме того, маячила перспектива весьма неприятных объяснений. Оставалось одно-единственное — прежде чем ты, Анджела, заметила огонь, он бегом вернулся в гараж и все-таки запер дверь. Он не просто затянул петлю на шее Летеби, чем удовлетворил свое мстительное чувство, Копатель позаботился о том, чтобы за Летеби установили слежку, лишив его, таким образом, возможности распорядиться кладом. А там, глядишь, тот вообще покинул бы эти места, может быть, переселившись в тюрьму. И тогда наступил бы его черед еще раз обрести клад.

Но все пошло не так. В шотландском законодательстве имеется формулировка «не доказано», и потому шотландский «фискальный прокуратор», то есть следователь, еще меньше доверяет косвенным уликам, чем английский коронер. Летеби, таким образом, был обездвижен, но не устранен. Последние три дня Хендерсон провел на острове, полагаю, то в лесу, то в дровяном сарае, подворовывая абы какие съестные припасы из кладовой Летеби, наблюдая за каждым его шагом и прочесывая каждый дюйм в поисках следов пропавшего клада. На острове полно мест, где можно спрятаться, а Хендерсон, конечно же, давно привык к довольно разносторонней жизни под открытым небом.

— Да, — кивнул Лейланд, — трудно сказать, чем он не занимался.

— И вот, — продолжил Бридон, — началась совершенно невероятная, уже тройная игра, где вершинами треугольника были Хендерсон, Летеби и я. Гробокопатель считал, что настоящий клад присвоил Летеби, и ждал, что тот совершит ошибку, выдав тем самым его местонахождение. Он единственный знал тайну трупа и запертого гаража. Летеби не мог ее разгадать и понятия не имел о настоящем кладе. Он искренне полагал, что Хендерсона нет в живых. Следовательно, с моей стороны расставлять ловушки Летеби было совершенно бессмысленно, так как в этой интриге он был чист как младенец. А я, дурак, продолжал считать, что Летеби вовсю участвует в игре, и склонялся к тому, что он в самом деле убил Копателя. Но еще хуже, что Хендерсон все это время бродил по острову, о чем я и не догадывался, и аккуратно снимал ловушки, которые я расставлял Летеби.

— Какие ловушки? — спросил Лейланд.

— Например, как-то ночью, а именно в пятницу, я прошелся по острову, протянув цепочку из золотых монет, ну как будто клад несли в прохудившейся таре. Летеби должен был решить, что Хендерсон перед смертью перепрятал клад в новый тайник, возможно, на маленьком островке посреди стремнины. Летеби — таков был мой план — заметит монеты и опять примется искать клад, чем себя и выдаст. А чтобы наверняка, я велел Анджеле выманить его на прогулку, где он просто не мог их не заметить. Он бы, конечно, зачесался, если бы в самом деле увидел монеты. Но этого не произошло, поскольку рано утром их подобрали. Нет, Анджела, не Летеби, как мы думали, это сделал Хендерсон.

Пикантность вот в чем: я хотел, чтобы Летеби решил, что клад украл Хендерсон, но вместо этого добился того, что Хендерсон решил, что клад украл Летеби. Он уже питал такие подозрения, но я своими действиями заставил его поверить, что сокровища в самом деле закопаны на островке. Должно быть, для Копателя стало крайне неприятным сюрпризом на следующее утро увидеть тебя

с Летеби, идущими именно этим путем. В действительности ты вела Летеби на поводке, но Хендерсон, конечно же, решил, что это Летеби ведет тебя на поводке, что он собирается инсценировать еще одно обнаружение клада, только на сей раз настоящего. Копатель прятался в высоких зарослях орляка, откуда начинается спуск, там вы по ступенькам прошли к воде. И с отчаяния он выкинул гениальную штуку. Когда вы спускались — сначала ты, потом Летеби, — Хендерсон перебросил через холм ключ от гаража, который все это время лежал у него в кармане. Тот упал недалеко от тебя. Ты решила, как того и хотел Хендерсон, что ключ выпал из кармана Летеби. И мы оба решили, как того и хотел Хендерсон, что это Летеби запер дверь гаража и, значит, он убийца. Что бы там ни сталось с сокровищами, Хендерсон был решительно настроен накинуть на шею Летеби петлю, прежде чем тот коснется хоть одного пенни.

А прошлой ночью в тройной игре был сделан новый ход. Чтобы понять наконец, убийца ли Летеби, я написал послание, якобы от Хендерсона, который якобы предлагал Летеби встретиться и поделить улов пополам — под уловом я подразумевал настоящий клад. Встреча была назначена в том месте, где и находился настоящий клад. Послание при помощи миссис Макбрейн было оставлено в доме на острове, так чтобы Летеби его нашел. Но как я уже говорил, Хендерсон время от времени совершал туда набеги; потому-то миссис Макбрейн так удивлялась нерегулярному питанию жильца. И послание нашел Хендерсон, не Летеби, и разумеется, решил, что оно от Летеби, не от меня. Он не стал его брать — какой смысл, если, как он считал, его оставил Летеби? Так что Летеби тоже его обнаружил, и на встречу пришли оба. Я думал, Летеби решит, что ему явился призрак Хендерсона, но вышло так, что Хендерсон решил, что ему явился призрак Летеби. Или же он пришел к выводу, что Летеби окружили его со всех сторон, и прыгнул в реку — или упал, бедолага. Не знаю,

действительно ли он не умел плавать, но прошлой ночью это не имело никакого значения.

Вот и все. А теперь мистеру Маклину придется хоронить двоих, хорошо хоть один надгробный памятник уже имеется. А вам, сэр Чарлз, предстоит решить довольно щекотливый вопрос, имеет ли юный Летеби какие-то права на долю подлинного клада. С одной стороны, он его не находил; по крайней мере, на острове не находил, а потому как арендатор не имеет на него права. С другой — клад нашел его компаньон, что дает Летеби некоторые права. С третьей стороны, Летеби не принимал никакого участия в поисках, а Хендерсон, когда нашел сокровища, действовал вовсе не в интересах синдиката. Мне думается, если вы обратитесь в суд, перед британскими присяжными встанет весьма непростая задача.

— Ну, если вы об этом... — протянул сэр Чарлз, — я намерен предоставить ему его долю. Видите ли, я не сильно стеснен в средствах. Не считаю себя суеверным человеком, но начинаю думать, что за всеми этими россказнями о про́клятых сокровищах кроется своего рода богословская мораль, и, что бы там ни досталось мне от сокровищ принца Чарли, мой карман для них не место. Я передам их на благоустройство округи и первым делом, после того что мы услышали, построю хорошую, крепкую стену в десять футов высотой вокруг погоста Глендауни. А Летеби, наверно, понадобятся деньги, дело молодое.

— Ну для начала ему захочется иметь какую-нибудь конуру, — пожала плечами миссис Уочоуп. — Потому что в Мортоне он точно больше жить не будет.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

Хронология событий 9
Глава 1. РИВЕРЫ ИЗ ДОРНА 11
Глава 2. КОЛИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ 19
Глава 3. ДОНАЛЬД РИВЕР ОБЪЯВЛЯЕТ СВОЮ ВОЛЮ 28
Глава 4. ЯСНОВИДЯЩИЙ 36
Глава 5. ТЕЛО СНОВА НА МЕСТЕ 44
Глава 6. ТИС И КИПАРИС 52
Глава 7. ДОРОЖНЫЕ БАЙКИ 60
Глава 8. КУЗЕН ГЕНРИ ПРИХОДИТ НА ЧАЙ 68
Глава 9. УЖИН С ДОКТОРОМ ПАРВИСОМ 77
Глава 10. БЕЗ РАЗУМА И ТЕЛА 85
Глава 11. ЧЕРТОВА ВПАДИНА 93
Глава 12. АНДЖЕЛА ЗНАКОМИТСЯ С ОБЩЕСТВОМ 101
Глава 13. ЛЕКЦИЯ О ЧИСЛАХ 109
Глава 14. НАХОДКА МАЙОРА РИВЕРА 117
Глава 15. ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ 125
Глава 16. МИСТЕР КАСТЕРС РАЙТ 133
Глава 17. ДРУГОЙ ПЛАЩ 140
Глава 18. ОТКРЫТАЯ МОГИЛА 149
Глава 19. БРИДОН ОБЪЯСНЯЕТ 157
Глава 20. БЕГСТВО РИВЕРОВ 164
Глава 21. ЛИЦО В ОКНЕ 172

Глава 22. ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТ ПОДРОБНОСТИ 180
Глава 23. ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗАВШИЙ ПРАВДУ 187
Глава 24. ВЕЧЕРНИЙ ПРУД 195
Глава 25. ПРОЩАЛЬНЫЙ КУБОК 203
Глава 26. УБИЙСТВО ИЛИ НЕТ? 210

ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Глава 1. ПОГОСТ ГЛЕНДАУНИ 221
Глава 2. ЗАМОК ГРЁЗ 236
Глава 3. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЗА НИМ СЛЕДИЛИ 249
Глава 4. ГДЕ БЫЛА ПРИШВАРТОВАНА ЛОДКА 262
Глава 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ МЕСТА 275
Глава 6. РЕЛИКВИИ СОРОК ПЯТОГО ГОДА 290
Глава 7. В ТОЧКЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ 302
Глава 8. ЧЕЛОВЕК В ГАРАЖЕ 314
Глава 9. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕРНОНА ЛЕТЕБИ 326
Глава 10. ПРОКЛЯТИЕ ДЭВИДА ХЭБИНГТОНА 339
Глава 11. МИСТЕР ПАЛТНИ В ПОИСКАХ ОСВЕЖАЮЩИХ НАПИТКОВ 352
Глава 12. СОКРОВИЩА УСОПШЕГО ПРИНЦА 365
Глава 13. НАЖИВКА 378
Глава 14. В САДУ У ТОМА ТИДЛЕРА 392
Глава 15. ЗЕМЛЯК НОКСА 408
Глава 16. ЕЩЕ ОДНА ЛОВУШКА 421
Глава 17. НОВЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ВООРУЖЕННЫМИ МОШЕННИКАМИ 433
Глава 18. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ 446
Глава 19. ДВОЙНАЯ ИГРА 461
Глава 20. ИГРА НА ТРОИХ 470

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Нокс Рональд

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ
ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ

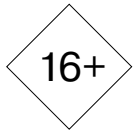
Романы

Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: **www.ast.ru**
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic
«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
Интернет-магазин : www.book24.ru
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.01.2019. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж экз. Заказ .

ISBN 978-5-17-101097-3